

Книга отсканирована
в рамках проекта
«Краевед Оренбуржья»
<http://OrenKraeved.ru>

Р
А
С
С
К
А
З
Ы
Г
Е
Р
О
Я
Х

За хорошую учёбу
и примерное поведе-
ние учиться в кл.
ср. шк. № 8.

Виноградовой О.

Директор шк.
кл. рук: Дядя

5/21 6/2.

РАССКАЗЫ О ГЕРОЯХ

ОРЕНБУРГСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1960

Составители

*Полковник запаса В. В. ВЕСЕЛОВ,
полковник запаса И. В. ФИЛИППОВ*

ВЗРАЩЕННЫЕ ПАРТИЕЙ

Тихим июньским утром 1941 года бронированные полчища гитлеровцев вероломно вторглись на советскую землю. Враг, наглый и самоуверенный, поставивший на колени почти всю Западную Европу, располагал огромными экономическими возможностями, отмобилизованной армией, первоклассной боевой техникой. Необычайно великая опасность нависла над нашей Родиной. Но и в те первые, самые тревожные дни войны, когда многие военные специалисты за рубежом уже высчитывали сроки очередной победы гитлеровцев, наши люди не дрогнули, не пали духом, не проявили и тени сомнения в неминуемом крахе фашистских захватчиков. Испытавшие радость свободного труда, познавшие счастье жизни, советские люди перед лицом смертельной опасности встали во весь свой исполинский рост. В сердцах советских патриотов зажегся священный огонь неукротимой ненависти к врагам, еще ярче разгорелась всепобеждающая любовь к своей матери-Отчизне. Советский народ, как один человек, поднялся на защиту исторических завоеваний Великого Октября, превратил свою страну в единый боевой лагерь.

«Никогда не победят того народа, — говорил основатель нашего государства В. И. Ленин, — в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда». Эти пророческие слова

пролетарского вождя нашли свое воплощение в делах и помыслах советских людей, в их героических подвигах на фронтах Великой Отечественной войны, в их победе над черными силами фашизма.

1417 дней и ночей длилась невиданная в истории народов жестокая битва. 1417 дней и ночей сыны и дочери страны Советов изумляли своими подвигами весь мир. История человечества сохранила не мало героических легенд. Но перед подвигами, которые совершали советские люди в годы Великой Отечественной войны, меркнут сказания седой старины. Советская Армия предстала перед миром как армия героев-освободителей. Человек свободного социалистического общества явился творцом нового, высшего героизма — героизма массового. В Сталинграде и поныне стоит дом, на стене которого рукой неизвестного солдата кровью начертаны слова: «Здесь стояли насмерть гвардейцы Родимцева. Выстояв, они победили». Герой не указал своего имени, не назвал своих товарищей по подвигу. Своей надписью он как бы хотел подчеркнуть, что путь воинской доблести — это путь каждого советского солдата, что героизм стал нормой поведения миллионов сынов социалистической Родины.

Некоторые буржуазные ученые утверждают, будто бы героизм — явление случайное, что для свершения подвига нужны особые качества человека, стечение исключительных обстоятельств. Да, это действительно так, если речь идет о человеке капиталистического мира, у которого на первом плане стоят нажива, личное обогащение. Героизм же советских людей имеет иные истоки. К проявлению героизма, говорил М. И. Калинин, они подготовлены физически, психологически, морально и политически всем ходом жизни в социалистическом обществе, неустанными заботами Коммунистической партии о воспитании подрастающего поколения здоровым, бодрым, беззаветно преданным идеям марксизма-ленинизма.

Это партия, созданная великим Лениным, воспитала у советских людей железную волю, стойкость, незнание страха в борьбе за свободу и независимость Родины, умение биться с врагом до победного конца. Это коммунисты ковали победу на самых трудных участках войны, личным примером увлекали воинов на подвиги. Идеи

Коммунистической партии окрыляли советских воинов, могучая воля ее вела народ от победы к победе.

Партия, Родина, Народ... Они явились вдохновляющим источником массового героизма советских людей. Одиннадцати тысячам храбрейших из храбрых было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Подвиги семи миллионов воинов отметила благодарная Родина орденами и медалями.

В строю Героев Советского Союза почетное место занимают и уроженцы степного Оренбуржья. В области нет такого района, труженики которого не гордились бы своими знатными фронтовыми земляками. Шарлыкский район вырастил легендарного поэта Мусу Джалиля и дважды Героя Советского Союза генерала Александра Родимцева, Илекский — искусного снайпера Федора Чегодаева. Да разве перечислить имена всех, кто стяжал Оренбуржью славу кузницы героев! Только Оренбургское военное авиационное училище воспитало 135 Героев Советского Союза, из числа которых двенадцати это звание присвоено дважды.

В этой книге, выпущенной по инициативе совета Военно-научного общества при Оренбургском гарнизонном Доме офицеров, рассказывается о фронтовых подвигах двадцати оренбуржцев — Героев Советского Союза. Очерки, большинство которых написано журналистами области, воспроизводят замечательные дела наших земляков, самоотверженно сражавшихся за свободу и независимость Советской Родины.

Все дальше и дальше отходят от нас суровые годы Великой Отечественной войны. Из руин и пепла поднялись новые города и села, израненная снарядами земля покрылась тучными посевами, через реки перекинулись еще более красивые мосты и плотины электростанций. Однако время не в силах стереть из памяти беспримерный подвиг советских чудо-богатырей, сломавших хребет фашистскому зверю. Никогда не померкнет слава наших героев. Их подвиги — вечно живой пример мужества, героизма, беззаветной преданности Коммунистической партии и Советской Родине.

Александр Ильич Родимцев

В. СМЕРНОВ

ГВАРДИИ ГЕНЕРАЛ

Дважды Герой Советского Союза гвардии генерал-лейтенант Александр Ильич Родимцев родился в селе Шарлыке, Оренбургской области. Его биография — это история жизни простого человека, поднятого на вершину подвига Советской властью, Коммунистической партией. От детства у Родимцева осталось мало светлых воспоминаний. Ему исполнилось четырнадцать лет, когда пришлось самому заботиться о хлебе насущном. В 1919 году отец Александра умер под нагайками белогвардейцев. Семью постигла жестокая нужда. Мальчик пошел в люди, работал по найму у зажиточных крестьян, был подмастерьем у сапожника.

Крепла и мужала год от году Советская республика, и вместе с нею рос и мужал Александр. О десятках ты-

сяч таких, как он, думал и заботился Ленин, партия. И пока Александр пас в ночном хозяйских коней, ежась от утреннего холода в своей заплатанной рубашонке, пролетарское государство готовило ему прекрасную, исполненную горения и высоких идеалов жизнь.

В 1927 году Александра призвали в Красную Армию. Военная служба открыла перед юношей новый, полюбившийся ему мир. Как отличника боевой и политической подготовки, его приняли в комсомол. Через два года он стал курсантом военного кавалерийского училища.

В 1929 году Родимцев вступил в Коммунистическую партию.

Успешно окончив училище, он был назначен командиром пулеметного взвода в один из прославленных полков Красной Армии.

Из уст ветеранов полка молодой командир услышал рассказы о легендарных рейдах Первой Конной, о героических подвигах конармейцев. И сам он мечтал о том, чтобы совершить подвиг. Но он знал, что у подвига глубокие корни, что подвиг — это средоточие больших человеческих качеств. В нем тесно переплетаются дисциплинированность и самообладание, мужество и храбрость, смелость и умение, твердая вера в победу и неугасимая воля. И Родимцев старался выработать в себе эти качества.

★ ★ ★

В 1937 году Александр Ильич Родимцев за выполнение специального задания правительства удостоился высокого звания Героя Советского Союза. В 1939 году он окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе.

В Великую Отечественную войну Родимцев вступил уже обстрелянным командиром, имеющим боевой опыт, знающим тактические приемы врага. Дивизия, которой он командовал в первый период войны, участвовала в обороне Киева, вела бои на реке Сейм, дралась за города Тим, Щигры. Воины дивизии не знали усталости. Были бои, в которых на одного советского воина приходилось по десять фашистских солдат. Но верные долгу и приказу бойцы дивизии с честью выполняли поставленные перед ними задачи.

В сводках Совинформбюро в те дни сообщалось: «По-прежнему стойко сражаются бойцы полковника Родимцева. Сегодня освобождено от немецких оккупантов шесть населенных пунктов, уничтожено 500 фашистов, подбито 15 танков, 13 бронемашин, 11 орудий. Захвачены трофеи». Такими были будни дивизии, ее обычная каждодневная боевая работа.

В критические моменты боя в гуще солдат появлялся командир дивизии. Он не любил длинных фраз. Его любимой поговоркой были слова, которые знала вся дивизия: «Шайтан побери, сделаем, а?» Однако превыше всего он ставил трезвый, точный расчет и отвагу.

Однажды на Украине дивизия прикрывала отход главных сил армии под натиском многократно превосходящего врага. Тяжелы и горьки были те дни. Когда пришел приказ отойти, то выполнить его оказалось не так-то просто: вокруг дивизии сомкнулось кольцо фашистских войск. Страшное слово «окружение» поползло из роты в роту. Приказ по дивизии, как всегда, был коротким и предельно ясным: сохранить во что бы то ни стало боевую технику, не унывать, драться с утроенной силой, прорвать вражеское кольцо! При отражении фашистских атак Родимцев с автоматом и гранатами в руках находился в цепи своих бойцов, воодушевляя их на борьбу. Он лично руководил разведкой, нащупывая слабое место в окружении. И нашел-таки его! Дерзкой ночной атакой дивизия вышла из западни. Путь к своим был свободен.

В январе 1942 года в одном из приказов Верховного Главнокомандующего говорилось:

«В многочисленных боях за нашу Советскую страну против немецких захватчиков 87-я стрелковая дивизия показала образцы мужества, отваги, дисциплины и организованности. Ведя непрерывно бои с немецкими захватчиками, 87-я стрелковая дивизия нанесла огромные потери фашистским войскам и своими сокрушительными ударами уничтожала живую силу и технику противника, беспощадно громила немецких захватчиков.

За проявленную отвагу в боях за Отечество с немецкими захватчиками, за стойкость, мужество, дисциплину и организованность, за героизм личного состава 87-я стрелковая дивизия преобразована в 13-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Командир дивизии — полковник Родимцев А. И. Дивизии вручено гвардейское знамя».

Вскоре Родимцеву было присвоено звание генерал-майора.

В конце июля 1942 года гитлеровские войска, прорвав наш фронт, подошли к Дону и нависли черной тучей над Сталинградом. Враг не должен был пройти дальше! Этот вопрос приобрел исключительно важное значение для судеб Советского государства. 9 сентября Родимцев получил приказ ставки Верховного Главнокомандования о включении 13-й гвардейской дивизии, находившейся в то время на отдыхе, в состав 62-й армии, которая обороняла Сталинград.

Партийные организации Сталинградского фронта под руководством члена Военного совета товарища Н. С. Хрущева вели широкую работу среди воинов, доводя до сознания каждого солдата и командира историческое значение обороны волжской крепости, мобилизуя воинов на безупречное выполнение боевых задач.

В начале сентября развернулись ожесточенные бои. Немецко-фашистское командование стремилось расщепить оборону Сталинграда на отдельные участки, прорваться к Волге и лишить город связи с левым берегом, откуда шло снабжение боеприпасами, продовольствием, резервами. 14 сентября фашисты прорвались в центр города и к полудню вышли к Волге. Пьяные гитлеровцы наседали с остервенелым упорством. Рукопашные схватки шли в восьмистах метрах от командного пункта штаба 62-й армии.

В тот день 13-я гвардейская дивизия переправлялась через Волгу. Подразделения высаживались на сталинградский берег под ураганным огнем врага и сразу же шли в атаку.

Командующий 62-й армией генерал В. И. Чуйков при встрече с Родимцевым спросил:

— Как настроение?

Родимцев ответил:

— Я коммунист, уходить из Сталинграда не собираюсь и не уйду.

Трудно пришлось гвардейцам, очень трудно! Враг следил за каждым их шагом. Но советские воины верили в победу и дрались, как львы. Символом стойкости и мужества сталинградцев, одной из ярких страниц истории 13-й гвардейской дивизии стала оборона «дома Павлова». Свыше пятидесяти дней группа воинов под

командованием гвардии сержанта Якова Павлова обороняла дом, имеющий важное значение для защиты города. Гитлеровцы обрушили на дом море огня, но взять его не смогли. Горстка советских храбрецов, руководимых Павловым, уничтожила за время обороны дома больше фашистов, чем гитлеровская армия потеряла при взятии Парижа.

Генерал Родимцев, едва части дивизии переправились в Сталинград, понял, что методы ведения боя, принятые и проверенные в полевых условиях, неприемлемы в городе. Хорошо оборудованные укрепления противника в каменных домах, высокая плотность огня диктовали настоятельную необходимость изыскивать новые формы боя, применительно к конкретной обстановке. Нужно было сделать упор на мелкие подразделения, которые имеют возможность проникать в промежутки между опорными пунктами и узлами обороны противника, блокировать их, просачиваться в глубину кварталов, брать внезапным штурмом здания и немедленно оборудовать их для обороны. Именно на это Родимцев прежде всего обратил внимание командиров стрелковых полков и приданных средств.

Обороняясь, наступай! — вот лозунг, которым руководствовались бойцы и командиры славной 13-й гвардейской дивизии, всей 62-й армии. Советские воины не только с железным упорством защищали каждый дом, каждую улицу, но и при всяком удобном случае переходили в контратаки, нанося врагу дерзкие удары, совершенствуя свои позиции.

Наступление, предпринятое гитлеровцами 22 сентября на фронте 13-й гвардейской дивизии, было для нее суровым испытанием. В случае успеха, фашисты могли расчленил силы дивизии, смять ее. Прижатая к кромке волжского берега, имея на своем левом фланге гитлеровские войска, 13-я гвардейская вела бой в исключительно тяжелых условиях. Но гвардейцы не дрогнули, все попытки врага выйти на берег Волги были сорваны. Когда кто-то из штабных офицеров посоветовал подумать о лодках, могущих потребоваться для переправы на противоположный берег, генерал Родимцев категорически отверг это предложение.

— От Волги у дивизии только один путь — вперед! — сказал он.

В тот памятный день возникла угроза окружения одного из полков дивизии. Под руководством командира полка в рукопашную схватку с врагом вступили все офицеры штаба. Вводом в бой единственного и последнего резерва, имевшегося тогда под рукой, — саперного батальона, Родимцев решил восстановить передний край обороны дивизии. Саперы оказались на высоте поставленной задачи: гитлеровцы отошли под их ударом и больше продвинуться к Волге не смогли.

Руководство полками дивизии было чрезвычайно осложнено. Обстановка требовала быстрых решений, точного расчета, верной ориентировки. Вначале штаб дивизии находился в штольне. Но чем дальше, тем труднее становилось работать в глубокой яме. Родимцев приказал подыскать другое место для командного пункта. Начальник штаба облюбовал водосточную трубу неподалеку от берега Волги. Это укрытие обеспечивало защиту от авиации противника и его артиллерийского огня. Здесь штаб расположился гораздо «удобнее», чем в штольне. Отсюда Родимцев, как и раньше, частенько навещался в полки дивизии, в отдельные штурмовые группы. Несколько раз он бывал и в «доме Павлова», проверял организацию обороны, беседовал с солдатами.

Однажды на передовой, после того как была отбита особенно яростная атака фашистов, Родимцев встретился с командиром пулеметного батальона майором Алексеем Плетухиным. Оказалось, что командир дивизии и командир батальона — земляки. Они ходили в одну школу, росли в одном селе. Оренбуржцы долго беседовали по душам, вспоминая далекие, но вечно близкие сердцу родные просторы.

— Александр Ильич, — сказал при расставании Плетухин, — что-то мы засиделись в Сталинграде... Не пора ли вперед подаваться?

— Пока немцев держи крепче, — ответил Родимцев. — Вперед пойдем скоро. Жди больших перемен...

И эти долгожданные перемены вскоре пришли.

В ноябре 1942 года началось наше контрнаступление северо-западнее и южнее Сталинграда. Перешла в наступление и 62-я армия.

Наступил день, которого никогда не забудут защитники Сталинграда, — 26 января 1943 года. Около десяти часов утра в районе поселка Красный Октябрь гвардей-

цы Родимцева заметили наши тяжелые танки и мечущихся в панике гитлеровцев. Советские танки, разбрасывая по сторонам комья мерзлой земли, шли вперед. Командиры батальонов 13-й гвардейской капитаны Гущин и Мудряк и заместитель начальника политотдела дивизии майор Коринь оставили наблюдательный пункт и с красным флагом направились к окопам, в которых совсем недавно сидели фашисты. Навстречу им бежали, высоко подымая над головами оружие, бойцы армии генерала Батова. Капитан Гущин вручил им знамя, на полотнище которого было написано: «В знак встречи 26.1 1943 года». Гвардии капитан Усенко доложил подошедшему генералу Родимцеву, что знамя от его прославленных гвардейцев принято.

— Передайте своему командиру, — сказал Родимцев, — что у нас сегодня счастливый день: после пяти месяцев тяжелой и упорной борьбы мы встретились!

Соединившись, наши войска окружили 6-ю гитлеровскую армию и рассекли ее боевые порядки на две изолированные части — северную и южную. После ликвидации южной группировки врага дивизия Родимцева во взаимодействии с другими частями 62-й армии приняла участие в операции против фашистских войск, окруженных в северной части города.

Сталинград навсегда вошел в историю Советского государства как замечательный подвиг нашего народа и его армии, как пример высокого мастерства многих наших военачальников. Один из них — генерал Александр Ильич Родимцев.

★ ★ ★

Однажды иностранный корреспондент спросил Родимцева:

— Можно ли сражение в Сталинграде сравнить с боями в Испании?

Александр Ильич ответил:

— Только в том смысле, что и там, и здесь сражение велось против темных сил фашизма. Бои в Мадриде — лишь эпизоды по сравнению со Сталинградской битвой.

От волжской твердыни боевой путь гвардейского генерала пролег на запад, к стенам новых городов, к берегам других рек...

В марте 1943 года Родимцев был назначен командиром корпуса, в состав которого вошла и 13-я гвардейская дивизия.

Летом гвардейский корпус принял участие в Курской битве. С 11 по 23 июля он участвовал в контрударе Воронежского фронта, а с 24 июля по 2 августа должен был готовиться к прорыву обороны врага. Однако в действительности на подготовку было использовано не более трех суток, так как с 26 по 28 июля корпус вел частные бои для улучшения своего исходного положения, а с 29 по 31 июля отражал ожесточенные контратаки 19-й танковой дивизии гитлеровцев.

Но ни сложность обстановки, ни крайне ограниченное время для подготовки не помешали корпусу умело провести наступление. Гвардейцы прорвали глубоко эшелонированную оборону врага, разгромив противостоящие фашистские части. Этим был обеспечен ввод в прорыв танковой армии и последующее окружение и уничтожение крупной группировки гитлеровцев.

Корпус с честью выполнил свои задачи в боях за Днепр, за освобождение Советской Молдавии.

...Настала весна 1945 года. В апреле гвардейцы Родимцева с ожесточенными боями форсировали две водные преграды — реки Нейсе и Шпрее, прорвали укрепленную оборону врага.

Затем последовали бои за Дрезден. Фашисты оборонялись с яростью обреченных. Но ничто не смогло удержать наступательного порыва наших войск. Герои Сталинградской и Курской битв победоносно шли вперед.

От Эльбы боевые дороги привели корпус в злату Прагу. Он участвовал в боях за освобождение столицы Чехословакии.

Советские воины достойно выполнили свой интернациональный долг, помогли братскому народу изгнать фашистских захватчиков со своей земли.

Корпус под командованием генерала А. И. Родимцева прошел с боями более восьми тысяч километров. Каждый из его боев — незабываемый пример доблести, героизма и воинского мастерства советской гвардии, которая с честью и славой пронесла свои знамена к всемирно-исторической победе нашего народа в памятном мае 1945 года.

После войны генерал А. И. Родимцев работает на руководящих постах в Советской Армии. Свой боевой опыт и знания он отдает дальнейшему укреплению могущества вооруженных сил нашей Родины.

Родимцев активно участвует в общественной жизни. Он депутат Верховного Совета Карельской АССР, часто выступает перед трудящимися, разъясняя им решения Коммунистической партии и Советского правительства, миролюбивую внешнюю политику социалистического государства.

Почти ежегодно генерал навещает своих земляков. В 1959 году он посетил некоторые колхозы и совхозы Оренбургской области, где беседовал с механизаторами, животноводами, кукурузоводами, ознакомился с успехами, достигнутыми в борьбе за выполнение плана первого года семилетки.

В настоящее время А. И. Родимцев, человек огромного жизненного и военного опыта, обучает и воспитывает молодых воинов Советской Армии.

...На наблюдательном пункте полка вдруг появится приземистый энергичный генерал и, поставив очередную задачу командиру, скажет:

— Сделаем, шайтан побери, а?

— Сделаем! — ответит командир полка.

И потом генерал внимательно смотрит, как подразделения атакуют передний край обороны «противника», как ведут себя танкисты и артиллеристы... Воины знают: от взгляда этого человека не ускользнет ни одна мелочь, ни одна деталь учебного боя. Ведь это — генерал Родимцев!

Федор Константинович Асеев

С. ЛЕВИНСОН

НА ДНЕПРЕ

Дни в лагере шли своим чередом. На стрельбище и танкодроме, учебном поле и артополигоне красноармейцы настойчиво овладевали оружием.

Бузулукчанин Асеев, как и другие его земляки, находившиеся тогда на сборах, думал: «Отстреляемся и отпустят нас домой, к семье». А семья у Асеева, лесного объездчика, была немалой: жена и четверо сыновей.

Наступила горячая пора артиллерийских стрельб. Орудийный расчет, которым командовал Асеев, отлично выполнил огневую задачу. Однако вернуться домой, к мирному труду не пришлось. Вероломный враг напал на нашу Родину, началась Великая Отечественная война. Теперь уже дорога к семье, дальняя и трудная, пролегла через бои.

...В дверях теплушки мелькали села, станции, перелески, позади оставались глухие полустанки и большие города.

И чем дальше эшелон уходил от родного Оренбуржья, тем сильнее чувствовалось дыхание войны. Горько и больно было смотреть на разрушенные города и села. Дым пожариц слезил глаза.

Эшелон остановился неподалеку от полусожженной станции. Часть выгрузилась и вскоре вступила в бой. Для Асеева он не был первым.

Федор Константинович Асеев родился в селе Сухоречке, близ Бузулука, в 1899 году в бедной крестьянской семье. Нужда и лишения — вот, пожалуй, и все, что сохранила память о детстве и юности. Асеевы жили большой и дружной семьей, работали до седьмого пота, однако из нужды не вылезали.

С победой Великого Октября канула в прошлое полуголодная, бесправная жизнь. Люди, испытавшие подневольный труд, горькую нужду, стали хозяевами своей судьбы. Только бы жить да жить! Но все силы старого мира обрушились на только что народившееся Советское государство. В июне 1918 года Асеев вступил в один из отрядов В. И. Чапаева.

В родном селе Асеева зародилась военная присяга Красной Армии. В исторический день 19 апреля 1919 года он, как и сотни других бойцов Пугачевского полка 25-й Чапаевской дивизии, принял присягу перед лицом народа. После торжественной клятвы чапаевцы выступили навстречу врагу.

Где только не побывал в те годы Асеев. Будучи разведчиком, он засекал огневые точки колчаковцев в районе Бузулука и под Бугурусланом, штурмовал Стерлитамак, в боях под Уфой отражал «психическую» атаку белогвардейцев. Был он ранен, но остался в строю. Немного спустя воевал на Польском фронте.

Кончилась гражданская война. Асеев вернулся в родное село. Занимался хлебопашеством, работал в лесхозе. Подрастали сыновья, достаток и счастье пришли в дом. На это счастье посягнули гитлеровцы. Пришлось снова взяться за оружие.

В годы Великой Отечественной войны артиллерист старшина Асеев познал и горечь неудач и радость побед. Сотни тревожных дней и ночей провел он на фрон-

те: участвовал во многих боях, штурмовал немецкие позиции и отбивал атаки. Его орудие двигалось в боевых порядках пехоты, вело огонь прямой наводкой, в упор уничтожало вражеские огневые точки и живую силу.

Однажды подразделение, в котором служил Асеев, проходило через украинское село, недавно освобожденное от гитлеровцев. Еще дымились остовы домов. С земли ветер поднимал пепел. Кругом лежали трупы замученных врагом людей. У развилки дорог Асеев и его товарищи увидели повешенную на перекладине женщину. У ее ног рыдала маленькая девочка. «Мама, мамочка!» — кричала она.

Проходя мимо виселицы в суровом молчании, войны дали клятву беспощадно мстить врагу за кровь и слезы замученных.

Высокие волевые качества, командирское умение нашего земляка наиболее полно проявились при форсировании Днепра, на подступах к Киеву.

...В землянке было тесно. Бойцы, утомленные рытьем щелей, изготовлением плота, думали каждый о своем. Огонек коптилки тускло освещал усталые лица. Не ложились — с минуты на минуту ожидался приказ о форсировании Днепра.

Асеев — в который раз! — достал из кармана треугольник письма, шершавой ладонью натруженной руки разгладил листок. Старший сын Александр, летчик, сообщал о первом сбитом им «мессершмитте». Успехи сына волновали отцовское сердце. Приятно было сознавать, что и он не отстает от сына: артиллерийский расчет, которым он командует, в битве за Киев уже потопил немецкий катер с офицерами.

Вскоре артиллеристы заняли места у орудия. Холодом веяло от Днепра. Беззвездная, тревожная фронтовая ночь простиралась над измученной землей. По ту сторону Днепра горели деревни. А здесь, в лесу, надломленные снарядами вершины деревьев поскрипывали, словно стонали от боли.

Поступил боевой приказ. Расчету Асеева было приказано форсировать реку первым рейсом совместно со стрелковым взводом.

Артиллеристы вышли к самому берегу красивой и могучей реки. Асееву показалось, что таким Днепр был и в гражданскую войну, когда он переправлялся со сво-

им расчетом через реку, освобождая Киев от белополяков.

Кто-то у лодки тихо сказал:

— Ой, Днепро, Днепро, ты суров, могуч,
Над тобой летят журавли...

Нет, не журавли летели над Днепром. Снаряды и пули визжали и свистели над рекой.

Бывалые, натренированные воины, понимавшие своего командира с полуслова, дружно спустили на воду плот, погрузили пушку, боеприпасы и поплыли к противоположному берегу. Течением реки плот стало относить в сторону. Немцы усилили огонь. Снаряды и мины рвались на прибрежной земле, в реке, поднимая столбы земли, фонтаны воды. Один из номеров орудия был ранен.

Причалили под огнем. Увязая в размякшей после дождей земле, бойцы вытянули орудие на высокий берег. Сразу же оборудовали огневую позицию. К расчету Асеева примкнуло шесть наших воинов — все, кто остался в живых из стрелкового взвода, переправлявшегося на лодках в одно время с артиллеристами. Асеев стал старшим начальником на плацдарме. Положение осложнялось тем, что группа не имела связи с нашим берегом: во время переправы осколки снарядов порвали кабель, повредили телефонный аппарат.

Забрезжил рассвет. Фашистские самолеты обрушили на плацдарм смертоносный груз. Советские воины мужественно выдержали налет. Они не понесли урона, потому что не щадя сил поработали над оборудованием позиции.

Налет был только началом. В туманной дымке показалась цепь гитлеровских головорезов. Их было выше роты, и шли они во весь рост, непрерывно стреляя из автоматов.

— Нас «психической» не возьмешь, — сказал молодой боец, которого за голубые глаза все звали Васильком.

— Правильно, сынок! — отозвался Асеев. Он скинул с себя шинель и распорядился:

— Без команды огонь не открывать!

Нужна была нестигаемая стойкость, железная вы-

держка, чтобы подпустить врагов близко, бить их на-верняка. И когда гитлеровцы подошли, Асеев прильнул к прицелу и крикнул:

— По фашистским гадам, огонь!

Орудие вздрогнуло. Заговорили автоматы. Многие гитлеровцы свалились замертво, но те, кто уцелел, как очумелые лезли вперед. Когда они приблизились на двадцать пять—тридцать метров, в ход пошли гранаты. Лишь несколько фашистов достигли плацдарма, но и они нашли здесь себе могилу.

Понесла потери и группа Асеева. На «пяточке» осталось в живых десять человек.

Отразив одну атаку, наши воины приготовились к отражению второй. Оголтелый враг пытался любой ценой уничтожить группу советских храбрецов. Лязгая гусеницами, стреляя на ходу, на плацдарм двинулись танки.

У щита орудия замерли наводчик Семен Смирнов, заряжающий Дмитрий Сорока. Грянул выстрел, второй. Передний фашистский танк остановился, охваченный пламенем. Вскоре сполз с оборвавшейся гусеницы и катками зарылся в землю второй танк. Из люков выскочили фашистские экипажи, но им не удалось унести ноги.

Стойкость советских воинов взбесила гитлеровцев. Из-за холма показался «тигр». Переваливаясь на ухабах, он полз вперед, чтобы раздавить своей тяжестью людей, осмеливавшихся удерживать плацдарм.

В эту минуту наводчик Смирнов склонился на лафет. Его смуглое лицо стало бледным.

— Что с тобой, Семен? — спросил Асеев.

— Рука, — простонал раненый.

Асеев встал у орудия. Иван Бродников наложил на руку Смирнова жгут из бинта.

На «пяточке», занятом смельчаками, снова забушевало море огня. Снаряды рвали безмолвную землю. Над головой визжало и свистело. Ранило заряжающего Сороку. Настали страшные минуты. Казалось, стальная громадина вот-вот надвинется на огневую позицию. В этот критический момент и пригодилось огневое мастерство командира. Асеев сам заряжал орудие, наводил, вел огонь. Выбрав момент, когда танк чуть развернулся, Асеев выстрелил, снаряд впился в борт «тигра». Желтое облачко пламени вспыхнуло на броне. Огонь полез выше, охватил башню и взметнул в хмурое небо рыжие

языки. Выскочивших из танка гитлеровцев уничтожили из автоматов.

Асеев выпрямился, вытер рукавом мокрое лицо.

— Братцы, будем стоять насмерть! — крикнул он своим бойцам. — Гитлеровцы не пройдут, давайте снаряды!

После схватки с «тигром» бойцы углубляли окопы, щели, подсчитывали и распределяли ограниченный запас гранат, патронов. Где-то справа все громче и громче слышалась артиллерийская стрельба. Асеев определил: еще один наш артиллерийский расчет, закрепившись на берегу, начал бой сседавшими фашистами.

...Наступила ночь. Холодный влажный ветер пронизывал до костей, слепил глаза. Люди почувствовали смертельную усталость, буквально падали с ног. Этого больше всего боялся командир. «Только бы выстоять, не отдать плацдарм врагу», — думал он.

Перед рассветом через Днепр стали переправляться наши главные силы. Батарейцы оживились, не в силах скрыть радости, которая затеплилась в сердце. Они с честью выполнили боевой приказ, выстояли, враг не перешагнул их рубеж, несмотря на превосходство в людях и технике.

Вскоре на плацдарм прибыло стрелковое подразделение. Асеев хотел было как следует по-уставному представиться командиру, но офицер по-мужски обнял его.

6 ноября 1943 года части Красной Армии вступили в Киев. Среди освободителей столицы Украины был и расчет старшины Асеева.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Федору Константиновичу Асееву за героизм, проявленный при форсировании Днепра, было присвоено звание Героя Советского Союза. Все другие защитники плацдарма были награждены орденами.

Наши войска с боями продвигались вперед, изгоняя фашистских захватчиков с родной советской земли, помогая другим народам освободиться от гитлеровского порабощения. Во многих боях участвовал артиллерийский расчет старшины Асеева. На его боевом счету числился 41 уничтоженный фашистский танк.

Советские воины достигли фашистского логова, где завершили разгром ненавистной гитлеровской армии. Но Асееву не довелось дойти до Берлина. В одном бою

вражеская мина разорвалась рядом с огневой позицией орудийного расчета, которым он командовал. Сильная взрывная волна отбросила его в ров. Старшине показалось, что он провалился в темную бездну. Когда, преодолевая боль, он через некоторое время открыл глаза, то увидел санитаря, державшего в руке его каску...

Тяжелая контузия, открывшаяся старая рана вынудили бывалого воина покинуть строй.

Возвратившись домой, Асеев не стал ждать, пока окрепнет здоровье. По рекомендации райкома партии он возглавил колхоз, включился в борьбу за хлеб, в котором так нуждалась страна. Вскоре к его боевым орденам прибавилась медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Муса Джалиль

В. ПРОЛЕТКИН

ВЕРНЫЙ КЛЯТВЕ

Жизнь моя песней звенела в народе,
Смерть моя песней борьбы прозвучит.

Муса Джалиль

Казань, улица Горького, дом 17... Письма приходили сюда часто. Из Мензелинска, где Муса обучался на курсах политработников, поступали разноцветные стандартные конверты, пухлые, три-четыре страницы в каждом. Они были полны любви и раздумий. С дороги на Волховский фронт, из действующей армии шли самодельные солдатские треугольники. В них — тревога, но не за себя, а за близких. Муса, как настоящий солдат, презирал смерть, он беспокоился за жену Аминуханум, сына и дочку...

Муса простился с ними в суровый для Родины час. Шел июль 1941 года. Поэт, один из авторов готовящейся к постановке оперы «Алтынчэч», оставил недописанное либретто на рабочем столе, поцеловал жену и детей и ушел добровольцем на фронт. Сердце патриота подсказало ему, что в тяжелую для Родины годину место поэта в первых рядах сражающихся. Муса Залилов, известный народу под фамилией Джалиль, взял в руки винтовку.

Письма, как надежные связные, отмечали его боевую дорожку. Рядовой, курсант, работник армейской газеты, политрук...

Но вот случилось что-то непонятное. Проходит неделя, другая, третья, а от Мусы ни строчки. Что с ним? Где он? Убит в неравном бою? Пленен? Или судьба вывела его на партизанские тропы? С июля 1942 года для Амины-ханум наступили дни томительных ожиданий. Наконец пришло лаконичное извещение: Муса пропал без вести...

Пропавшим без вести он был до самого конца войны. И лишь после нее люди узнали о судьбе поэта.

Солдаты, штурмовавшие Берлин, прислали в Союз советских писателей письмо, к которому была приложена страница, вырванная из неизвестной книги. Солдаты нашли ее среди прочих документов в тюрьме Моабит. Это была очень интересная находка — записка Джалиля! Вот что примерно в ней было сказано: «Я, известный татарский писатель Муса Джалиль, заключен в Моабитскую тюрьму как пленный, которому предъявлены политические обвинения, и, наверное, буду скоро расстрелян. Если кому-нибудь из русских попадет эта записка, пусть передадут привет от меня моим товарищам писателям в Москве». Дальше Муса перечислял фамилии писателей, просил сообщить семье...

Правдивость записки подтверждалась двумя неизвестными людьми. Один, очевидно друг, на этом же листке обнадеживал, что Муса, возможно, останется в живых. Второй, по всему виду: ярый враг, начертил полуграмотные каракули: «Вашего Джалибула уже нет в живых».

Обо всем этом жене поэта сообщил писатель А. А. Фадеев.

Такова была первая послевоенная весточка о Мусе Джалиле.

Прошло некоторое время, и в Москву из Бельгии доставили посылку. В ней — небольшой самодельный блокнотик с предсмертными стихами поэта. Прислал посылку бельгиец Андре Тиммерманс — участник движения Сопротивления. Оказывается, он вместе с Мусой находился в тюремной камере Моабита. Обреченный на смерть Джалиль попросил его переслать на волю свои последние стихи. Тиммерманс выполнил завещание поэта, но не сразу после освобождения, а спустя некоторое время, так как был тяжело болен.

Муса второй раз давал знать о себе. На обложке блокнота он написал:

«Другу, который умеет читать по-татарски и прочтет эту тетрадь.

Это написал поэт Муса Джалиль, известный татарскому народу. Испытав все ужасы фашистского концлагеря, не покоровшись страху сорока смертей, был привезен в Берлин.

Здесь он был заключен в тюрьму и его присудят к смертной казни. Но у него остается 115 стихотворений, написанных в заточении. Его тревожит судьба их...

Если эта книжка попадет в твои руки, аккуратно, внимательно перепиши их набело, сбереги их и после войны сообщи в Казань, выпусти их в свет, как стихи погибшего поэта татарского народа. Это мое завещание.

Муса Джалиль».

Стихи, написанные за железной решеткой, были полны патриотических чувств, глубокой веры в победу над коричневой чумой. Они были страстны, мужественны, звали к борьбе даже за колючей проволокой. Вот отрывки из них:

Я жить хочу, чтоб Родине отдать
Последний сердца движущий толчок,
Чтоб я, и умирая, мог сказать,
Что умираю за отчизну-мать.

(„Неотвязные мысли“)

Не горюй, земля,— не задрожим мы
До тех пор, пока ты носишь нас.
Именем страны, которой живы,
Поклянемся мы и в смертный час.

(„В день суда“)

Железо не ржавеет от труда,
И глина обожженная тверда,
Оценит мужа по делам народ:
Героя не забудет никогда.

(„Один совет“)

Стоит жить, чтоб в землю врезать
След поглубже, позаметней,
Чтоб твое осталось дело,
Словно дуб тысячеветный.

(„Дуб“)

Придет, придет Москва! Нас вызволит Москва
Из темной ямы хищника-урода.
На красном знамени Москвы горят слова:
«Жизнь и свобода».

(„Фрагмент“)

Судьба поэта волновала советскую общественность. Что с ним произошло? Как и где он прожил свои последние годы?

Бельгиец Андре Тиммерманс, конечно, мог бы рассказать многое, но он, передав блокнот стихотворений, не оставил своего адреса.

Много лет друзья Джалиля по работе в Казани, а также писатели Константин Симонов, Илья Френкель, журналист Юрий Корольков и многие другие люди искали затерянные страницы биографии поэта.

Вот что дали поиски...

Было известно, что после окончания курсов политработников в Мензелинске поэт был направлен во 2-ю ударную армию, которой командовал изменник родины Власов. Армия попала в окружение на Волховском фронте. Начались кровопролитные бои. Советские солдаты сражались до последнего патрона. Они пытались прорвать кольцо окружения, в какой-то степени это удалось сделать, но не надолго. Силы были неравны, и кольцо вновь сомкнулось. Многие навсегда остались на поле брани, многие израненные, измученные тяжелыми боями попали в плен...

Вот что пишет об этих страшных днях один из воинов, попавших в плен, ныне бетонщик Баймакского медно-серного комбината Гариф Хафизов в газете «За Родину» Приволжского военного округа:

«Нас вывезли в тыл на станцию Сиверская, где был расположен лагерь для русских военнопленных. Он был

организован в бывшей конюшне, обнесен колючим проволочным ограждением.

В этом лагере в начале августа 1942 года я заметил человека среднего роста, смуглолицего, с умными глазами. Как оказалось, это был Муса Джалиль. Возле него всегда находился старый солдат, бывший ленинградский рабочий. Он ухаживал за раненым Джалилем, помогал ему чем только мог».

Затем Г. Хафизов вспоминает, что в середине сентября пленных перевели в Латвию и поместили недалеко от Двинска. Начались голод и болезни. Заболел и Гариф. В эту трудную минуту ему помогал Джалиль. Он делился с ним последним куском хлеба, утешал, укрывал от холода.

«Однажды Муса Джалиль сказал мне:

— Послушай, братец, я тебе прочитаю одно стихотворение.

Он достал из кармана блокнотик и стал читать стих на татарском языке.

Послушав стихотворение, я удивился и спросил Мусу Джалиля, не учитель ли он, если умеет читать стихи, написанные арабским шрифтом.

— Нет, уж от тебя, Гариф-дружок, скрывать не буду. Я Муса Джалиль, татарский поэт, из Казани,— сказал он.

Однажды Муса Джалиль принес мне стихотворение, озаглавленное «Другу Гарифу». Вот оно:

Если ты вернешься в отчий край
Из железных лап тюремной доли,
Верный друг, нигде не забывай,
Как пришло в фашистской быть неволе.

Не забудь, как, сохранив в груди
Пламя жизни, забывали горе...
Нас, как черный призрак, впереди
Расставанье ожидает вскоре...

Если ты вернешься в отчий край,
Мне же пасть придется на чужбине,
Ты Отчизне нашей передай,
Что я был ей самым верным сыном.

Расскажи друзьям, чтоб каждый знал,
Что Джалиль, мечтая про свободу,
В грозной битве коммунистом пал,
Верный клятве своему народу.

(Подстрочный перевод)

Эти стихи меня взволновали, и я поблагодарил Мусу Джалиля. Он, улыбаясь, сказал:

— Еще будут стихи!».

Вскоре они расстались. В середине сентября Мусу направили в Германию. Он едва сумел отдать Гарифу блокнот со стихами. Поэт просил передать их на Родину...

Хафизову удалось сохранить только несколько листов. После освобождения он переслал их в редакцию газеты «Кызыл Татарстан».

Новая неизвестная страница жизни поэта была раскрыта фельдшером Н. В. Толкачевым, тоже бывшим военнопленным. Познакомились они в польской крепости Демблин в конце 1942 года. Привезли Мусу сюда из лагеря, что находился в местечке Хелм. Он был болен, но постоянно шутил и все время просился в бараки военнопленных.

— Тесно мне, понимаешь, тесно! Я должен быть там.

И Муса Джалиль выписался из лазарета, перешел в барак, где он обнаружил своих друзей.

Стремление Мусы быть вместе со своими друзьями теперь, спустя много лет, становится особенно понятным. В то время гитлеровское командование не на шутку было обеспокоено тяжелыми потерями на Восточном фронте. Оно решило идти на подлость: создать специальный легион из военнопленных нерусской национальности и укрепить им свои потрепанные в боях части. Руководство легионом Гитлер поручил генерал-лейтенанту Эрнсту фон Кёстрингу. Духовным наставником был «верховный иерусалимский муфтий» Саид Мухамед Амин эль Гусейн — известный шпион и провокатор. Был создан башкиро-татарский комитет «Идель Урал», которым руководили белоэмигранты Гаяс Исхаков и Шафи Алмасов. Первому гитлеровцы после войны обещали президентское кресло в так называемом «государстве Поволжья и Урала», а второму — портфель премьер-министра. Эти продажные души вели провокационную работу среди военнопленных татар, башкир, чувашей, вербуя измученных побоями и болезнями людей в свой легион.

О создании «Идель Урала» узнал Муса Джалиль. Он был страшно возмущен. Его соотечественников, его братьев хотят склонить к предательству! Нет, этого не

будет! Нужно бороться, нужно разъяснять людям подлинный смысл и коварные цели «Идель Урала».

Татарский поэт Муса Джалиль вступает в неравную и скрытную борьбу с руководством комитета. Это была тяжелая и опасная борьба, это был высокий подвиг советского патриота.

Мусу перевели из Демблинской крепости в лагерь Вустрау, что неподалеку от Берлина. И здесь он сколачивает вокруг себя группу единомышленников, которые, как и он, тоже не пали духом, остались верны воинской присяге, любимой Родине, Коммунистической партии. Муса говорил тогда своим товарищам: «Мы должны быть сильнее смерти, наш долг вырвать людей из пасти фашистского зверя». Каждый член подпольной организации принимал присягу, составленную Джалилем. Текст ее таков:

«Клянусь беспрекословно выполнять любые приказы командира, всем сердцем служить Родине, хранить в тайне существование подпольной организации и имена ее членов, несмотря ни на какие пытки. Того, кто нарушит эту клятву, считать предателем Родины».

Задача была такова: сорвать вербовку военнопленных в гитлеровскую армию.

Руководство «Идель Урала» прослышало, что в лагере Вустрау находится татарский поэт. Оно решило воспользоваться именем поэта, привлечь его к работе. Иметь в составе комитета известного народного писателя — это значит поднять авторитет будущего «государства» в глазах легионеров!

Главари «Идель Урала», «иерусалимский муфтий» и даже сам Альфред Розенберг — гитлеровский министр оккупированных земель Востока, вызывают к себе Мусу Джалиля и убеждают его принять участие в работе комитета.

По решению подпольщиков Муса соглашается, но при условии сохранения за собой псевдонима «Гумеров». Под этой фамилией он переходил из лагеря в лагерь. Муса ставил перед собой цель: получить свободу перемещения и использовать ее в своих интересах. Джалиль входит в роту пропаганды, занимается культурным обслуживанием лагерей. Он много ездит, встречается с людьми, заводит новые знакомства. Джалиль побывал в Свинемюнде, Гамбурге, Дрездене, Познани. В двух по-

следних городах после его пребывания возникают подпольные группы.

«Есть материалы, — пишет в своей брошюре «Жизнь — песня» правдист Юрий Корольков, — которые позволяют предполагать, что группа Джалиля входила в подпольную организацию советских военнопленных «Искра». Это была одна из наиболее крупных организаций в фашистской Германии. Она существовала довольно долго — около полутора лет. Искровцы действовали во многих городах Германии. Их листовки распространялись в Польше, в Берлине, Мюнхене и в других местах. Гестаповцам удалось раскрыть организацию советских патриотов с помощью засланных провокаторов. Было арестовано свыше полутора тысяч искровцев в Польше и в Германии. Имеются также сведения, что Джалиль и его группа пытались установить связи с немецкими антифашистами».

Джалиль решил использовать в своих интересах и газету «Идель Урал». Он мешает появлению в ней антисоветских статей. Муса предлагает своим товарищам Гарифу Шабаеву наладить выпуск листовок, Ахмету Симаеву — слушать радиопередачи из Москвы. Один из подпольщиков посылается в Познань с заданием достать оружие — Муса мечтал о вооруженном восстании.

Бывший военнопленный Талгат Гимранов помог узнать еще одну неизвестную страницу биографии поэта.

В начале лета 1943 года Джалиль переезжает в Едлино, где располагался штаб легиона. Муса и Талгат жили в соседних бараках. Муса поверил в Талгата, тайно читал ему свои стихи, некоторые даже разрешил переписать. Так были спасены еще два десятка стихотворений.

В лагере было объявлено, что скоро на фронт будет отправлен 825-й батальон легионеров. Мусу в те дни часто можно было видеть в обществе высокого офицера татарина. За день до отправки легионеров в лагере были найдены листовки. А через неделю стало известно, что батальон не дошел до фронта. В районе Гомеля легионеры обратили оружие против немцев и перешли на сторону партизан. Говорили, что восстание в батальоне возглавил бывший политрук Красной Армии, до того никому неизвестный.

Муса ликовал. Он с еще большей энергией отдался

подпольной работе. По лагерю в списках ходили его стихи. Люди заучивали их наизусть, им нравилась боевая, жизнерадостная лирика. Но кто автор стихотворений, многим было неизвестно.

Поэт испытывает мучительное чувство. Большинство легионеров думали, что он сотрудничает с фашистами. О настоящей его деятельности мало кто знал. Многие считали его врагом, изменником. Неужели и до наших, до Красной Армии, до семьи дойдет эта черная весть? И вот поэт, обращаясь к жене, пишет стихи «Не верь!». Это очень сильное, страстное стихотворение, поэтому хочется привести его полностью:

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Устал он, отстал, упал он»,—
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если верят в меня.

Кровью со знамени клятва зовет:
Силу дает мне, движет вперед.
Так вправе ли я устать и отстать?
Так вправе ли я упасть и не встать?

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Изменник он! Родину предал»,—
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если любят меня.

Я взял автомат и пошел воевать,
В бой за тебя и за Родину-мать.
Тебе изменить? И отчизне моей?
Да что же останется в жизни моей?

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Погиб он. Муса уже мертвый»,—
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если любят тебя.

Холодное тело засыплет земля,—
Песнь огневую засыпать нельзя!
Умри, побеждая, и кто мертвецом
Тебя назовет, если был ты борцом?!

Группа Мусы имела связь с польскими партизанами, организовала несколько побегов пленных. Муса мечтал с помощью партизан поднять общее восстание в лагере, перебить немецких офицеров и уйти в партизанские края. Подготовка к восстанию была уже проделана: сколочены ударные группы, отпечатаны листовки. Но восстание поднять не удалось. Выдал провокатор, завербованный гестапо,

В ночь на 12 августа 1943 года начались аресты. Схватили Мусу, его друзей Фуада Булатова, Ахмета Симеява, Абдуллу Алишева и других. Но семена, посеянные группой подпольщиков, продолжали давать хорошие всходы. 828-й батальон, направленный в Западную Украину, по дороге восстал и перешел к партизанам. Взбунтовался и еще один батальон. Замыслы гитлеровцев рухнули. Остатки «Идель Урала» были спешно переведены на юг Франции, где их хотели использовать в борьбе с французскими маки. Но и эта авантюра не удалась. Легионеры перешли на сторону французских патриотов и помогли им освободить от оккупантов не мало селений и городов.

А для Мусы наступили самые тяжелые дни. Его заковали в кандалы и бросили в каменный мешок Моабитской крепости. Там же долгое время томился выдающийся борец против фашизма Эрнст Тельман. Об этом периоде жизни поэта рассказал нашедшийся в конце концов бельгиец Андре Тиммерманс. По его словам, он познакомился с Мусой в декабре 1943 года. Отношения сначала были не дружественные, но потом они нашли общий язык и стали доверять друг другу.

Андре Тиммерманс поведал о мужестве и стойкости, презрении к смерти, нескгибаемой воле обреченного на казнь поэта-патриота.

В тюрьме Моабит Муса пробыл до марта 1944 года. Затем его увезли на суд в Дрезден. Расставаясь с добрыми и верными друзьями, он отдал новую тетрадь стихов Андре Тиммермансу: если друг по борьбе останется жив, пусть передаст стихи на Родину... Тиммерманс спрятал стихи в молитвенник, а Муса на двух чистых листах молитвенника написал прощальные строки «Мой подарок». Они дошли до нас с посвящением: «Моему бельгийскому другу Андре, с которым познакомился в неволе». Вот эти строки:

Когда б вернуть те дни, что проводил
Среди цветов, в кипенье бурной жизни,
Дружище мой, тебе б я подарил
Чудесные цветы моей отчизны.

Но ничего тут из былого нет —
Ни сада, ни жилья, ни даже воли.
Здесь и цветы — увядший пустоцвет,
Здесь и земля у палачей в неволе.

Лишь не запятнанное мыслью злой
Есть сердце у меня с порывом жарким.
Пусть песня сердца, как цветы весной,
И будет от меня тебе подарком.

Коль сам умру, так песня не умрет,
Она, звеня, свою сослужит службу,
Поведав Родине, как здесь цветет
В плененных душах цвет прекрасной дружбы.

Муса много писал. В это время следствие по его делу уже закончилось. Муса знал о том, что скоро его будут судить и с жадностью отдавался поэзии. Пусть люди как можно больше правды узнают о нем, о его товарищах, их неравной борьбе за колючей проволокой, тоске по Родине, светлой вере в победу.

Тиммерманса приговорили к пяти годам тюремного заключения и перевели в тюрьму Шпандау. И здесь ему еще раз удалось увидеться с Мусой. Это произошло уже спустя несколько месяцев, в конце лета. Мусу перевели сюда после суда. Встреча произошла в тюремной бане. Джалиль рассказал, что суд состоялся и всю группу подпольщиков приговорили к смертной казни, спросил о судьбе заветной тетради стихов. Андре сообщил, что переслал стихи матери — в небольшой городок Терлеман. «Муса счастливо улыбнулся и поблагодарил меня», — рассказывал бельгийский патриот.

Долгое время считали, что поэта и его товарищей казнили в середине 1944 года. Но нашелся еще один свидетель последних дней Мусы. Это был советский военнопленный Михаил Иконников. В тюрьме он встретился с Ахметом Симаевым, приговоренным к смерти. Ахмет сообщил ему и о подпольной работе, и о провале, и о судебном заседании.

В брошюре Юрия Королькова «Жизнь — песня» об этом говорится так:

«Судил их Верховный Германский суд в Дрездене. Прокурор в своей обвинительной речи говорил о подрывной работе подпольщиков против германского рейха и потребовал вынести смертный приговор всем подсудимым. Защитник, назначенный без ведома Джалиля и его товарищей, просил только заменить смертную казнь пожизненной каторгой.

С последним словом от имени подсудимых выступил Муса Джалиль. Он резко говорил, что преступление совершают не они, советские люди, оказавшиеся на скамье

подсудимых, а клика Гитлера. Джалиль сказал, что он и его товарищи гордятся тем, что, даже находясь в плену, они сумели внести свою долю в грядущую победу над фашизмом. Жаль, что не удалось продолжить борьбу. «Фашисты сполна ответят за свои преступления», — бросил Джалиль в лицо судьям.

Джалиль отверг предъявленное подпольщикам обвинение в том, что они действовали, якобы, по заданию советского командования. Он повторил, что группа действовала по собственной инициативе, потому что каждый из них чувствовал себя настоящим советским человеком...

Джалилю не дали закончить его последней речи. Судья прервал его, грубо ругался, кричал, потом вообще лишил его слова...

После того, как огласили приговор, судья сказал, что осужденные могут подать кассацию. Но все они от этого отказались. Единственное, о чем просили осужденные, чтобы на Родине узнали, за что они приговорены к смерти.

Это было одним из самых заветных желаний всей группы, которое высказали Муса и его товарищи. Они хотели, чтобы на Родине узнали, за что они погибли, узнали, что они до конца, до последней минуты жизни остались верными своей Родине.

Но фашистский суд оставил приговор в тайне...»

Свою тетрадь стихов Джалиль передал Ахмету Си-маеву, а тот отдал ее на хранение Михаилу Иконникову. После войны Иконников переслал стихи в Казань, в отделение Союза советских писателей.

А дни Мусы и его товарищей были уже сочтены. Приговоренных к смерти узников направили сначала в Шпандау (там-то Муса и встретился второй раз с Андре Тиммермансом), а потом в 21-й штрафной лагерь под Брауншвейгом.

Казнь состоялась осенью 1944 года. В брошюре Юрия Королькова читаем следующее:

«Примерно в середине октября искровцев забрали из барака.

Казнили их публично на другой день в том же штрафном лагере. Очевидцы рассказывают, как спокойно стояли они перед виселицей. Завязывать себе глаза они отказались. Когда на них накинута петля, они запе-

ли «Интернационал»... Двоих казнили сразу, но с остальными палач замешкался. Трое продолжали петь Гимн».

Так оборвалась жизнь Мусы Джалиля — поэта, солдата, борца. Но беспримерный подвиг, совершенный им, будет жить в веках. По достоинству были оценены народом самоотверженная борьба и героическая гибель поэта коммуниста, ставшая ярким примером духовного величия советского воина. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Прекрасные творения поэта, вошедшие в сборник «Моабитская тетрадь», получили всеобщее признание, высокую оценку партии и правительства. Эта предсмертная книга Мусы Джалиля удостоена Ленинской премии.

...В конце 1958 года жители села Мустафино, Шарлыкского района, решили увековечить память Мусы Джалиля. Оренбургский областной Совет депутатов трудящихся удовлетворил их ходатайство. Было решено поставить на родине памятник поэту-герою.

В этом селе в 1906 году в семье крестьянина-бедняка Мустафы Залилова родился сын. Назвали его Муса. Через несколько лет отец был вынужден покинуть родное село. Голод и долги принудили сделать такой шаг.

Великую Октябрьскую социалистическую революцию одиннадцатилетний Муса встретил в Оренбурге. Здесь он начал пробовать свои силы в поэзии. В газете политотдела Туркестанского фронта «Кзыл юлдус» («Красная звезда») было опубликовано его первое стихотворение «Счастье».

Муса долгое время жил и работал в Оренбуржье. Здесь закончил совпартшколу, был бойцом части особого назначения. Переехав в Казань, он работал в редакции газеты «Кзыл Татарстан». В Казани были напечатаны его стихи за подписью Муса Джалиль. Возвратившись на родину, Муса сначала работал инструктором Орского уездного комитета комсомола, а затем в Оренбургском губкоме комсомола. В конце 1927 года его избрали членом бюро татаро-башкирской секции при ЦК ВЛКСМ. Поэт переезжает в Москву, поступает заочно учиться на литературный факультет Московского Государственного университета. Война, как мы уже говори-

ли, застала его в Казани, где он работал председателем Союза писателей Татарии...

У Мусы есть небольшое стихотворение «Сила джигита». Очерк о жизни и борьбе нашего замечательного земляка и хочется закончить словами поэта:

Всем сердцем соколиным, всей душой
Дав клятву верности народу,
Он на плечо повесил автомат,
Сел на коня, готов к походу.

И там, где он прошел, был враг смят —
Валились пушки, танки тлели.
Откуда эта сила и огонь
В его как будто слабом теле?

Как знамя, верность родине подняв,
Джигит прошел огонь и воду,—
Не автоматом, не конем силен,
А клятвою своей народу.

Муса Джалиль был верен клятве народу, потому-то он был так силен и непоколебим в борьбе с врагами Советской Родины.

Василий Владимирович Климов

В. МОРОЗОВ

М ЗА ШТУРВАЛОМ САМОЛЕТА

Перед командиром авиационного соединения стоял высокий, худощавый старший лейтенант. Его серые глаза смотрели спокойно и сосредоточенно.

— Товарищ Климов,— говорил полковник,— вы не раз подавали рапорты о посылке на фронт. Командование решило удовлетворить вашу просьбу. Формируется новая авиационная часть. Туда нужны опытные летчики. Согласны поехать?

— С большим удовольствием. Давно хочу с фашистами в воздухе встретиться.

— Положим, сразу вам с ними встретиться не придется. Прежде надо освоить новую материальную часть. Но уверен, вы с этим справитесь. Недаром же еще в

прошлом году я вручил вам именные часы за отличное пилотирование и бомбометание.

— Так точно, товарищ полковник.

— Ну, желаю боевых успехов.

Полковник поднялся и протянул руку Климову. Тот крепко ее пожал.

Этот разговор происходил осенью 1942 года, когда Красная Армия перешла в решительное контрнаступление на врага в районе Сталинграда. Сокрушительные удары наносились по гитлеровским войскам и на других участках фронта. Осуществляя наступательные операции, советское Верховное главнокомандование одновременно готовило резервы для новых боев. В тылу формировались и проходили обучение новые части.

В одну из таких авиационных частей и прибыл старший лейтенант Василий Климов. Начались дни напряженной учебы. Под руководством опытных инструкторов он осваивал новые истребители. Замечательные машины, созданные общими усилиями советских конструкторов и рабочих, во многом превосходили немецкие истребители.

Весной 1943 года авиационная часть, в которой служил Климов, получила приказ перебазироваться на Кубань, где в то время развернулись ожесточенные воздушные бои. Немцы несли огромные потери. Они вынуждены были перебросить на Кубань свои лучшие авиационные эскадры из противовоздушной обороны Берлина.

Климов и его товарищи совершали по несколько боевых вылетов в день. Советские летчики не уклонялись от встреч с врагом, наоборот, искали их. Но немцы были осторожны. Они принимали бой только в выгодных условиях, имея большое численное превосходство. Только на пятнадцатом вылете Климов открыл свой боевой счет. Вот как об этом он сам рассказывает:

«Восьмерке наших истребителей было приказано подняться в воздух для прикрытия наземных войск. Подлетев к линии фронта, мы встретили группу немецких бомбардировщиков. Их сопровождали истребители. Слышу по радио команду ведущего нашей группы:

— Климов, завязывай бой с истребителями. Я атакую бомбардировщиков.

Нашей четверке пришлось сражаться с шестеркой

«мессеров». Бой шел на вертикалях. Во время одной из атак, когда ведомый пары фашистских истребителей выполнял петлю и завис в верхней переломной точке, я оказался у него в хвосте и открыл огонь из пушки и пулеметов. «Мессер» загорелся и рухнул на землю.

— Поздравляю с первым, — услышал я голос своего ведомого лейтенанта Клопова. Мое сердце было наполнено радостью. Первый фашист сбит. В этом бою мы уничтожили три самолета противника. Сами потерь не имели».

Немцы беспрерывно подбрасывали резервы. На одном из аэродромов они сосредоточили много самолетов. Наше командование решило нанести по ним массированный штурмовой удар.

В воздух поднялась большая группа советских самолетов. Эскадрилья Климова прикрывала штурмовиков. Налет на аэродром был осуществлен внезапно. Гитлеровцы даже не успели вовремя открыть зенитный огонь. Штурмовики обрушили на врага ураган огня. Внизу все запылало.

Климов внимательно следил за воздухом. Вот он заметил маленькие черные точки. Они быстро приближались к аэродрому. Кто? Свои или противник? Через несколько секунд стало ясно — подходят истребители врага.

— Внимание, справа группа «мессеров», — передал Климов по радио ведомым.

Он наметил для себя головную машину. Имея преимущество в высоте, Климов зашел в хвост «мессеру» и с короткой дистанции открыл огонь. Немецкий самолет вспыхнул и факелом пошел вниз.

Это был уже пятый самолет, сбитый Климовым в небе Кубани.

...Незаметно пришла весна. Наступил праздник 1 Мая. В часть прибыло много поздравительных писем и посылок от тружеников тыла. Климов получил портсигар, полдюжины носовых платков и письмо-треугольник.

«Дорогой защитник Родины! — писала незнакомая девушка с Урала. — Примите скромный подарок и горячий привет от всей нашей комсомольско-молодежной фронтовой бригады. Своим трудом мы стремимся приблизить победу над врагом. Я и мои подруги выполняем по две-три нормы за смену. От всей души желаем Вам здоровья и новых боевых успехов».

Прочитав письмо, Климов бережно положил его в карман гимнастерки.

— Замечательно работают наши люди в тылу, — сказал он своему ведомому лейтенанту Клопову.

— Да, молодцы! — ответил тот. — Нам нельзя отставать от них.

Через два дня эскадрилья Климова снова поднялась в воздух. Ей приказано было прикрыть наземные войска от налетов авиации противника. Встреча с фашистскими самолетами произошла почти над линией фронта. Бомбардировщики шли пятью группами по девять самолетов в каждой. Их сопровождали «мессеры».

— Атакую первую группу бомбардировщиков, — передал Климов по радио. — Комардинкину завязать бой с истребителями.

Сделав разворот, Климов стал настигать ведущий бомбардировщик. Он зашел снизу и, поймав в прицел вражеский самолет, нажал гашетку. Трасса снарядов прошла правое крыло «юнкерса», где расположен бензобак. Самолет противника взорвался и развалился в воздухе.

Строй вражеских бомбардировщиков смешался. «Юнкерсы» поспешно сбрасывали бомбы на свои войска и поворачивали обратно. Сделав разворот, Климов атаковал ведущего второй группы. Вражеский самолет упал на землю.

Ведомый Климова лейтенант Клопов открыл огонь по второму бомбардировщику противника. Командир эскадрильи на какой-то миг оказался без прикрытия. Этим воспользовался вражеский истребитель.

— «Сокол 103», сзади «мессер», — услышал Климов предупреждающий голос.

Но было уже поздно. Машину сильно встряхнуло. Острая боль пронзила грудь и голову летчика. Загорелся мотор. Длинные языки пламени стали просачиваться в кабину. Самолет не слушался рулей. Теряя последние силы, Климов скольжением на крыло пытался спасти машину. Но в кабине уже бушевал огонь. Загорелся комбинезон, пламя обжигало лицо.

Отбросив колпак, летчик с трудом перевалился через борт кабины. Однако он неудачно отделился от самолета. Стойкой антенны его ударило по правому плечу. Ключица была сломана. Падая, Климов пытался дер-

нуть правой рукой за вытяжное кольцо парашюта. Но рука не действовала. С большим трудом ему удалось это сделать левой рукой. Парашют раскрылся в двухстах метрах от земли.

Внизу Климов увидел изломанные контуры траншей. Эта была линия фронта. Справа четко вырисовывались узкие ходы сообщений и окопы — знакомое очертание нашей обороны. А слева тянулись траншеи противника. До них как будто ближе.

«Странно, почему немцы не ведут по мне огня? — подумал Климов. — А, надеются взять живым. Нет, не выйдет!»

Он подтянул три правых стропы. Парашют стал снижаться быстрее, заметно отклоняясь в сторону наших войск. Немцы это заметили. Они открыли пулеметный и ружейный огонь. Климов услышал свист пуль. Но земля была уже рядом. Он согнул ноги и сразу же ощутил сильный удар. Сознание покинуло летчика...

— Да, порядком его изрешетило, — услышал Климов тихий голос. — Но ничего, организм молодой, выдержит.

— Организм-то может выдержать, а вот лицо крепко обгорело. Тут, пожалуй, врачи ничем не помогут, — заметил другой, хриловатый голос.

— Помогут, да еще как. Теперь медицина чудеса делает.

Климов открыл глаза. При тусклом свете он увидел склонившуюся над ним женщину в военной форме. В руках она держала шприц. Рядом с ней стоял офицер в звании майора.

— Где я нахожусь? — слабым голосом спросил Василий Климов.

— В землянке командира стрелкового батальона, — ответила женщина. — Я военфельдшер батальона. Только что осмотрела вас. Скоро подойдет машина из санчасти полка. Будем эвакуировать в ближайший госпиталь.

— А как я здесь очутился?

— Об этом вам расскажет командир батальона. Он лучше меня знает.

Майор подошел ближе к узким нарам, на которых лежал летчик, поправил подушку и начал:

— Упали вы почти на середине нейтральной полосы, прямо в воронку от снаряда. Это вас спасло. Немцы больше часа вели огонь из пулеметов и минометов. Мы

все время наблюдали за вами. Опасались, что гитлеровцы подползут и утащат. Вначале мы думали вечером забрать вас. Но в темноте и немцы могли незаметно подползти. Я спросил разведчиков: может, кто рискнет днем пробраться к вам? Желающие сразу нашлись. Поручил я это дело одному способному и смекалистому солдату. Условились, что в случае необходимости будем его поддерживать огнем. Он пополз. Немцы сразу не заметили, проморгали. У них как раз обед был. Спохватились, когда разведчик уже подтаскивал вас к траншее. Но мы такой огонь дали, что фрицы быстро примолкли. Потом вот военфельдшера вызвал.

— А где же сейчас этот солдат? — спросил Климов.

— Сейчас его позовем, — ответил комбат.

Через минуту в землянку, пригнувшись, вошел высокий плечистый солдат.

Климов попытался подняться, но режущая боль в груди и плече заставила его опустить голову на подушку.

— Большое вам спасибо, — сказал он, обращаясь к солдату. — Теперь я ваш вечный должник.

— Вы нам помогли утром. Девять стервятников подожгли ваши соколы. А мы из беды вас вызволили. Как говорят, фронтовая взаимовыручка. Поправляйтесь быстрее, товарищ старший лейтенант.

Солдат повернулся и направился к выходу.

— Подождите минутку, — позвал его Климов. Затем он достал часы и, отдавая их солдату, сказал:

— Возьмите, от всего сердца дарю. На память. Вы откуда родом?

— Харьковский, на тракторном до войны работал. Прикончим Гитлера, в гости приезжайте. Отпразднуем победу вместе.

Не пришлось Василию Климову побывать в Харькове. Он не записал адрес своего спасителя, а скромный русский солдат ни разу не напомнил о себе. Может быть, часы марки «Мозер» с выгравированной на них надписью «Старшему лейтенанту В. В. Климову за отличную боевую стрельбу и бомбометание» и сейчас хранит бывший разведчик.

Недолго пробыл Климов в полевом госпитале. Оздоровившись за ним из части прислали машину.

— Перебазируемся, товарищ старший лейтенант, —

сказал ему шофер.— В резерв нас выводят. Командир прислал меня, может, заглянете к нам на денек.

Ни требования, ни уговоры врачей не помогли. Климов категорически заявил, что немедленно едет в родной полк. А через несколько часов он уже стоял в кругу своих боевых друзей.

— Ну как, подлечился? — спросил Климова командир полка.— Рука, вижу, побаливает, а лицо в полном порядке. Молодцы врачи, постарались. Ну, а остальное еще долечат. Когда обратно в госпиталь?

— Туда я больше не ездук,— весело ответил Климов.— перевязку и наш врач не хуже других сделает.

— Как думаете, оставим его в полку или отправим в госпиталь? — шутливо обратился командир к офицерам.

— Надо оставить,— ответил за всех старший лейтенант Комардинкин.— Тут по нем один человек скучает. Не ест, не пьет...

— Кто же это может быть? — поинтересовался Климов.

— Твой механик. Да вот и он, легок на помине.

К Климову, запыхавшись, быстро подошел его верный друг и боевой помощник старшина Загрядский. Это был на редкость исполнительный и трудолюбивый человек. Он хорошо знал технику, содержал машину в образцовом состоянии. Не успеет, бывало, летчик приземлиться, а старшина уже бежит к самолету. Если требовался ремонт, он не отходил от машины всю ночь.

— Здравствуйте, товарищ командир,— взволнованно проговорил Загрядский.— Теперь мы заживем.

— Не только заживем, но и полетаем,— сказал Климов, прижимая к груди старшину.

Уже через месяц Климов снова поднялся в воздух, но теперь это было на реке Миусе, куда под натиском советских войск откатились немецкие части. Здесь, как и на Кубани, шли ожесточенные воздушные бои.

Боевой счет Климова непрерывно рос. Это было результатом зрелого мастерства летчика. В бою он проявлял изумительное хладнокровие, выдержку, умел выходить победителем из самых трудных положений. На его гимнастерке уже сверкали три ордена Красного Знамени, ордена Александра Невского, Отечественной Войны I степени и четыре медали — символы мужества и отваги советского сокола.

Красная Армия неудержимой лавиной двигалась на запад. Климов громил врага в небе Украины, Белоруссии, Литвы. Он не раз видел пепелища сожженных гитлеровцами советских городов и сел. Его сердце наполнялось неугасимой ненавистью к фашистам.

Однажды, подыскивая место для нового аэродрома, Климов с группой авиаторов прибыл в одно из белорусских сел. Оно только накануне было оставлено гитлеровцами.

Глазам летчиков предстала страшная картина. Они увидели десятки изуродованных трупов советских женщин, стариков и детей. Это было делом рук фашистских извергов.

— Отомстим гитлеровцам за все их злодеяния! — поклялись летчики.

Заместитель командира полка майор Климов уже летал со своими друзьями над территорией Германии. Он прикрывал переправы наших войск на Висле, Одере. Наконец настал день, когда Климов во главе группы краснозвездных истребителей появился над столицей фашистской Германии — Берлином. Внизу раскинулся громадный серый город, окутанный туманной дымкой. Коегде полыхали пожары. Война пришла туда, откуда ее начали.

Над Шпандау (один из пригородов Берлина) группа Климова встретила около десятка «мессеров». Те шли со стороны солнца. Климов подал команду:

— Горка!

Машины быстро набрали высоту и вошли в разорванную облачность. А затем, сделав разворот, сверху ринулись на самолеты противника.

— Огонь открывать с самой близкой дистанции, — напомнил командир своим ведомым.

Он почти вплотную приблизился к «мессеру» и открыл по нему огонь. «Мессер» моментально загорелся и стал падать. Это был 27-й вражеский самолет, сбитый Климовым в воздушных боях...

Последний раз Климов пролетел над Берлином в знаменательный день 8 мая, когда битые фашистские генералы во главе с фельдмаршалом Кейтелем подписывали акт о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии. А потом исполняющий обязанности командира полка майор Климов вместе со своими боевыми друзьями,

вместе со всем советским народом торжественно отпраздновал День Победы.

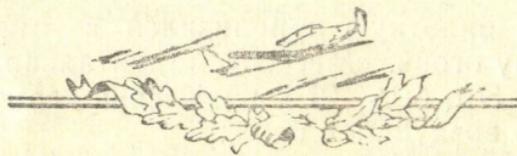
За два года войны Климов совершил 303 боевых вылета, участвовал в 89 воздушных схватках. На его счету 27 сбитых самолетов противника. За мужество и отвагу, проявленные в боях с фашистскими захватчиками, Указом Президиума Верховного Совета СССР Василию Владимировичу Климову было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

В боевой обстановке, когда нервы были напряжены до предела, Климов забывал о старых ранах и они редко беспокоили его. Но кончилась война, и они сразу дали о себе знать. На медицинской комиссии ему сказали:

— Летать вам больше нельзя.

И вот Василий Владимирович в родном Оренбурге. Раньше он учился здесь в военно-авиационном училище, а теперь занялся мирным трудом и учебой. Он успешно закончил областную партийную школу и вскоре был избран председателем областного добровольного оборонного общества.

Со всей страстью отдался Климов работе. Но болезнь, вызванная ранениями, не оставляла его в покое. Пришлось уйти на пенсию. Однако подполковник запаса Климов не сидит без дела. Василия Владимировича часто можно видеть на предприятиях, в учебных заведениях, воинских частях. Пожилой, но по-прежнему энергичный, он пламенным словом зовет советских людей на новые подвиги во славу нашей великой Родины.

Федор Кузьмич Чегодаев

А. КУСТОВ

СНАЙПЕР

Бойцы одного из полков 4-й Туркестанской дивизии быстро приняли в свою семью Федора Чегодаева — молодого казака из далекого оренбургского села Красный Яр. Всем пришлись по душе его храбрость, веселый характер.

Чуть ли не на второй день после прибытия в полк Чегодаев вместе со своими товарищами по эскадрону мчался с клинком в руке навстречу банде басмачей... В одной из жарких схваток он получил два ранения, но не оставил строя.

— Мне иначе и нельзя, — сказал оренбуржец, — ведь дед-то мой был полным георгиевским кавалером. Да и отец не отступал в боях за землю русскую...

Шел 1923 год. Молодая Советская страна залечивала раны, нанесенные гражданской войной и иностранной военной интервенцией. А здесь, на одной из восточных окраин, все еще было беспокойно, бесчинствовали банды басмачей.

Нелегкой была служба. Частые бои, непривычная жара и пески, пески. Но солдатская дружба помогала бороться с трудностями. Закалялся, мужал Федор Чегодаев. Все ближе и понятнее становились ему слова комиссара, часто беседовавшего с красноармейцами о Владимире Ильиче Ленине, о созданной им партии, о Советской власти.

После двухлетней службы в Красной Армии Федор возвратился в родное село. В левом кармане выгоревшей гимнастерки он бережно хранил «Наказ уходящему в деревню красному бойцу». Глубоко запали в душу слова наказа: «Расскажи в деревне про Ильича, про его партию, про то, что Ильич завещал рабочим и крестьянам».

Вокруг бывшего бойца стала спланиваться сельская молодежь из бедноты, жадно тянущаяся к новой жизни. С ненавистью смотрела на это кучка богатеев, видевшая, как к молодым примыкают и пожилые казаки, которых привлекала правда ленинской партии, звавшей народ к светлому будущему.

Когда в селе создавался колхоз, то в числе первых заявление о приеме подали Федор Чегодаев и его молодые друзья. Они-то и предложили присвоить колхозу имя славного советского полководца М. В. Фрунзе.

Каким заботливым конюхом оказался Федор! Он замечал малейший случай нерадивого отношения к артельному тяглу. Колхозник, решивший, что раз лошади теперь общие, то можно особенно не церемониться с ними, возвращался обычно с конюшни, почесывая затылок. Не жалел Федор крепких слов для разговора с такими людьми!..

После весеннего сева все ясно увидели: не зря старался колхозный конюх! Отсеялся колхоз быстрее всех в районе, не подвели кони, которые были в ту пору основной тягловой силой в артели.

Много героев труда родила первая колхозная весна. И одним из первых среди них был Федор Кузьмич Чегодаев. Кажется, больше всех аплодировали ему, когда он

принимал из рук секретаря сельской партийной ячейки скромную грамоту, отпечатанную на простой газетной бумаге. 30 лет прошло, а не забыл Федор Кузьмич того волнующего дня, когда народ впервые отметил его труд...

Шли годы. Креп колхоз, краше становилась жизнь. На полях гудели тракторы, по дорогам бежали автомашины. Страна щедро снабжала сельское хозяйство техникой. Многие товарищи Федора Кузьмича стали механизаторами, но он не оставлял своего скромного поста.

— Еще послужат мои лошадки, — говорил он.

Война грозно ворвалась в жизнь миллионов советских людей. Оставив мирный труд, они грудью встали на защиту Родины. Солдатом стал и Чегодаев. Мечтал он попасть в конницу, но на войне не всегда выходит так, как хочется. Он был зачислен в школу снайперов.

Чегодаеву нравилось выполнять сложные упражнения. Внимательно высматривал он через оптический прицел цель, спокойно брал ее на мушку. С каждым днем все кучнее ложились пули в мишень. Незаметно пришел день контрольных стрельб.

...Умело действуя саперной лопаткой, врос в землю Чегодаев, замаскировался. Он знал, что до начала стрельб у него есть в запасе время.

«Закурить разве?» — подумал он и тут же отогнал эту мысль. Но курить хотелось все больше и больше.

«Попробую в рукав, никто не заметит».

Ловко свернута папироска, сделана жадная затяжка. Над окопом показалась едва заметная струйка дыма...

Отлично стрелял в тот день Чегодаев. Благодарность получил за это, но на разборе проверяющий строго заметил ему:

— А курить снайперу в засаде не положено. На фронте это может стоить жизни...

Вот тебе и незаметный дымок! Крепко запомнил Федор этот урок: снайперское дело не терпит мелочей, оно требует железной выдержки.

...Быстро двигался на запад воинский эшелон, в одном из вагонов которого находился и снайпер Чегодаев. Первый снег едва покрыл необозримые поля. Навстречу шли составы с красными крестами на вагонах, с платформами, груженными станками и различным оборудованием.

Часть, в которой служил Чегодаев, разгрузилась под

Москвой и с ходу вступила в бой. Наши войска перешли в контрнаступление. Враг дрогнул, начал отступать.

...Вражеский пулеметчик внезапным и метким огнем прижал наше наступающее подразделение к земле. Вместе со всеми лежал и Чегодаев. Позиция у него была удобная: небольшой бугорок надежно защищал от пуль. Федор Кузьмич внимательно стал искать, откуда стреляет пулемет. И нашел: языки пламени вылетали из кустов, находившихся впереди и левее снайпера. Федор Кузьмич прицелился и выстрелил несколько раз. Вражеский пулемет умолк.

В этом бою Чегодаев уничтожил не мало фашистов, но и сам не уберегся, был ранен в правую руку.

После месячного лечения в госпитале снайпер решительно заявил врачу:

— Выписывайте меня, поеду в свою часть.

Врач говорил о необходимости продолжать лечение, о том, что не догнать и не найти ему своей части.

— Все советские части наши,— упрямо твердил солдат.— Мне бы только на передовую попасть...

И медики не устояли.

Вскоре Федор Кузьмич попал в одну из частей Северо-Западного фронта. Здесь он получил снайперскую винтовку.

И вот первое задание. Скрытно добрался снайпер до опушки леса, оборудовал себе позицию на одном из деревьев. Отсюда было удобно наблюдать за врагом. А фашисты вели себя довольно свободно. Они, укрывшись за небольшой возвышенностью, получали обед из походной кухни.

Чегодаев открыл огонь. Несколько немцев осталось на снегу. В ответ фашисты начали обстрел опушки леса из минометов. Но напрасно они переводили мины. Федор Кузьмич уже успел сменить позицию.

Снайпер хорошо изучил оборону противника, знал каждое деревцо, кустик и бугорок. Был такой случай. Чегодаев, выйдя на очередную «охоту», заметил в листве одной из берез большое гнездо, которого — он помнил это твердо — вчера не было. «Не могли же за ночь грачи свить гнездо?» — подумал снайпер. Когда он выстрелил, с дерева, ломая ветки, рухнул фашист.

...На соседнем участке стал действовать вражеский снайпер. Он был опытен и хитер. От соседей пришел по-

сылный с запиской командира роты: «Просим прислать Федора Чегодаева. Мы на него надеемся».

И Чегодаев пошел. Ночью он укрылся в сарайчике, который находился впереди линии нашей обороны. Утром Чегодаев сколько ни наблюдал, не мог точно установить, где засел фашистский снайпер. Помогла хитрость. Чегодаев дал три выстрела по росшему близ немецкой траншеи кустарнику. Немедленно раздался ответный выстрел. Чегодаев громко вскрикнул. Вскоре фашистский снайпер, решив, что его противник уничтожен, задумал переменить позицию. Этого только и ждал Чегодаев. Когда фашист поднял голову, его настигла чегодаевская пуля.

Фашисты организовали за славным русским снайпером настоящую охоту. С самолета даже были сброшены листовки, обращенные к Чегодаеву. Ему грозили лютой казнью.

Имя снайпера Федора Кузьмича Чегодаева стало широко известно на Северо-Западном фронте. О нем писали в дивизионных и армейских газетах, о его подвигах рассказывали солдатам агитаторы и политработники. 1 Мая 1942 года Чегодаеву было присвоено звание младшего сержанта, а через пару недель — старшего сержанта. В те же дни пришла весть о награждении его орденом Красного Знамени.

Однажды снайпера вызвал командир батальона.

— Хорошо действуешь, старший сержант,— сказал он. — Но нам надо учить молодежь, растить новых мастеров огня.

И Чегодаев все чаще стал брать с собой на «охоту» молодых солдат. Он хотел, чтобы больше было на фронте снайперов.

Как-то Чегодаев и его ученик Павел Зозулин возвращались с задания. Оба были довольны. На счету учителя в этот день прибавилось семь гитлеровцев, да и Павел не подкачал, уничтожил четырех фашистов. Шли лесом, не спешили. Присели покурить. Вдруг послышался гул самолета.

— А ведь это немец летит, Павел,— сказал Чегодаев.

Прямо на них шел фашистский бомбардировщик. Он стал делать разворот, чтобы сбросить свой груз на наши позиции. Чегодаев вскинул винтовку, прицелился и дал несколько выстрелов. Самолет вспыхнул, раздался взрыв.

Фашистский стервятник нашел гибель, не успев сбросить бомбы.

А вскоре на счет отважного снайпера был записан уничтоженный им вражеский танк.

Летом 1942 года Чегодаев был приглашен на армейский слет снайперов. После слета начальник политотдела армии повел его к себе в блиндаж. Долго беседовал политработник со старшим сержантом, интересовался всеми мелочами фронтового быта. Уложив гостя спать, начальник политотдела пошел в штаб. Вернулся он среди ночи необычайно взволнованным.

— Вставайте, дорогой Федор Кузьмич,— торопливо говорил он.— Я рад первым поздравить вас с большой радостью: Президиум Верховного Совета СССР присвоил вам звание Героя Советского Союза!..

С новыми силами возвратился снайпер в родную часть. И не один десяток гитлеровцев нашел от его пули могилу на русской земле.

В те дни в жизни Федора Кузьмича произошло еще одно важное событие.

В прифронтовом лесу собрались коммунисты части. Парторг огласил заявление Чегодаева:

«Прошу принять меня в ряды родной Коммунистической партии. Не жалея сил и жизни, буду уничтожать вероломных захватчиков, пока последний из них не будет изгнан с нашей священной земли».

Решение было единогласным: принять Федора Кузьмича Чегодаева кандидатом в члены Коммунистической партии.

Так Чегодаев стал коммунистом. Это высокое имя звало его к новым подвигам во славу Родины.

В суровых схватках с врагом Федор Кузьмич получил второе ранение, дважды был контужен. Последняя контузия в конце 1942 года вывела снайпера из строя. Его направили в один из московских госпиталей. После лечения специалисты пришли к выводу: подлежит демобилизации. Напрасно Федор Кузьмич возмущался, доказывал, что нельзя ему отсиживаться дома, что его место там, на фронте. Пришлось подчиниться приказу.

Перед отъездом домой Чегодаев пошел погулять по Москве. Заснеженная суровая столица жила напряженной трудовой жизнью. Как всегда, торжественно выглядел Кремль, у входа в мавзолей стояли строгие часовые. Во

всем чувствовалась особая подтянутость. Простившись с Красной площадью, Федор Кузьмич пошел в гостиницу. Здесь его ждал пакет: снайпера приглашали в Кремль за получением высокой награды.

С глубоким волнением входил Федор Кузьмич в Кремль. Сколько раз на фронте перед его мысленным взором вставали кремлевские звезды. Они светили ему, как маяк в пути. А с каким вниманием слушали фронтовики вести, которые шли из Кремля! Ведь все знали, что там находится Советское правительство, Центральный Комитет партии. И вот он, скромный защитник Родины, здесь, в Кремле, получает орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза. Трудно передать чувства, охватившие бывалого солдата. Волнуясь, он ответил на поздравление:

— Служу Советскому Союзу!..

Радостно встретили Федора Кузьмича земляки. Через пару дней он явился в Илекский райком партии и сказал:

— Прошу послать меня на работу.

Он стал заведовать военным отделом райкома партии, вел большую общественную работу. Жители районного центра не раз избирали его депутатом сельского Совета.

...Мы сидим в просторной светлой комнате большого дома в центре села Илека. Федор Кузьмич неторопливо рассказывает о своей жизни.

— А вот теперь,— с некоторой грустью говорит он,— нахожусь на пенсии...

Народ позаботился о заслуженном человеке, ему установлена персональная пенсия.

Федор Кузьмич задумчиво перебирает бумаги, бережно хранящиеся в особой папке. Вот наказ уходящему в деревню красному бойцу, грамота партийной ячейки, грамота о присвоении звания Героя Советского Союза. Документы свидетельствуют: верно служил Федор Кузьмич Чегодаев советскому народу, Родине, Коммунистической партии.

Семен Алексеевич Сибирин

И. ФИЛИППОВ

СОКОЛИНАЯ СЕМЬЯ

Перед вылетом командир эскадрильи капитан Сибирин сказал своему заместителю лейтенанту Запаскину:

— Поглядывай за меньшим.

В это время «меньшой» — молодой летчик Иван Столяров натягивал шлем и, посмеиваясь, говорил технику:

— А знаешь, мы с капитаном земляки.

— Да ну! Вот этого я, лейтенант, не знал!

— Верно, земляки. Я из Куйбышева, а он из Оренбурга. Он родился в селе Петропавловке, Екатериновского района, окончил школу ФЗО при паровозоремонтном заводе, учился в планерной школе...

— Ну раз земляки, то летай спокойно. Капитан Сибирин в обиду никого не даст, — сказал техник.

Тяготы и радости фронтовых будней сблизили и породнили малоразговорчивого, угрюмого на вид, но доброго сердцем Семена Сибирина с его боевыми друзьями: тихим, краснеющим при похвале, но злым и дерзким в воздухе Владимиром Запаскиным; горячим, не сдержанным на слова Николаем Пинчуком; веселым шутником и балагуром Владимиром Баландиным; остроумным, знающим себе цену Дмитрием Лобашовым; скромным, настойчивым и трудолюбивым Иваном Соболевым. Недавно прибыл в эскадрилью Иван Столяров, но и он быстро стал для всех другом.

Столяров готовился ко второму боевому вылету. Летчики эскадрильи вводили его, как они сами говорили, в «большой свет».

— Важно не дать его в обиду в первых боях,— говорил Сибирин.

В тот день шестерка наших самолетов, ведомая капитаном Сибириным, повстречалась с двенадцатью фашистскими истребителями. Иван Столяров видел, как командир с ведомым врезались в строй врага, рассеяли его самолеты и, прикрывая друг друга, вступили в бой с четырьмя «мессерами». Столяров знал, что ему следовало не терять из виду самолет лейтенанта Соболева и оберегать его. Правда, Столяров едва успевал следить за молниеносной каруселью самолетов. Как-то неожиданно два фашистских истребителя резко развернулись и пошли к Соболеву, один заходил в хвост, другой намеревался атаковать сбоку. Соболев пошел на бокового противника, а Столяров бросился на заходившего в хвост. Фашист резким переворотом через крыло ушел вниз, а в хвост самолета Столярова моментально зашел другой вражеский истребитель.

— Столяров, крутани «бочку», левую «бочку!» — слышал молодой летчик в наушниках голос Сибирина. Не понимая зачем это, Столяров дал рули на «бочку». Выйдя из фигуры, он перед носом своей машины увидел фашистский самолет, который только что гнался за ним. Очередь — и вражеский истребитель, охваченный пламенем, полетел вниз.

— Молодец, Столяров, дал ему прикурить! — крикнул по радио Сибирин.

Бой длился всего каких-нибудь шесть-восемь минут. Столяров не успел увидеть, как ловко сбил одного «мес-

сера» Сибирин, а другого — Пинчук. Не заметил молодой летчик и того, с каким риском для своей жизни защищал его от атак врага заместитель командира эскадрильи Владимир Запаскин.

На аэродроме капитан Сибирин собрал летчиков. Довольный результатами схватки, он неторопливо говорил:

— Пинчук атаковал правильно, неожиданно и решительно, а вот Лобашов увлекся. Ему нужно было прикрывать Пинчука, а он оторвался. Это могло дорого стоить. Нужно всегда помнить суворовское правило: «Сам погибай, а товарища выручай».

Обращаясь к Столярову, командир сказал:

— Для второго боевого вылета дрался хорошо, только горячился зря.

Прошло десять дней, насыщенных жаркими схватками. Шестерка капитана Сибирина сбила четырнадцать немецких самолетов, не потеряв ни одного своего. За боевые заслуги, смелость, отвагу и умелые действия, проявленные в этих боях, все летчики эскадрильи были награждены орденами.

Летом 1943 года на аэродроме, где базировалась эскадрилья капитана Сибирина, находились и самолеты эскадрильи «Нормандия». Французские летчики прибыли из Алжира в Советский Союз и теперь самоотверженно сражались против поработителей своей родины.

...Сорок немецких бомбардировщиков под охраной истребителей спешили к переднему краю. Перехватить бомбардировщиков на подходе к полю боя, разбить их строй, отогнать, уничтожая разрозненные самолеты, — такова была задача группы наших самолетов, возглавляемой гвардии капитаном Сибириным.

— «Юнкерсов» атакуем в лоб. Внимание, я атакую первым, — радирует капитан и начинает двенадцатый в тот день воздушный бой.

Ведя пушечно-пулеметный огонь, группа пронизывает строй бомбардировщиков. Гитлеровцы теряют боевой порядок и огневое взаимодействие. Сделав большой разворот, самолеты Сибирина разворачиваются для новой атаки, но восемь фашистских истребителей, прикрывавших «юнкерсы», преграждают им путь.

Сибирин быстро оценил обстановку, принял решение и мгновенно осуществил его. Увлекая за собой всю группу, он с разгона нырнул под «фокке-вульфы» и высо-

чил с противоположной стороны. Пока озадаченные немецкие истребители укладывали машины в крен, чтобы определить, куда делся противник, Сибирин вывел свою группу для атаки бомбардировщиков с принижением. Вывел и дал из пушек порцию бронебойных и зажигательных снарядов, а потом, сделав молниеносный переворот, ушел в сторону, чтобы набрать высоту для новой атаки. Два «юнкерса» пошли к земле, оставляя за собой черный след дыма.

В последующих атаках в машине капитана Сибирина был пробит бензиновый бак в левой плоскости. Оставшегося бензина могло хватить только на то, чтобы вернуться на свой аэродром. Сибирин повернул к дому.

В этом же бою участвовали летчики эскадрильи «Нормандия». В момент, когда самолеты Сибирина атаковали первые три группы вражеских бомбардировщиков, старший лейтенант Дидье Бегер и его ведомые Метис и Лярже обрушились на четвертую группу. Атака была проведена с таким напором, что строй немецких бомбардировщиков рассыпался, как картонный домик. Французские летчики сбили три и подбили два фашистских самолета.

В азарте боя Лярже погнался за недобитым «юнкерсом», настиг его и поджег. Но Лярже совершил ошибку, оторвавшись от своих. Два фашистских истребителя напали на его самолет и подожгли. Летчик был ранен. Отважный пилот нашел в себе силы выпрыгнуть из самолета на парашюте. Когда раненый летчик повис на шелковом куполе парашюта, к нему ринулись оба фашиста. Они убили бы его, если бы на помощь не подоспел Сибирин.

Увидя двух стервятников, кружившихся возле француза, Сибирин изменил курс своего самолета и кинулся на врагов. Он знал, что, израсходовав горючее, уже не сможет долететь до своего аэродрома, тем не менее не колебался ни минуты. Сибирин поджег один фашистский истребитель, а второго увлек на высоту, чем дал возможность Лярже благополучно приземлиться на своей территории.

Это дорого стоило Сибирину. Горючее иссякло, да и у самого не было ни сил, ни средств, чтобы вести бой. Но он бросился в новую атаку, скорей демонстративную, чем действительную. Сила его боевой ярости была так

велика, что враг, который теперь мог бы легко его сбить, повернул вспять и бежал.

Сибирин выиграл бой, спас товарища, сбил вражеский самолет. Надо было немедленно садиться. Но враг мог заметить его посадку, его неспособность сражаться и, вернувшись, расстрелять на земле. Надо было продержаться еще несколько минут, и это были самые трудные минуты. Потом, когда вражеский истребитель скрылся, Сибирин, не выпуская шасси, сел на «живот» самолета с остановившимся мотором.

...Экипажи, вернувшиеся с задания, ужинали в столовой. Отсутствовали Сибирин и Лярже. Поэтому не было в этот час обычного оживления ни за столами французских летчиков, ни за столами их боевых друзей-гвардейцев.

К концу ужина в столовую вбежал кто-то из техников и громко крикнул:

— Идут! Наши идут!

Все выбежали из столовой.

По летному полю Сибирин вел Лярже бледного, с перевязанной рукой. На бинтах выступали красные пятна крови. У обоих были счастливые улыбки. Летчиков подхватили и понесли на руках.

...1 июня 1944 года Сибирин вернулся из разведки и, посадив машину, начал рулить к стоянке. Там почему-то толпились люди. По мере того как капитан приближался к стоянке, он узнавал среди собравшихся своих боевых друзей: Запаскина, Ляпунова, Пинчука и других. Лица у них были веселые, радостные.

Друзья не дали Сибирину спуститься с самолета на землю. Его подхватили на руки и начали качать.

— Стойте!.. В чем дело? — спрашивал он.

Наконец его поставили на ноги.

— Поздравляем с присвоением звания Героя Советского Союза! — хором кричали товарищи.

Взволнованный и растроганный Сибирин сказал:

— Спасибо вам... за поздравление спасибо, за все... Это вы помогли мне воевать как следует, бить врага по-русски, по-гвардейски. В моем награждении есть ваша великая заслуга... Без вас я ничего бы не достиг...

Прошло четыре суровых военных года. Начав войну младшим лейтенантом, Семен Алексеевич Сибирин закончил ее гвардии майором, командиром прославленно-

го в боях гвардейского истребительного авиационного Витебского дважды Краснознаменного ордена Суворова полка.

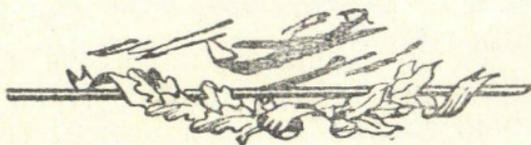
После войны Герой Советского Союза Семен Алексеевич Сибирин своим трудом содействовал замечательным достижениям могучей советской авиации.

Осуществилась мечта Сибирина, его послали на учебу. Учился он отлично. С жадностью впитывал в себя все новое.

«Занимаюсь очень много, — писал он друзьям, — настоятельно советую и вам учиться серьезно и настойчиво. Техника так быстро и неуклонно развивается, что если не учиться, то можно очень скоро отстать от жизни. А для нас с вами отстать — это, пожалуй, самое страшное в нашем деле. Нельзя быть отстающим. Этого Родина, наш народ нам не простит и не позволит».

Получив новые знания, Семен Алексеевич весь отдался любимому делу, но работать ему пришлось недолго. 6 мая 1949 года Сибирин трагически погиб при исполнении служебных обязанностей.

Боевые подвиги С. А. Сибирина — яркий пример воинской доблести верных защитников нашей великой матери-Родины.

Павел Иванович Копылов

А. ЗИМИН

ДО ПОСЛЕДНЕГО СНАРЯДА

Танкисту Павлу Копылову пришлось испытать немало. Дважды он был ранен. Прошел нелегкий боевой путь, удостоился Золотой Звезды героя. В боях всякое бывало. Порой, как казалось со стороны, везло. Но еще великий Суворов говорил: «Раз повезло, другой раз, но помилуй бог,—надобно и умение!». Мудрость этого правила Павел Копылов никогда не забывал. Он учился искусству воевать в первых тяжелых боях незабываемого июня 1941 года, в классах, на танкодромах, полигонах, на плацу военного училища, куда направило командование совсем еще молодого сержанта после боевого крещения.

В Копылове с самого начала ратного пути проявилось одно из основных качеств, делающих советского

воина непобедимым. Имя ему — стойкость. Источником ее является верность долгу перед народом, сыновняя преданность партии, в ряды которой Копылов вступил на фронте, оставив политруку за несколько минут до боя заявление с просьбой считать его коммунистом.

★ ★ ★

...Закончен краткосрочный курс обучения в военном училище. Младший лейтенант Павел Копылов принимает в полку танковый взвод и отправляется на фронт. Полк вошел в состав конно-механизированной группы генерала Плиева. Слава о ней гремела по всем фронтам. Лихие танкисты и конники входили в прорывы, расширяли их, действовали в тылу у противника, внезапно появлялись там, где он меньше всего их ожидал, наносили дерзкие удары по важным опорным пунктам и узлам сопротивления отступающих фашистских войск. Танкисты и конники перехватывали коммуникации гитлеровцев, поднимали на воздух склады боеприпасов и продовольствия. Павел Копылов и его боевые товарищи участвовали во многих таких походах.

Время стирает в памяти детали сложной обстановки, в которой приходилось выполнять боевые задания. Но никогда не забудутся верные, смелые товарищи по оружию, особенно члены экипажа — механик-водитель Венчиков, командир орудия Комидионков, заряжающий Кашин. На них можно было смело положиться в бою, они никогда не подводили командира. Спаянный крепкой войсковой дружбой экипаж и взвод Копылова заботился о высокой огневой мощи техники, о том, чтобы в бою выжать из нее все, что она может дать. Воины всегда были готовы к тому, чтобы безупречно выполнить боевое задание.

...В районе одного населенного пункта сосредоточилось до шестидесяти танков противника. Обошедшие этот укрепленный узел, наши подразделения были отрезаны фашистскими танками и оказались в тяжелом положении. Взвод Копылова получил задачу: провести разведку боем, выяснить расположение огневых средств врага.

Глубокой ночью взвод прошел через болота, стараясь держаться в стороне от пристрелянной дороги. Вы-

бравшись на твердый грунт, танки сделали по одному выстрелу и, круто развернувшись вправо, устремились в ложину. Противник открыл артиллерийский огонь. Наблюдением Копылов установил, что стреляли две батареи. В течение часа взвод, меняя позиции, обстреливал подступы к населенному пункту, засекая по ответному огню расположение фашистской артиллерии и танков. Одним из залпов «тридцатьчетверки» подожгли склад боеприпасов.

Взвод без потерь вернулся на исходные позиции. А рано утром он, действуя в составе группы в двадцать пять машин, после артиллерийской подготовки пошел в атаку и вместе с десантниками-пехотинцами отбил у противника хутор, расчистил путь для движения наших подразделений вперед. В бою было уничтожено несколько десятков гитлеровцев и взят в плен офицер.

Не в одной атаке после этого боя участвовал взвод Копылова. И неизменно танкисты, следуя примеру командира, проявляли мужество, упорство и воинское мастерство.

Но самый тяжелый и потому памятный бой, в котором довелось участвовать танкистам Копылова, произошел под стенами одного венгерского города. Сам Копылов помнит этот бой не до конца, а до того момента, когда осколком снаряда был ранен, потерял сознание. Танкисты завершили неравный поединок с врагом уже без командира.

Дело было так.

На стыке между двумя нашими батальонами создалось угрожающее положение. Трех экипажам танков и одному экипажу самоходного орудия командование приказало выдвинуться вперед и закрыть брешь, прикрыть фланги батальонов, не дать танкам врага просочиться в наш тыл.

Уже на подступах к указанному рубежу танки и самоходка попали под ураганный огонь. Один танк был подбит. Копылов с двумя танками и самоходкой продолжал двигаться вперед и занял позицию на опушке молодого леса.

Из-за укрытия командир вел наблюдение, обнаружил на чердаке одного из домов вражеский наблюдательный пункт и уничтожил его огнем из пушки.

Тем временем обстановка складывалась не в пользу

наших танкистов. Двенадцать фашистских самолетов с бреющего полета обрабатывали позиции наших подразделений. Воздушная атака сопровождалась интенсивным артиллерийским огнем. Кругом все пылало. Две наши батареи, стоявшие справа от танков Копылова, оставшись без снарядов, снялись с позиций и начали отходить. Горела самоходка, вышел из строя второй танк, повредилась гусеница командирской машины.

В эти минуты до батальона немецких танков с пехотой предприняли атаку. Рация Копылова вышла из строя, он не знал положения соседей.

Один танк против батальона! Копылов и все воины его экипажа хорошо понимали, что выйти живыми из такого боя трудно. Но высшей волей для них была воля Родины, приказ командира. А приказ гласил: остановить врага, не дать ему проникнуть в боевые порядки наших подразделений. Это была боевая задача взвода. Теперь она стала боевой задачей одного экипажа. Выполнить ее надо было во что бы то ни стало и любой ценой, если понадобится, то ценой своей жизни. Так думали и так решили поступить советские воины. Танк не мог двигаться. Но можно стрелять по врагу с места. И экипаж Копылова обрушил свой огонь на наступающих. Были подбиты сначала один, а потом еще два фашистских танка. В упор стреляли по немецкой пехоте. Заботились об одном, чтобы каждый снаряд, каждая пуля попали в цель, чтобы нанести врагу наибольший ущерб.

В кипении боя, в критические его моменты, люди теряют счет времени. Сколько длилось единоборство с врагом, воины экипажа, вставшие насмерть, не ощущали. Когда снаряды были уже на исходе, Копылову сильно обожгло переносицу. Закружилась голова, потемнело в глазах. В эти секунды он уже не видел, как лавина наших танков надвинулась на врага и смяла его.

...Очнулся лейтенант в палатке санитарного батальона. У его изголовья стоял командир дивизии. Генерал сердечно пожал руку Копылова и сказал:

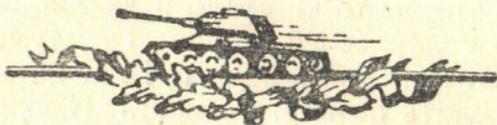
— Спасибо, герой!

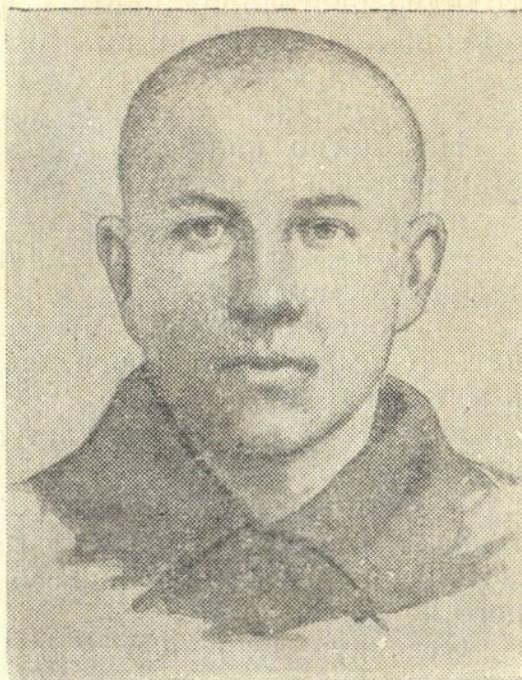
Через месяц лейтенанта Павла Копылова вызвали в штаб фронта. Начальник штаба по поручению Президиума Верховного Совета СССР вручил офицеру орден Ленина, Золотую Звезду и грамоту Героя Советского Союза.

В июне радостного 1945 года старший лейтенант Павел Копылов участвовал в параде Победы на Красной площади в Москве. Он шел в колонне Героев Советского Союза — лучших сынов нашей Родины.

С тех пор прошло уже пятнадцать лет. Старший инспектор Абдулинского филиала Куйбышевского дорожного отдела рабочего снабжения Павел Иванович Копылов все эти годы посвятил сугубо мирному делу. С утра до вечера он в движении, в хлопотах о том, чтобы магазины, столовые, пекарни работали лучше, чтобы железнодорожники были довольны торговым обслуживанием.

И на этом скромном посту Павел Копылов чувствует себя солдатом партии, для которого выполнение долга перед народом превыше всего.

Николай Герасимович Ежов

И БЫСТРАЯ СЕРДЦЕ ГЕРОЯ

Если отойти от Кувандыкского криолитового завода с километр и подняться на пригорок, то взору откроется живописная картина. Темно-зеленые заросли берегов Сакмары чередуются со светлой зеленью волнообразных холмов, врезающихся в голубое небо. Вдали за гущей осокорей видны белые домики поселка Рамазан. Обрамленная сочными травами проселочная дорога теряется за холмами.

Двадцать два года тому назад по этой дороге шли трое: две девочки и паренек, лет по пятнадцати.

— Как хорошо, что мы все экзамены сдали,— сказала ясноглазая с пушистой русой косой девочка.

— Да, Нюся, за плечами теперь у нас семилетка,—

солидно проговорил паренек и продекламировал: — отходили мои ноженьки по этой длинной дороженьке...

— Коля, ты работать будешь?

— Учеником электрика хочу устроиться.

Незаметно подошли они к ложине, где росли три старые высокие ветлы. Под ними лежала густая тень.

— Лена, смотри, наше место! — обрадовалась Нюся.

— Три километра прошли. Отдохнем? — вопросительно посмотрела на друзей Лена Сидорова.

— Конечно. Колька, мы спать будем, а ты карауль нас, — скомандовала Нюся Кожаева и первой бросилась в мягкую траву.

И Коля сидит... Наломает прутиков, обстрогает их и неторопливо помахивает то одним, то другим. Потом цветов нарвет и складывает желтые лютики и полевые тюльпаны в букет, головка к головке. От запахов родной земли, от свежих красок весеннего полдня радостно у него на душе, легко...

Отдохнув, девочки просят почитать что-нибудь из его тетради. Он вынимает из портфеля тетрадь в коричневом клеенчатом переплете и читает стихи, а девочки слушают.

Как-то, когда подруги были одни, Лена спросила Нюсю:

— Почему, когда Коля читает из своей тетради, он становится красивей и веснушки на носу незаметны?

— А ты заметила, — не отвечая на вопрос подруги, сказала Нюся, — что лицо у него будто смеется. Бывает, рот закрыт, а кажется, что он смеется.

— Это от глаз, — задумчиво произнесла Лена. — Как посмотришь в его серые глаза, так и кажется, что он что-то про тебя знает, сказать не хочет, а сам себе усмеяется.

— Он ведь такой. Зря не оборвет. Знаешь его любимую присказку?

— Сначала нужно подумать, а потом сказать! — ответила Лена.

Небольшого роста, всегда спокойный, Коля Ежов был незаметным в классе. Дружил он больше с девочками. Учителя всегда ставили его в пример.

Родители Коли — Герасим Николаевич и Екатерина Петровна года два как переехали из Чебеньковского

совхоза в Рамазан на строительство водонасосной станции. Отец работал возчиком, старшая сестра Анна — мотористкой.

После окончания семилетки прошел год. Коля был разнорабочим на станции. Однажды летним вечером собралась молодежь на танцы. Смех. Шум. Вынесли на зеленую лужайку стулья, скамейки. Разместились музыканты: сестры-гитаристки Вера и Шура Беликовы, Вася Синдецкий с мандолиной, а его сестра Аня с балалайкой. Был здесь и Николай. Танцевали вальс, польку, а как начали «Коробочку», он сказал Ане Синдецкой:

— Дай, Аннушка, мне балалайку, сменю тебя. Иди потанцуй свою любимую. Когда уеду, сменщика у тебя не будет.

— Куда уедешь? — заинтересовались все.

— Да вот Павлик Карпов сманивает меня в Аккермановку. Там строится известководробильная фабрика. Электрики требуются. Его переводят. Он говорит, что и меня оформят электриком второго разряда.

Очень не хотелось Екатерине Петровне отпускать Николая за сто километров от дома, но он настоял на своем: «Что ж, век возле вас, мама, буду? Нравится мне эта специальность. Поеду».

«В октябре 1939 года проводили мы Николая в Аккермановку, — вспоминает его сестра Анна Герасимовна. — Была я раз у него. Приехала, а он на работе. Хоть и обрадовался мне, а виду не подает. Говорит: «Хочешь, иди куда, хочешь, обожди меня в общежитии». Прихожу в общежитие. Чистенько. Койки застланы. Поставила я в тумбочку возле его кровати баночку с маслом, положила узелок с яйцами. Села и жду. Приходит. Как глянула на него — подрост, загорел, вроде и не похудел, — а жаль, что не дома живет... Приехала домой и все рассказала матери, как он там один живет. В январе 1941 года их с Павлом перевели в Медногорск. Все же поближе к родному дому. В выходной приезжал домой».

16 июня 1941 года комсомольца Николая Ежова призывали в Красную Армию.

* * *

Над поселком Рамазан стоит тишина раннего утра. Едва колышутся верхушки стройных осокорей. Мирно

плещется голубая Сакмара. Высокие холмы, как воины в защитной одежде, охраняют покой поселка.

В свежесвыбеленном доме под горой светлоглазая женщина хозяйничает у чайного стола. На льняной скатерти, расшитой васильками, стопочкой сложены пожелтевшие от времени, исписанные размашистым почерком листки.

— Долго я их хранила... И дождалась такого дня, когда не только мне понадобились письма Николая,— говорит Анна Герасимовна Ежова. Пять лет назад она схоронила мать и теперь живет одна.

Четыре года, месяц за месяцем, шли письма от одного любящего сердца к другим, в скупых словах неся величие русского человека. Семьдесят восемь писем... Семьдесят восемь раз Николай Ежов в минуты затишья у костра или в землянке, а порой и под гул боя брал в руки карандаш и писал родным. Все его письма согреты нежной любовью к матери, заботой о родных и близких. О себе писал скупой: «Живем хорошо и ожидаем лучшего». Из писем видно, как рос, формировался, мужал этот человек, стойко преодолевая фронтовые трудности.

Вот письма, посланные в первые месяцы войны. В то время Николай учился. «Учеба проходит хорошо,— писал он,— отметки хорошие. Буду быстрее осваивать технику, чтобы скорее пойти на фронт уничтожать германские самолеты».

Трудный боевой путь прошел командир зенитного орудия сержант Николай Ежов. Из Киева через Харьков к Сталинграду отступала его часть, чтобы, немного отдохнув в Перми, двинуться в наступление через Прибалтику в Восточную Пруссию.

За 1942 год сохранилось шестнадцать писем. В каждом письме — забота о матери: «Как она себя чувствует? Хотя бы фотокарточку прислала!». Мать для него была самым дорогим, самым близким человеком. У нее была большая душа и доброе сердце. Жизнелюбивая, веселая, она для каждого находила ласковые слова, любила помочь в беде. Глядя на мать, помня ее доброту, слушая ее спокойную речь, замечая справедливые поступки, Николай и сам становился таким.

Николай уже участвовал в боях с фашистами, но сообщает об этом он скупой. В письме к Васе Васильеву он пишет:

«Ты спрашиваешь, на каком направлении я участвую. Я этого тебе сообщить не могу. Мы воюем только в воздухе, т. е. с воздушными стервятниками, охраняем военные объекты от налетов врага. Будешь на фронте, тогда узнаешь».

Мысль о победе над врагом никогда не покидала Николая. «Ждите меня с победой к Первому мая 1943 года...» — писал он в одном из писем.

За 1943 год — четырнадцать писем. В январе — открытка из Кунгура, Пермской области. Писал из госпиталя, где лежал после ранения. А в феврале — две открытки из Перми: «Жив, здоров. Нахожусь на отдыхе. От своих ребят отстал. Но и здешние — все свои». После этого стали приходиться с фронта вести, написанные на стандартных листах. 3 сентября он сообщает: «Гоним немца. Жители радостно встречают нас. Со слезами на глазах они рассказывают нам о том, как немцы издевались над ними, о том, что многих угнали в германскую каторгу».

Больше всего писем сохранилось за 1944 год. Есть письма с изображением солдат и с такими надписями: «Ну, как же не гордиться: два выстрела — два фрица» или «Если ты по-русски скроен, и один на поле воин». Писал их боец, умудренный опытом войны, смело смотрящий опасности в глаза и твердо верящий в победу своего народа.

«Я стал другой, — пишет Николай в одном из писем. — Хотя друзья и говорят, что я выгляжу двадцатилетним, но я чувствую, что сильно изменился. Пройти за три года боевой путь, пережить трудности, которые встречаются на войне, — это может изменить человека. Но ничего, мы духом не падаем, били и будем бить проклятых фашистов».

В другом письме Николай пишет родителям:

«Я был во многом виноват перед вами, когда ленился учиться. Но ничего, живы будем, тогда будет видно, что делать, а сейчас — крепче бить немцев и скорее вернуться к вам. Будьте здоровы, живите богато, а мы будем гнать немцев из дома, из хаты».

1945 год... Семь писем. Все они короткие и неизменно заканчиваются словами: «Писать некогда! Вперед». В одном письме он сообщает, что находится «там, куда стремится каждый русский солдат, — в логове врага».

Дисциплинированным, способным быстро и четко вы-

полнять задания командования, любознательным и терпеливым знали друзья-однополчане Николая Ежова.

Заместитель командира полка по политической части капитан Мелкидзе говорил о сержанте Ежове так:

«В коммунисте Ежове соединилось все лучшее, что может украшать героя-большевика. Скромность и доблесть. Отчетливое сознание целей, за которые мы боремся, и презрение к смерти. Высшая дисциплинированность и преданнейшая любовь к своему оружию. Он был энтузиастом артиллерийского дела, ибо видел в нем могучее средство для сокрушения врага. Он преодолевал любые трудности и опасности, потому что дорожке жизни ему была честь знамени Красной Армии, слава русского оружия».

Парторг полка капитан Киреев вспоминал о сержанте Ежове, как о воине-большевике:

«Его дела — самые яркие страницы боевой истории подразделения. Нужно, чтобы каждый молодой артиллерист знал про жизнь и подвиги Ежова и черпал в них воодушевляющие примеры».

Старший лейтенант Еремин считал Ежова отличным организатором и воспитателем молодых бойцов:

«Ежов постоянно учился сам и настойчиво учил своих подчиненных и товарищей. Его требовательность равнялась его чуткости».

О подвигах сержанта Ежова писали военные газеты. 14 июля 1945 года красноармейская газета «Во славу Родины» посвятила ему всю первую полосу. Из нее мы узнали о славной смерти Николая. Вот строки из очерка «Бессмертный подвиг Николая Ежова»:

«Март 1945 года. В Восточной Пруссии бушуют ветры, налетающие с моря, мокрый снег садится на стволы орудий, но темные пятна сразу же высыхают на горячем металле. Орудия без устали бьют по врагу, прижатому к морю.

Сержант Ежов, коммунист, командир орудия, на посту. Фашисты контратакуют, у них еще много воюющей погани, много пушек, минометов и тяжелых пулеметов. Немецкие офицеры подгоняют солдат мордобоем и свирепыми окриками, ярится вражеская артиллерия, неумолчно стучат пулеметы. Только одно орудие Ежова ведет огонь прямой наводкой. На своих местах наводчик Малыш, заряжающий Брейве, замковой Чумаков. Младший

сержант Шпынов обеспечивает связь. Ежов командует огнем. Отбита первая контратака, но гитлеровцы уже идут в новую. Маленькая пушечка Ежова непрерывно сотрясается, выбрасывая снаряд за снарядом. Отбита вторая контратака. У Ежова кончились осколочные снаряды, он пускает в ход бронебойные. Но теперь противник сосредоточил огонь своих минометов и пушек по орудию Ежова. Ездовой Раушкин привез снаряды. Ежов кидается к нему... но нельзя помочь ездовому сложить драгоценный груз. Немцы начали третью контратаку. Их огонь становится ураганным. Выдержишь ли это напряжение, Ежов? Не надломятся ли твои силы?

И третью, и четвертую, и пятую контратаки отразили герои артиллеристы. Их силы не надломились, не иссякла их могучая воля к победе. Накалился ствол орудия. Враг ползал в собственной крови, надорвавшись в отчаянных, но бесплодных атаках, а советские воины ни шагу не сделали от своего орудия. Во время пятой контратаки упал сраженный командир орудия. Осколки вражеских снарядов пробили его тело».

Позже, после боя сержант Андрей Тетюев писал родителям героя:

«Когда ваш любимый сын и наш верный друг уходил от нас, он сказал: «Видимо, я отвоевал...» и тут же умер на коленях товарища... Наш верный товарищ не боялся смерти и смотрел ей прямо в глаза. Он знал, что его стойкостью и героизмом будет спасена жизнь нашего народа. Он всегда говорил: «Если я погибну, то только за счастье русского народа».

Вечером пленные фашисты на допросе сообщили, что в пяти контратаках погибли полторы роты немецкой пехоты, учебная рота, доставленная из тыла, десятки офицеров и среди них командир батальона.

Немецкие подразделения начали поспешно отходить. Это было 1 марта 1945 года.

29 июня 1945 года сержанту Ежову Николаю Герасимовичу посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. До этого за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками он был награжден орденами Красной Звезды и Славы III степени, двумя медалями «За боевые заслуги».

Сообщение о том, что прославленному воину присвое-

но звание Героя Советского Союза, мигом облетело артиллерийский полк. Бойцы и офицеры, собравшись на митинг, приняли письмо-обращение к матери героя:

«Дорогая Екатерина Петровна! С глубоким волнением пишем мы это письмо. Советский народ, наше правительство увенчали подвиг Вашего сына высокой наградой. С чувством величайшего уважения и сыновней любви произносят бойцы и офицеры Ваше имя, Екатерина Петровна, — имя матери, вырастившей героя! Вы воспитали в Николае великолепные качества русского воина — ясный ум, стойкий характер, терпение, вдохнули в его душу русское бесстрашие, дали ему горячее сердце патриота. Честь и слава Вам, дорогая Екатерина Петровна, за эту материнскую доблесть!

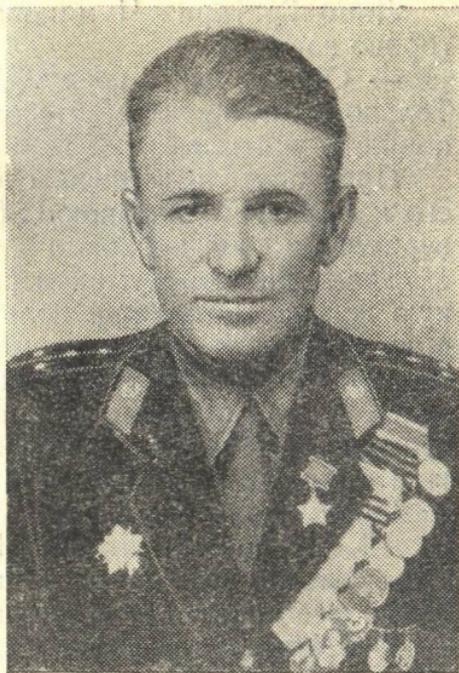
Николая нет среди нас. Но его светлый образ, его прекрасный пример беззаветного служения Родине живут в боевых делах каждого бойца и офицера нашей части. Его имя отныне и навсегда войдет в историю Великой Отечественной войны и будет прославлено в веках, записано на скрижалях бессмертия».

* * *

В Польской Народной Республике на кладбище Бранево, Олыштынского воеводства, покоятся останки Героя Советского Союза Николая Герасимовича Ежова. Рядом — могилы многих тысяч советских воинов, павших смертью храбрых в боях с гитлеровскими захватчиками. Над могильными холмами возвышается мраморный обелиск, возле которого в светильниках горит вечный огонь.

Мысленно приблизьтесь к обелиску, прислушайтесь... и вы услышите, как бьется сердце героя... Оно живет! Жизнь эта — в стуке колес поездов, везущих хлеб, машины, ткани, детские игрушки, в рокоте моторов, в шуме белокрылых самолетов, в плеске волн — везде, где кипит наш радостный, творческий труд, во всей нашей советской действительности.

Григорий Тимофеевич Чумаков

А. ЕЛИСЕЕВ

ПРИМЕР СТОЙКОСТИ И БЕССТРАШИЯ

Весной 1929 года мимо села Черкассы проехал первый трактор. Это событие взволновало всех сельчан.

— Вот так конь! — удивлялся невысокий сухощавый паренек с карими глазами.

— Что, Гриша, хороша машина? — спросил подошедший к пареньку председатель только что организованного колхоза.

— Научиться бы управлять такой, — мечтательно ответил юноша.

— Это можно, — ответил председатель, — было бы желание учиться. Из района пришла разрядка послать двух молодых колхозников на курсы трактористов. Ведь скоро и мы получим таких «стальных коней». Поедешь?

Лицо Григория Чумакова вспыхнуло от радости. Он горячо заговорил:

— Обязательно поеду. День и ночь буду учиться. Только вы не передумайте насчет меня. Дайте слово, что пошлете учиться.

Председатель колхоза сдержал свое слово. Сдержал его и Григорий Чумаков. С отличием закончив курсы, он вернулся в свой колхоз.

Трактористом Чумаков работал до призыва в Красную Армию. Отслужив положенный срок, он вернулся в родное село. К этому времени в колхозе было уже несколько тракторов. Решили организовать бригаду. Во главе ее был поставлен демобилизованный воин. Первый тракторист села Григорий Тимофеевич Чумаков стал первым бригадиром тракторной бригады.

Прошло несколько лет.

...В тот памятный день Чумаков приехал на полевой стан раньше, чем всегда. Лицо бригадира было мрачным. Когда все трактористы собрались, он сказал:

— На рассвете фашистская Германия без объявления войны вероломно напала на нашу Родину. Бомбили мирные советские города. Каждому теперь надо работать за двоих, за троих. Я завтра еду в военкомат. Мое место там, на фронте.

Войну Чумаков начал рядовым бойцом. Но вскоре за умелые боевые действия, находчивость, смекалку и мужество ему было присвоено офицерское звание.

...Стрелковый взвод Чумакова, сдерживая батальон фашистов, занимал оборону на высоте, заросшей высоким густым кустарником. Гитлеровцы открыли по высоте интенсивный артиллерийский огонь, а затем бросили в наступление роту автоматчиков. Враги считали, что артиллерийский обстрел уничтожил на высоте все живое. Но они ошиблись.

— Без команды не стрелять, — приказал бойцам Чумаков.

Фашистские солдаты в расстегнутых кителях, с засученными рукавами, многие без головных уборов, дико крича, бежали к высоте, стреляя из автоматов. Когда первая цепь приблизилась к кустарнику, Чумаков командовал:

— По фашистам, огонь!

Дружно раздались винтовочные залпы, очереди станкового и ручного пулеметов. Не ожидавшие такого отпо-

ра, фашисты заметались и бросились вспять, оставив на поле боя десятки трупов.

Вскоре гитлеровцы начали новую атаку. Но теперь они не шли напролом, а, беспрерывно стреляя, продвигались ползком и перебежками. Советские воины снова подпустили их на близкое расстояние и стреляли в упор. Чумаков, взяв ручной пулемет, появлялся с ним в самых опасных местах боя. И вновь враг откатился на исходные позиции, оставив на поле боя новые десятки трупов. Наступило затишье.

У защитников высоты боеприпасы были на исходе. Чумаков организовал сбор оружия убитых фашистов. Огневая мощь взвода несколько возросла.

Снова заговорили вражеские орудия. На высоту вторично обрушился огненный шквал. Под прикрытием его к ней двинулись цепи наступающих. Перевес был явно на стороне врага. Поредевший взвод, отбиваясь последними гранатами, готовился к рукопашной схватке... И именно в этот момент могучее русское «ура» раздалось на поле боя. Это советское подразделение, зайдя в тыл врага, обрушилось на наступающих. С возгласом «Вперед! За Родину!» повел Чумаков свой взвод в атаку.

За стойкость и мужество, проявленные в этом бою, воины взвода во главе со своим командиром были награждены орденами.

...На рассвете 18 июня 1944 года командир стрелковой роты капитан Чумаков получил приказ: овладеть небольшой, но важной в тактическом отношении железнодорожной станцией и удерживать ее до подхода главных сил. Через несколько минут рота, разместившись на десяти тяжелых танках, двинулась вперед. Внезапным ударом воины прорвали оборону гитлеровцев и ворвались на железнодорожную станцию.

Бой за нее был короткий, но жаркий. Когда рота овладела вокзалом, Чумаков оставил группу десантников-автоматчиков добивать фашистов, засевших в пакгаузах. Сам же он с остальными бойцами роты на танках двинулся в пристанционный поселок, чтобы уничтожить расположенные там огневые точки врага. Чумаков находился на головном танке. На дороге возле него разорвалась тяжелая мина. Взрывная волна сбросила офицера на землю, а танк, не останавливаясь, ушел вперед. Очутившись в воронке от артиллерийского снаряда, Чумаков осмотрелся. Бой за станцию затихал. Она была

уже почти вся в руках советских воинов. Капитан перевел взгляд и неожиданно застыл. Низко пригнувшись к земле, прямо на него по неглубокому извилистому оврагу бежала группа гитлеровцев. Она спешила контратаковать наше подразделение.

Плотно прижавшись к земле, Чумаков замер. «Сколько их? — думал он. — Сорок... пятьдесят или все семьдесят». Фашисты быстро приближались. Впереди длинной цепочки бежал здоровенный рыжий унтер. Он был уже метрах в десяти от воронки, когда Чумаков дал длинную очередь из автомата. Унтер повалился наземь, послышались стоны и вопли раненых. Не ожидавшие засады фашисты залегли и открыли огонь. Над головой Чумакова пронзительно засвистели пули.

— Рус, сдавайс! — крикнул на ломаном русском языке гортанный голос.

Чумаков сменил диск автомата.

После небольшой паузы прозвучала команда и фашисты вскочили. Капитан непрерывной очередью разрядил второй диск, прижав атакующих к земле. Ответных выстрелов не последовало. «Окружают», — подумал капитан и, зарядив автомат последним диском, стал короткими очередями бить по ползущим гитлеровцам.

Патроны кончились. Кольцо фашистов сжималось. Один из них вскочил с земли и бросился к воронке. Чумаков швырнул ему в ноги гранату...

В разгар этого боя к воронке подошел наш танк, возвращавшийся к вокзалу. Вокруг воронки танкисты насчитали более двадцати вражеских трупов. А на самом дне воронки, свернувшись ничком, недвижно лежал тяжело раненый Чумаков. В больших, привычных к работе руках его были крепко зажаты две горсти земли. Той самой родной земли, которую он так горячо любил и защищал до последней возможности.

Обо всем этом Чумаков узнал уже в палате госпиталя. Несколько позднее стало известно, что за образцовое выполнение задания командования и проявленное при этом мужество и геройство ему присвоено звание Героя Советского Союза, а весь личный состав роты награжден боевыми орденами и медалями.

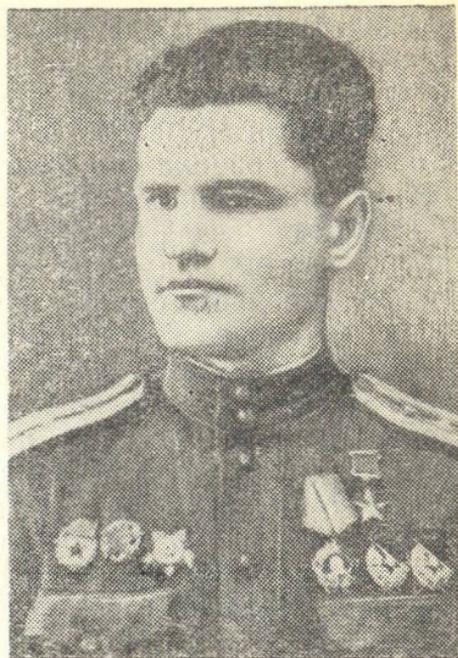
Быстро заживали раны. Пришел день, и поезд помчал офицера на запад через освобожденные города и села вслед за ушедшей вперед ротой. Уже на немецкой земле догнал Чумаков своих однополчан.

...Отгремели последние залпы. Над гитлеровским рейхстагом взвилось наше алое знамя — знамя Победы. Но по домам сразу ехать не пришлось. Часть, в которой служил капитан Чумаков, была переброшена на Дальний Восток. Закончила она свой победный путь в городе славы русских военных моряков — Порт-Артуре.

Золотая Звезда Героя Советского Союза и восемь других боевых наград — так отметила Родина ратные подвиги своего верного сына — коммуниста Григория Тимофеевича Чумакова.

Демобилизовавшись из армии, Чумаков вернулся в село Черкассы. Земляки избрали его председателем колхоза. На этом посту он проработал более десяти лет. В начале 1954 года трудящиеся Саракташского избирательного округа оказали Г. Т. Чумакову высокое доверие, послав его своим депутатом в Верховный Совет СССР. Сейчас Григорий Тимофеевич Чумаков работает председателем Черкасского сельского Совета депутатов трудящихся.

Георгий Степанович Стародубцев

А. ОЛЕЙНИК

ПОДВИГИ ШТУРМОВИКА

— **М**еня с детства привлекала авиация,— вспоминает Георгий Степанович Стародубцев.— Завидовал я летчикам... Очень хотелось быстрее вырасти и пойти учиться на пилота. Когда учился в ФЗУ, все делал, чтобы побольше накопить технических знаний, считал, что пригодятся они потом в авиации...

В сентябре 1940 года комсомольца Стародубцева, слесаря паровозоремонтного завода, приняли в Оренбургский аэроклуб. Любознательный и настойчивый в учебе, Георгий старался изучить самолет досконально. На каждое занятие он приходил первым, а домой уходил последним. Кто-то из товарищей сказал ему однажды:

— Не забывай голову мелочами...

Стародубцев ответил:

— В самолете нет мелочей, тут каждый винтик и проводок имеет свое назначение. А я собираюсь поступать в авиашколу..

Обучение в аэроклубе Георгий окончил с отличными оценками.

Через месяц грянула война. Советский народ поднялся на смертный бой с фашистскими захватчиками. Георгий одним из первых подал заявление в райвоенкомат с просьбой направить его добровольцем на фронт. Узнав об этом, отец Георгия — Степан Егорович, старый железнодорожник и солдат, обнял сына и твердо сказал:

— Правильно решил. Надо обломать загребущие руки фашисту. Если потребуется, и я за тобой пойду... Правда на нашей стороне.

В июле 1941 года Стародубцев стал курсантом военной авиашколы. Учеба была напряженной. Надо было в сокращенные сроки пройти курс подготовки летчика. Вот тут-то и пригодились ему знания, полученные в аэроклубе.

После успешного окончания школы его направили не на фронт, а в запасный штурмовой авиаполк.

В Заволжской степи Георгий настойчиво постигал тонкости бомбометания в различных условиях погоды и времени.

Настал день, когда курс бомбометания и вождения самолета в сложных условиях был закончен. Стародубцеву передали новенький «Ил-2», на котором он с группой товарищей вылетел на фронт.

Авиаполк, в который прибыл Стародубцев, вел бои на Орловско-Курской дуге.

— Я никогда не забуду о своем первом боевом вылете, — вспоминает Георгий Степанович. — Это было 5 июля 1943 года. Безоблачный жаркий день, кругом гул артиллерийской канонады, шум моторов, гарь. Нашей эскадрилье была поставлена задача нанести удар по фашистскому аэродрому. Со мной полетел сержант Морозов, бывалый воздушный стрелок. Повел нас капитан Авдеев. Я волновался, это ведь не учебный вылет, не сплеховать бы... Удар наш для фашистов был неожиданным. Не знаю, откуда у меня взялось хладнокровие, но я сбросил бомбы точно по цели, как бывало на занятиях. На фашистском аэродроме от наших бомб запылали самолеты, взорвалось бомбохранилище, загорелись бензозаправщи-

ки. На свой аэродром мы возвратились благополучно. Так состоялось мое боевое крещение.

После этого вылета командир эскадрильи, обычно скупой на похвалу, подошел к молодому летчику, крепко пожал ему руку и сказал:

— Молодец! Будешь настоящим штурмовиком...

В конце августа 1943 года лейтенант Стародубцев получил приказ разбомбить штаб немецкой дивизии, который находился в Ахтырке. Во главе четырех «илов» он вылетел на выполнение задания. Вот и Ахтырка, здания, где разместился фашистский штаб.

— В атаку! — скомандовал Стародубцев и уверенно повел свой самолет. Штурмовики разгромили штаб, уничтожили стоявшие возле него автомашины и танки.

На обратном пути на группу Стародубцева налетело восемнадцать фашистских истребителей. Завязался неравный бой. Истребители ринулись на машину Стародубцева сверху и снизу. Маневрируя, он старался помешать им вести прицельный огонь. Одна из очередей прошила стабилизатор. Снарядом заклинило фонарь. Но Стародубцев уверенно вел израненную машину к лесу. Здесь на зеленом фоне штурмовик оторвался от вражеских истребителей.

Приземлился он на передовом аэродроме. Стародубцев получил легкую контузию, а воздушный стрелок сержант Морозов — ранение в ногу. Несмотря на страшную усталость, Георгий, улыбаясь, похлопал по плечу Морозова и сказал:

— Не унывай, друг. За одного битого, двух небитых дают. Мы с фашистом сполна рассчитаемся...

...В хмурый сентябрьский день Стародубцев в паре с младшим лейтенантом Борисом Пестровым вылетел на свободную «охоту». Район действий для обоих летчиков был новым. На одной станции Стародубцев заметил скопление вагонов с вражеской военной техникой. Не теряя времени, он передал команду Пестрову:

— Разворот влево! Атакуем эшелоны на станции!

Сделав по три захода, отважные летчики уничтожили много фашистских солдат и офицеров, пять вагонов с боевой техникой, восемь автомашин, разрушили железнодорожное полотно и повредили станционные сооружения.

В сентябре 1943 года Георгий Стародубцев за боевые

подвиги и мужество был награжден орденом Красного Знамени.

Советские войска завязали ожесточенные бои за Днепр. Штурмовики работали без отдыха. Стародубцев, позабыв про усталость, по два раза в день вылетал то на разведку, то на бомбежку. В одном районе фашисты особенно упорно сопротивлялись, задерживая продвижение наших частей. Звено Стародубцева обнаружило хорошо замаскированные огневые позиции артиллерии врага и уничтожило их. Заметив неподалеку замаскированные автомашины с боеприпасами и танки, Стародубцев с бреющего полета начал обстреливать их из пушки. Часть автомашин взорвалась, загорелись танки. Не отставали от своего командира и остальные штурмовики. В результате решительных действий звено уничтожило три артиллерийских и минометных батареи, три танка и одиннадцать автомашин с боеприпасами.

В эти дни полк, в котором служил Стародубцев, стал гвардейским. Это еще более подняло боевой дух и активность штурмовиков.

На правом берегу Днепра в восьмидесяти километрах южнее Киева нашими войсками был создан плацдарм. Положение частей, которые его удерживали, было тяжелым. Фашисты непрерывно вели по ним артиллерийско-минометный огонь, часто переходили в контратаки, подтягивали к этому району резервы. Стародубцев получил задание с группой штурмовиков поставить дымовую завесу вдоль переднего края обороны гитлеровцев, ослепить наблюдательные пункты врага и подавить огневые позиции артиллерии. Используя складки местности, штурмовики внезапно появились над расположением фашистов и быстро поставили дымовую завесу. Перепуганные немцы выскочили из траншей и кинулись бежать. Штурмовики стали с бреющего полета расстреливать их. Обнаружив на подходе к этому району вражескую автоколонну, наши самолеты разгромили ее. Дерзкие действия штурмовиков позволили нашим стрелковым частям значительно расширить плацдарм.

В это время на плацдарме находился член Военного совета 1-го Украинского фронта Н. С. Хрущев. Он высоко оценил боевую работу штурмовиков и объявил им благодарность.

За боевые подвиги и мастерство, проявленные в боях

за Киев, гвардии лейтенант Стародубцев был награжден вторым орденом Красного Знамени.

Шли дни войны. Удар за ударом обрушивали советские соколы по врагу.

В августе 1944 года в жизни Стародубцева произошло радостное событие. Он был принят в члены Коммунистической партии. Тогда же его наградили орденом Отечественной войны I степени.

Штурмовики, ведомые гвардейцем Стародубцевым, участвовали в разгроме фашистов в Польше, Румынии, Австрии, Венгрии. Всюду славные летчики наносили удары по ненавистному врагу, прославляя силу и мощь советской авиации.

...Шли бои с фашистами на югославской земле. Стояли туманные осенние дни. При полетах в этих условиях требовалось особое умение ориентироваться. Зная способности гвардии старшего лейтенанта Стародубцева, командир полка поставил ему задачу — разведать выдвижение резервов врага и задержать их.

Вылетев во главе эскадрильи «илов», Стародубцев обнаружил скопление воинских эшелонов с боевой техникой и живой силой. Штурмовики атаковали их, уничтожив много вражеской техники и живой силы, разрушив железнодорожное полотно. Возвращаясь на аэродром, Стародубцев заметил на подходе к станции два груженных железнодорожных состава. Он успешно атаковал их с бреющего полета, завалив пути обломками вагонов.

Сосредоточение резервов противника для контрудара было сорвано.

Много славных подвигов совершил коммунист гвардии старший лейтенант Стародубцев во имя нашей победы над заклятым врагом. Родина достойно оценила его подвиги. В 1945 году за отличное выполнение 147 боевых вылетов, за нанесение противнику огромных потерь в живой силе, боевой технике и проявленные при этом отвагу, стойкость и высокое летное мастерство Г. С. Стародубцев был удостоен звания Героя Советского Союза.

После окончания войны Г. С. Стародубцев демобилизовался из армии по состоянию здоровья. Приехав в родной Оренбург, он стал работать помощником машиниста тепловоза. За добросовестное отношение к своим обязанностям Георгий Степанович был награжден знаком «От-

личный паровозник», неоднократно получал премии. Подготовившись, он успешно сдал экзамен на машиниста тепловоза. Герой войны своим трудом вносит достойный вклад в выполнение плана семилетки, в строительство коммунизма.

Георгий Степанович, как и все советские люди, не хочет войны и ненавидит империалистов, которые вновь подготавливают ее. Горячо одобряя миролюбивую внешнюю политику Советского правительства, он отдает все свои силы и знания укреплению могущества Советской Родины. Гневно клеймя поджигателей войны, Георгий Степанович говорит:

— Нам война не нужна. Но если империалисты нарушат наш мирный труд, то мы нанесем по врагу такой удар, после которого навсегда будет покончено с капиталистическим строем. Я первый пойду на фронт и буду беспощадно уничтожать врага до полной победы над ним.

Андрей Павлович Судоргин

М. КЛИПИНИЦЕР

ОТВАЖНЫЙ ПУЛЕМЕТЧИК

Лес кончился, и дорогу стало видно лучше. До батальонного пункта боепитания, куда сержант Андрей Судоргин вез мины и патроны, оставалось километра три.

Зарево далеких пожаров пылало на горизонте. Откачиваясь на запад, фашисты ожесточенно цеплялись за каждую высотку, жгли населенные пункты.

Андрей торопился. Подвезет он боеприпасы быстрее, и, может быть, это позволит уберечь еще один колхозный дом, сохранить жизнь еще одной советской семье...

Он объехал большую воронку. Слева дымились остатки домов, несколько дней тому назад сожженных врагом. Припомнилось недавнее утро в одном только что освобожденном от фашистов селе и дом у околицы, возле

которого фашисты убили старика колхозника за помощь партизанам. Старик лежал у дверей, широко раскинув руки, ветер шевелил его седую бороду. Андрей, глядя на этого русского человека, павшего безоружным от подлых рук интервентов, понял, что старик отныне незримо встал рядом с ним. Но не только павшие, думал Андрей, рядом с ним, воином-освободителем. В священной борьбе за свободу и честь Родины сплотились все советские люди, среди них и его земляки, колхозники села Дмитриевки. В этом степном оренбургском селе Андрей родился, здесь он учился в школе и после смерти отца пошел в погонщики к кулаку. Много горя хлебнул он тогда.

Показался батальонный пункт боепитания. Замаскированные мелким сухим кустарником, небольшими штабелями стоят ящики. Судоргин притормозил. Старшина вышел из землянки. Одно за другим невдалеке ухали орудия. Разгрузив машину, Андрей вновь поехал за патронами.

В тот мартовский день он приезжал сюда еще два раза.

К вечеру разыгрался сильный бой, и Судоргину приказали отвезти раненых в медсанбат. Не успела машина отъехать, как его предупредили, что наши пошли вперед и медсанбат уже не найти на прежнем месте.

Судоргин поехал вперед. Первый населенный пункт, который ему встретился, был сожжен, чадили обгорелые печные трубы. Бой ушел далеко, и Андрей, расспросив регулировщика, где искать медсанбат, повернул вправо от большака...

Медсанбат Судоргин разыскал только ночью, и сам, изрядно уставший, помогал санитару переносить раненых.

Луна вышла из-за тучки, осветив машину, дом, людей, и Андрей услышал радостный шепот:

— Никак, Судоргин? Ты, Андрей?

Андрей сразу не ответил, он не понял, кто это признал его. И только в доме, посадив раненого на солому, он пристроился рядом с ним.

— А ты кто будешь? Откуда знаешь меня?

— Я из Дмитриевки, сосед твой, Пыжов.

— Митя? Вот так встреча! Из дома-то пишут?

Они поговорили. Андрей узнал, что Пыжов пулемет-

чик, а ранило его в бою за высотку. Пыжов сказал на прощание:

— На машине-то тебе, поди, легче.

Сначала Андрей как-то не обратил внимания на эти слова. Но позже, когда он вел машину в автороту по незнакомой, разбитой полевой дороге, вспомнил их, и с тех пор слова земляка о том, что «на машине легче», не давали ему покоя.

Светало, страшно болела голова от бессонной ночи. Судоргин вдруг сквозь шум мотора услышал глухой свист и вслед за тем недалекий гулкий разрыв бомбы. Словно сквозь сон припоминал потом Андрей, лежа на походной койке в медсанбате, как вторая бомба фашистского стервятника упала сзади машины и острая боль оглушила его, прижала к сиденью.

Из медсанбата Андрей выписывался не один. Вместе с Дмитрием Пыжовым получил он назначение в полк, стал пулеметчиком. Ему было и жаль расставаться с товарищами из автороты, и радостно, что он может отомстить теперь врагу на поле боя, лицом к лицу столкнуться с теми, кто сеет смерть и горе. Так Судоргин стал пулеметчиком. До самого конца войны подружился он с пулеметом и шагал с ним, со ступеньки на ступеньку, к своему большому подвигу.

Ранней весной 1943 года на подступах к одной железнодорожной станции атака нашей роты захлебнулась. Из небольшого каменного дома, примыкавшего к огородам, строчил вражеский пулемет. Судоргин, определив по вспышкам цель, не раз открывал стрельбу по окну, за которым засели фашисты, но вражеский пулемет оставался неуязвимым. Тогда Андрей попросил командира взвода:

— Разрешите, я попробую пробраться в дом.

Лейтенант в знак согласия кивнул головой.

Судоргин взял автомат, две гранаты и пополз к огородам. По черным, кое-где припорошенным поздним мартовским снегом гребням земли яростно били пулеметные очереди. Андрей продвигался вперед с большим трудом. Но вот он уже достиг дома. Совсем недавно здесь жили советские люди. Ненавистный пришелец прогнал их, втащил в дом пулемет, встал кованными каблуками на чужих половицах и начал поливать свинцом русских людей, которых он, гитлеровец, решил уничтожить. Андрей

даже заскрипел зубами, так сильно обжег его прилив ненависти к врагу.

Вокруг дома никого не было. Судоргин подполз еще ближе. И хотя стало как-то холодно и жутковато, он встал, шагнул к двери и прислушался. За дверью было тихо. Андрей открыл ее, пробежал через пустую прихожую и распахнул дверь в комнату, из которой бил пулемет.

Два немца стояли у пулемета и вели огонь. Один из них оглянулся, и в то же мгновение Андрей бросил гранату, а сам повалился плашмя у порога. Взрыв потряс комнату. Оба фашиста были убиты наповал.

Андрей перетащил пулемет к окну, которое выходило на станцию. Он ясно видел, как к платформе подъехала автомашина, с которой начали соскакивать люди в шинелях мышиного цвета. Андрей сменил прицел и открыл огонь по гитлеровцам.

Судоргин оторвался от пулемета только тогда, когда в дом вбежали три бойца и командир взвода.

— Молодец, Андрей! — крикнул лейтенант звонким, молодым голосом. — Молодец!

За храбрость и отвагу, проявленные в этом бою, Андрея Судоргина наградили орденом Славы III степени.

Вскоре после этого Судоргин снова был ранен, попал в армейский госпиталь. И опять возвратился он в родной полк. Здесь еще служил и земляк его Дмитрий Пыжов.

Настало четвертое военное лето. Гвардейская часть, где служил Судоргин, продвигалась на запад, гнала врага в его логово. Пулеметчики не щадили себя в этих боях. Бойцам расчета Кулемину, Пыжову и Никишину было на кого равняться, с кого брать пример. Гвардии старшина Андрей Судоргин был и опытным командиром, и верным другом, боевым товарищем. Он ничего не жалел для тех, кто шел с ним в одном строю.

Бои, которые вели гвардейцы в августе 1944 года, были особенно ожесточенными. Наши войска к 25 августа завершили окружение главных сил яско-кишиневской группировки врага. Началась ее ликвидация.

...Батальон занял позиции возле переправы. Сюда, к переправе, отчаянно рвались гитлеровцы, стремясь уйти из «котла», прорвать кольцо окружения. Пулеметному

отделению гвардии старшины Судоргина было приказано прикрыть левый фланг.

Из леска фашисты вышли внезапно. Судоргин спросил у Пыжова:

— Как ты думаешь, Митя, роты две будет?

— Наверно, побольше... Все идут и идут...

Гитлеровцы шли, убыстряя шаг, стреляя на ходу из ручных пулеметов и автоматов.

Пулеметчики открыли по врагу огонь. Одну за другой кашивали пулеметы Судоргина и его соседей цепи фашистов, и все-таки враг не прекращал натиска. Фашисты, не считаясь с потерями, стремились вырваться из «котла» любой ценой.

Группа гитлеровцев подползла к позиции пулеметчиков. Еще бросок, каких-нибудь десятков метров, и враг пройдет, вырвется из окружения.

Судоргин заметил, что наводчик Пыжов не может от усталости удержать ручки пулемета. Быстро подполз он к пулемету и сам лег за него. Очередь, еще одна — фашисты снова откатились. В разгар новой атаки Судоргин сменил другого пулеметчика.

Но наступил момент, когда на позиции наших воинов полезла обезумевшая толпа фашистов. Точно стадо диких зверей, неистово завывая, они рвались к переправе.

— Бей, бей гадов! — кричал Андрей, — не пропускай ни одного!

И вдруг Андрей увидел, что Пыжов неподвижно лежит возле пулемета. Андрей лег за пулемет товарища, начал стрелять. А гитлеровцы были уже совсем близко. Они метали гранаты, перескакивали через раненых и убитых.

Судоргин почувствовал, как кровь потекла по лицу. «Ранен, — мелькнуло в его сознании, — только бы удержать переправу». Он быстро снял рубашку, разорвал ее, перевязал голову. Липкими от крови руками, напрягая последние силы, Андрей снова взялся за пулемет. Но стрелял он недолго. Теряя сознание, Андрей словно в тумане увидел: фашисты стремительно бегут на огневую позицию...

Усилием воли Судоргин заставил себя очнуться.

— Врешь, фашистская сволочь, не пройдешь, — прошептал он и открыл огонь.

Когда кончились патроны к пулемету, старшина пу-

стил в ход автомат. Не растерялся он и тогда, когда не стало патронов в дисках автомата. Он продолжал бой гранатами. Пятнадцать часов подряд отбивали яростные атаки врага гвардии старшина Андрей Судоргин и его товарищи. Ни один фашистский солдат не прорвался тогда к переправе.

В специальном выпуске 3 сентября 1944 года красноармейская газета «Сталинградец» писала:

«Почему победил Андрей Судоргин? Потому, что всем своим пламенным сердцем патриота он предан матери-Родине. Потому, что Андрей Судоргин в совершенстве владеет своим оружием, бережет его, и пулемет никогда не подводит своего хозяина. Судоргин победил потому, что всеми силами своей души ненавидит немецко-фашистских мерзавцев и беспощадно уничтожает их. Пулеметчик Судоргин не спрашивает, сколько перед ним врагов. Он находит и метко их истребляет».

В письме, посланном матери Андрея в село Дмитриевку, Оренбургской области, командование дивизии сообщило:

«Уважаемая Марфа Афанасьевна! Указом Президиума Верховного Совета СССР Вашему боевому сыну присвоено высокое звание Героя Советского Союза».

Когда война была завершена победой советского оружия, Герой Советского Союза Андрей Судоргин вернулся в Дмитриевку. В родных краях, в Оренбурге, его руки снова узнали радость мирного труда.

Но раны, полученные в суровых боях, не прошли даром. Они стали причиной серьезного заболевания. Весной 1956 года Андрей Павлович скончался.

Советский народ глубоко чтит память о славном патриоте Герое Советского Союза А. П. Судоргине. Его подвиги — пример беззаветной верности Родине.

Ягфар Ахметшин

М. МЕРЗАБЕКОВ

ПАРЕНЬ ИЗ СЕЛА КУТЛУЕВО

— Ягфар! Жми сильнее!
— Держись, Наиль, догоняют тебя!

— Палками лучше работай!

— Последний круг, не жалея сил!

Таковыми возгласами подбадривала толпа мальчишек своих товарищей, которые на лыжах во весь опор неслись к финишу. Видно было: спортсмены они не ахти какие. Некоторые и скользить путем не умели, а попросту бежали с привязанными к валенкам лыжами. Но тот, который вырвался вперед, заметно выделялся. Бежал он легко, уверенно. Вот он поравнялся с судьей, и тот взмахнул рукой, засек время.

— Лучший результат показал Ягфар Ахметшин, —

объявил судья. — Второе место занял Наиль Ашимов. Оба уложились в норму БГТО. Молодцы!

Учитель физкультуры Расих Фахрутдинов не удержался от того, чтобы не похлопать по плечу способных учеников, и объявил:

— С сегодняшнего дня вы будете учить остальных ребят ходить на лыжах.

Оба пятиклассника засияли. Кому не приятно, когда перед всем классом учитель хвалит тебя да такое важное поручение дает?

В деревню возвращались вдоль речки...

...На этой реке, носящей звучное татарское название Ирауз, и прошло детство Ягфара Ахметшина.

В крикливой босоногой компании Ягфар был признанной личностью. Ростом он был чуть пониже своих одноклассников, но в силе, выносливости, смелости немногие сверстники могли с ним состязаться. Плавал и нырял он лучше многих других. В беге не позволял кому-либо показывать себе спину. Умел бороться по-татарски точь в точь как взрослые на сабантуях: неожиданно и резко падая назад, легко перекидывал противника через себя.

И только один Наиль Ашимов считался достойным противником Ягфара в любых видах состязаний. Двое сильнейших среди ребят, они были между собой большие друзья.

Ягфар отличался выдержкой, дисциплиной, старательно учился в школе, много читал, хорошо рисовал. Однажды в классе писали сочинение на тему: «Кем я хочу быть?» Ребята мечтали. Иной представлял себя полярником, зимующим на льдине. Другой грезил о профессии летчика. У третьего мысли были на пограничной заставе, там, где несут дозор часовые Родины.

А кем же хотел стать Ягфар? Учителем. Инженером человеческих душ, таким, как Макаренко. Разве в этой профессии меньше романтики? Сочинение его было написано с большой страстью, убежденностью. Учительница прочитала его вслух всему классу, а возвращая тетрадь автору, тепло сказала:

— Желаю, чтобы твоя мечта осуществилась.

Так бы оно и было: окончив семилетку, Ягфар учился в педагогическом училище. Но грянула война. С первым эшелоном отправился на фронт отец Ягфара — бывший секретарь сельского Совета Ахмет Ахметшин.

— Теперь на тебе лежит вся забота о семье. Не оби-

жай мать и брата, — сказал отец Ягфару, уллучив момент, когда они остались наедине.

Поздним ноябрьским вечером 1941 года почта принесла семье Ахметшиных трагическую весть. В госпитале под Ленинградом после тяжелого ранения скончался отец. Несколько дней навзрыд проплакала мать. Плакал, не отходя от убитой горем матери, младший брат Хайдар. Ягфар по-мужски крепился, сдерживая готовый вот-вот прорваться наружу ком в горле. Посуровел. Где-то в глубине глаз затаилось невыплаканное горе. Юноша стал взрослым человеком.

— Мы отомстим за тебя, отец! — поклялся он, крепко сжав кулаки.

Пришла пора и Ягфару одеть шинель и взять в руки оружие. Учебники педагогики и психологии остались раскрытыми. Когда-то теперь дойдет до них очередь?

Перед отправкой на фронт сфотографировались троим: Ягфар, его друг Наиль Ашимов и учитель истории Галим Каримович Мифтиев. Это был любимый учитель юношей. Он оказал большое влияние на формирование характеров своих учеников. А теперь пришло время испытания характеров. Все трое — и учитель, и ученики — ехали на фронт, но в разные части.

— Будем доучиваться после войны, — сказал им учитель на прощание.

Не сохранилось ни одного письма от Ягфара Ахметшина. А приходили они от него домой часто. Писал с передовой, писал из госпиталя. «Бьем фашистов, мстим за отца», — сообщал он в каждом письме. Описывал бои, рассказывал о воинах-товарищах. И каждой последующей весточке приходилось преодолевать больший путь, чем предыдущий: фронт двигался на запад.

О героических подвигах Ягфара Ахметшина мы знаем лишь из письма, присланного командиром части его матери.

...1945 год. Бои шли на территории Польши.

На одном из участков фронта наше танковое подразделение прорвало оборону гитлеровцев. В прорыв устремились стрелковые войска, а танкисты двинулись дальше, в глубь расположения фашистов. На броне танков

находился десант — взвод, которым командовал лейтенант Ахметшин.

Фашисты предприняли попытку окружить наш передовой отряд. Десантники вступили в бой с превосходящими силами врага. В этом бою взвод под командой Ахметшина уничтожил около шестидесяти вражеских солдат, пять противотанковых пушек. Одна из них была особенно хорошо замаскирована и долго вела огонь по танкам. Ахметшин, обнаружив ее, сам скрытно подполз к огневой позиции и гранатами поразил фашистский орудийный расчет.

В письме командира части далее сообщается, что в последующих боях, при форсировании крупного водного рубежа, был тяжело ранен командир роты. Ахметшин, приняв на себя командование ротой, действовал смело, решительно. Он вместе с тремя бойцами первым бросился в ледяную реку.

...Вот, наконец, нога коснулась дна. Берег дышит в лицо шквалом огня. С нашего берега тоже артиллеристы ведут огонь по фашистским позициям. Один пулеметчик из роты Ахметшина, не достигнув берега, падает. Ротный командир подхватывает пулемет убитого.

Вот трое, первыми преодолев реку, залегли на том берегу и открыли огонь по гитлеровцам. Пусть маленькая пядь земли, но это уже наш плацдарм. И легче теперь форсировать реку всей роте — на той стороне два наших пулемета, сам командир роты.

Когда последний боец переправился на тот берег, Ахметшин поднял роту на штурм вражеских укреплений. Ни огонь немецких пулеметов, ни осколки фашистских мин не смогли ослабить натиска. Советские бойцы в короткой рукопашной схватке овладели двумя траншеями обороны противника.

В это время вражеская пуля настигла командира роты. Покачнувшегося лейтенанта солдаты подхватили на руки. Но он уже не дышал.

Храброго воина похоронили в местечке Корнева, Варшавского воеводства. Простившись с командиром, рота ушла дальше на запад, навстречу победе.

Партия и правительство высоко оценили боевые заслуги лейтенанта Я. Ахметшина. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Когда машина перевалила холм, внизу показалось большое село Кутлуево, Асекеевского района, раскинувшееся по обеим сторонам речки. Здесь родился и провел свое детство и юность Герой Советского Союза Ягфар Ахметшин.

Кутлуевский колхоз растет и крепнет. На полях, фермах, в мастерских кипит напряженный труд. По вечерам ведет передачи колхозный радиозел, колхозники смотрят кинофильмы, слушают лекции, посещают клуб, библиотеку.

Был вечер. В сельсовете собрались многие колхозники, чтобы узнать последние сельские новости, потолковать о делах. Среди присутствующих были и такие, кто хорошо знал Ягфара Ахметшина по детским годам, по совместной учебе в школе.

А где же те товарищи, с которыми Ягфар сфотографировался накануне отъезда на фронт? Выяснилось, что Наиль Ашимов — офицер, преподает в военной академии. Бывший учитель Галим Мифтиев — тоже преподаватель высшего военного учебного заведения.

Матери Ягфара уже нет в живых. В селе живет брат героя Хайдар, он работает в колхозе. Именем героя он назвал своего старшего сына. Хороший мальчик растет — трудолюбивый, дисциплинированный, учится отлично. Ягфаром младшим зовут его на селе.

В местной школе пионерской дружине присвоено имя Ягфара Ахметшина. В одной из школьных комнат создан уголок героя.

Крепко помнят героя, чтят его память односельчане. От мала до велика знают о его подвигах. На примере патриота молодежь учится тому, как надо любить Советскую Родину.

Василий Прокофьевич Синчук

Л. БОЛЬШАКОВ

БЕССМЕРТИЕ ГЕРОЯ

Воспитанник Орского аэроклуба, а затем первого Оренбургского военно-авиационного училища Василий Прокофьевич Синчук прибыл на фронт в сентябре 1942 года.

25 октября, сопровождая штурмовиков, он умело отразил атаки истребителей противника и сбил первый вражеский самолет. При возвращении с боевого задания удалось обнаружить группу транспортных самолетов гитлеровцев. Несмотря на численное превосходство врага, Синчук напал на них и тремя последовательными атаками сбил еще три самолета.

Слава о молодом летчике разнеслась по всему Волховскому фронту. За героизм Синчук был награжден орденом Красного Знамени.

ый из них был заполнен боя-

он боевых действий на пере-
Синчук обнаружил машины,
юдатели корректировали ар-
в наших истребителей, кор-
ь под прикрытие сильного
ерии. Тем не менее Синчук
ны и, атаковав их поочередно
вторую.

летчика. Все более зрелы-
т. В один из июльских дней
уппу бомбардировщиков, он
ьфа». Гитлеровцы пытались
ювщиков, но Синчук разга-
его истребителей и сбил две

жизни отважный сокол про-
ка до помощника командира

членом Коммунистической
партии. Сохранилась характеристика на В. Синчука, на-
писанная в 1943 году. «Делу Коммунистической партии
и социалистической Родине предан,— говорится в ней.—
Среди личного состава полка пользуется деловым авторитетом. Над повышением своих знаний работает повсе-
дневно. Опыт боевых действий изучает как индивидуаль-
но, так и в группе с летным составом. Им произведено
240 боевых вылетов на сопровождение штурмовиков и
бомбардировщиков, а также разведку и штурмовку войск
врага. В проведенных тридцати пяти воздушных боях
сбито одиннадцать самолетов противника. Как помощник
командира полка, на боевых примерах Синчук показыва-
ет летному составу, как нужно использовать вооружение
самолета «Ла-5», в результате чего за короткий проме-
жуток времени — июль—август 1943 года — летчиками в
воздушных боях сбит двадцать один вражеский само-
лет».

А вот что написал в те же дни парторг полка А. Кузь-
менко матери летчика:

«Дорогая Улита Ивановна! Я хочу порадовать Вас
героическими делами Вашего сына Василия. Он с пер-
вых дней своих боевых действий показал мужество и от-
вагу, высокое мастерство воздушного бойца. Ему Родина

доверила грозное оружие — скоростной истребитель. На своем быстрокрылом «ястребке» он уничтожил сотни фашистов... Все наши летчики стараются летать и драться с воздушным врагом, как летает и дерется ваш сын Вася.

...Улита Ивановна! Передайте наш привет всем близким и знакомым Василия и скажите, что мы гордимся его подвигами».

* * *

Зорко всматриваясь вдаль, Синчук увидел то, о чем его предупреждали с земли. До двух с половиной десятков немецких бомбардировщиков шли клином, по восьми-девяти самолетов в группе. Истребителей среди них не было. И это заставляло особенно насторожиться.

С полной бомбовой нагрузкой «юнкеры» летели медленно. Казалось даже, что они просто висят в воздухе. Расстояние между ними и советскими истребителями быстро сокращалось.

Враг, конечно, заметил «ястребков», но, уверенный в том, что его численное превосходство заставит советских летчиков отказаться от нападения, не меняя порядка и курса, продолжал идти к цели.

— Пойдем в лобовую атаку! — передал по радио Синчук.

Истребители ринулись в атаку. В разных местах разгорелись бои, в которых один-два советских истребителя противостояли целой группе вражеских самолетов.

Счет открыл Синчук. Вплотную приблизившись к вражеской головной машине, он дал по ней длинную очередь. Самолет задымил и стал падать.

Стремительная атака советских истребителей ошеломила гитлеровцев. Боевой порядок «юнкеров» был нарушен. В наступившей сумятице два вражеских самолета столкнулись и полетели вниз. Объятый пламенем, падал еще один «юнкерс». С ним расправилась соседняя пара истребителей. Сам Синчук уже настиг вторую машину и ударил по ней из пулемета, когда заметил, что к месту боя приближаются «фокке-вульфы». Их было шесть. И летели они на большой высоте, рассчитывая, видимо, на внезапный удар.

— С юга подходят вражеские истребители, — передал Синчук по радио товарищам. В этот момент он увидел.

что «юнкерс», по которому вел огонь, потерял управление и стал падать.

«Фокке-вульфы» вступили в бой. Два из них сразу атаковали ведущую пару — Синчука и Ершова, но тут же отвалили. На выручку боевым друзьям бросился Закревский. Он приблизился к ведомому вражеской пары и дал короткую пулеметную очередь. Однако в это мгновение зенитный снаряд угодил в крыло самолета Закревского.

Гитлеровцы, словно стервятники, набросились на подбитый самолет.

— Раненых бить не боитесь! — гневно крикнул Синчук. Вместе с Ершовым он атаковал «фокке-вульфы», которые быстро отошли в сторону. Закревский получил приказ возвратиться на свой аэродром.

Ободренные подходом своих истребителей, «юнкерсы» стали снова пробиваться к цели. Но «фокке-вульфы» их уже не поддерживали. Потеряв два самолета, вражеские истребители повернули обратно.

Краснозвездные «ястребки» устремились за «юнкерсами». Вот, наконец, открылась возможность расстрелять с короткой дистанции самолет, который Синчук приметил раньше. Он поймал его в перекрестие прицела и нажал гашетку... Однако в этот же момент он ощутил, что всегда безотказная машина его не слушается. Рванул ручку на себя, пытаясь набрать высоту, но самолет начал валиться на крыло.

Повреждение было серьезным. До аэродрома не дотянуть. Внизу враг, который следит за каждым движением. Выброситься с парашютом — значит наверняка попасть в руки гитлеровцев.

Самолет быстро терял высоту. Синчук видел, как самоотверженно прикрывали его товарищи, настоящие боевые друзья. Нечеловеческим усилием заставив самолет повиноваться, Синчук пошел на таран и срезал хвост у одного из «юнкерсов». Вражеская машина пылающим факелом упала вниз...

В этом своем последнем бою капитан Синчук увеличил счет сбитых им вражеских самолетов до восемнадцати.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 апреля 1944 года В. П. Синчуку было присвоено звание Героя Советского Союза.

Через семь лет после героической гибели Синчука в Орск, его родителям пришло письмо от Никанора Федоровича Капустина, председателя сельсовета в Уторгошском районе, Новгородской области.

«В нашей деревне,— писал Н. Ф. Капустин,— до сих пор помнят воздушный бой, который разгорелся в феврале 1944 года, когда советские истребители разметали всемеро превосходившую их по численности вражескую стаю.

О доблести наших соколов долго напоминали остовы фашистских машин, валявшихся на болоте. Знали мы, что где-то неподалеку должен быть и наш истребитель, сбивший в этом бою три самолета. Но его, как видно, засосала тряси́на.

Лето 1951 года в наших краях выдалось знойное. Впервые за многие годы болото подсохло. Два школьника отправились туда собирать металлический лом. Неожиданно они увидели кусок крыла самолета.

Ребята позвали на помощь взрослых. Мы бережно извлекли самолет. В нем оказалось тело летчика. Семь лет пролежало оно, но сохранилось. Не тронутыми временем оказались и документы. Мы раскрыли партийный билет летчика и впервые узнали имя того, чей подвиг давно уже стал для нас легендарным. «Синчук Василий Прокофьевич» — прочли мы там».

Похороны Василия Синчука были многолюдными. Со всего района собрался народ в поселок Уторгош, чтобы проводить в последний путь славного сына Родины. Военские почести воздали ему бойцы Ленинградского военного округа.

С огромной любовью относятся новгородцы к памяти героя-летчика. Гранитный обелиск на его могиле до поздней осени утопает в цветах. Сюда часто приходит молодежь, памятью героя присягая в верности Отчизне.

Герой бессмертен в сердцах народных. Именем Василия Синчука названы переулок в Орске, улица в совхозе «Восточный», что в Адамовском районе, Оренбургской области, колхоз в Новгородской области, школа в Актюбинской области, многие пионерские дружины и отряды.

Это имя повторяется в десятках сотнях писем, кото-

рые приходят к родителям В. П. Синчука в Орск. Откуда бы они ни прибыли, кто бы их ни написал, каждый говорит о своем восхищении замечательными подвигами славного сына народа, о своем стремлении быть таким же стойким перед лицом трудностей, каким был Василий Синчук.

Вот письмо из Ленинграда. Его написала жена военнослужащего Валентина Кузьмина:

«Дорогие Улита Ивановна и Прокофий Степанович! Вам, конечно, будет неудивительно получить мое письмо, так как вы их, наверное, получаете часто и много со всего Советского Союза.

Много горя принесла народу война. У меня погиб отец, мать умерла во время вражеской блокады Ленинграда. Мой муж с первых дней войны был на фронте.

Все мы хорошо помним, какие бедствия и переживания несет с собой война. Еще больше растет наша ненависть к тем, кто хочет снова свергнуть народы в кровопролитную битву; кто мечтает прервать наш мирный и счастливый труд, поставить свободных людей на колени. Не выйдет! Мы еще внимательнее и зорче будем следить за происками поджигателей войны. А если придется, то по первому зову партии и правительства поднимутся миллионы таких, как ваш Василий, и всякого, кто посмеет напасть на Советский Союз, на страны социалистического лагеря, ждет сокрушительный и беспощадный разгром. Пусть об этом не забывают враги.

Ваш Василий всегда будет жить в нашей памяти, в наших сердцах. Мой муж, офицер, рассказывает своим солдатам о нем, чтобы они брали пример с замечательного сына Родины. Таким же, как Василий Синчук, мы постараемся воспитать и нашего маленького сына Юру.

Крепко целуем вас, как самых родных людей».

Девушка из села Казанки, Оренбургской области, Шура Васильева пишет о делах своего родного колхоза. А далее — от сердца идущие слова о герое: «Я часто и долго думаю о нем. Таких соколов народ не забудет никогда. Они погибли, но дела их будут жить вечно в сердцах людей. Спасибо, что вырастили такого сына».

Письма идут из Сибири и Казахстана, из Вологодской области и Белоруссии...

Недавно в одном из домов культуры Орска состоялся вечер, посвященный героям-землякам. Имя Василия

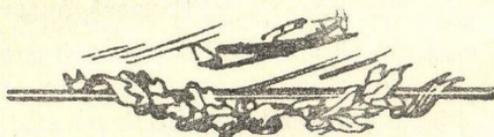
Синчука произносилось здесь особенно часто. Вздошно-ванно звучал голос токаря Федора Степанова, когда он читал свое стихотворение:

Отважных у Родины много.
Бессмертье таким по плечу.
На подвиг спокойно и строго
Пошел капитан Синчук.

В неравном бою с палачами,
В тяжелом воздушном бою
Прикрыл он своими плечами
Отчизну родную свою.

Погиб, но бессмертным навеки
Останется в сердце людском.
Как символ борца-человека
В себе мы его понесем!

Слава героя неугасима, немеркнуща!

Николай Андреевич Рошин

Г. РУМЯНЦЕВ

ТРУЖЕНИК ВОЙНЫ

Гвардейская часть, преследуя отступающего врага, с боями подошла к Тиссе.

Была темная осенняя ночь. Шел мелкий назойливый дождь. Порывистый холодный ветер швырял в лицо ключие капли воды.

Поеживаясь от прохлады, сержант Николай Рошин прислонился к стенке окопа и всматривался в берег реки. Рядом с Николаем окопались воины его отделения. К переправе все было готово: подвезены лодки, подделаны легкие плоты.

К Рошину подошел начальник инженерной службы полка.

— Отделение саперов готово к выполнению задания, — доложил ему сержант.

Офицер с уважением посмотрел на подтянутого, стройного воина и пошел к реке. Николай последовал за ним. Остановились на прибрежном песке. Первым нарушил молчание Рошин:

— Рек мы не мало форсировали, товарищ капитан. Переплывем и эту...

— Будем переправляться там, где река разделяется на два рукава,— сказал офицер.— Сначала перебросим подразделения на остров, они выбьют оттуда гитлеровцев, а потом будем форсировать старое русло. Главное — добиться внезапности. Задача серьезная...

Сержант вытер рукой мокрое лицо:

— От трудностей не прятались, перед опасностью не пасовали, и эту задачу выполним!

...Долгими бывают минуты перед боем. Лежа в окопе, Николай думал о своей жизни. Он видел себя вихрастым мальчишкой на берегу родного Урала. Хотелось многое знать, многое видеть. Он хорошо учился в школе. Будущее представлялось ясным и безоблачным. Он был счастлив, что родился в Советской стране, где перед молодежью открыты все пути — работай, учись, держай!

Но наступил тяжелый сорок первый год. В октябре комсомолец Рошин получил повестку из военкомата. Провожать его в армию пришла вся семья. Перед отходом эшелона отец крепко обнял сына.

— Ну, Коля, идешь ты защищать нашу Родину от проклятых фашистов. Бей их, иродов, крепче!

Рошин был зачислен в воздушно-десантную часть. За год учебы им была исхожена не одна сотня километров дорог, перекопано много земли, продырявлены десятки мишеней, взорвано большое количество мин, совершенно несколько учебных прыжков с самолета. Учась, не жалея сил, комсомолец Рошин жил одной мыслью: скорей бы в бой, скорей бы сразиться с фашистами.

Такое время настало. Часть была переброшена в район, где наши войска вели тяжелые бои с врагом.

...В одной из контратак вражеский снайпер ранил старшего сержанта Дишанина. Два бойца, пытавшихся подползти к Дишанину, были также ранены. Николай, плотно прижимаясь к земле, подобрался поближе к вражеским окопам и, улучив момент, дал длинную очередь из ручного пулемета. Огонь со стороны гитлеровцев пре-

кратился. Воспользовавшись замешательством врага, наши бойцы выскочили из окопов и на плащпалатках вытащили из-под огня своих раненых товарищей. Отползая обратно, Роцин попал под минометный обстрел и был ранен. С трудом он добрался до траншеи.

Из госпиталя Роцин вернулся в свою часть. Его назначили в саперный взвод. Он стал осваивать новую для него профессию.

Однажды Роцину с группой бойцов было приказано взорвать мост в тылу врага. Темной ночью саперы скрытно пробрались к мосту. Роцин в короткой схватке снял часового, а остальные воины расправились с другими гитлеровцами. Но все же одному вражескому солдату удалось уйти и поднять тревогу. Роцин и его товарищи успели заминировать мост, и когда гитлеровские солдаты подбежали к нему, раздался взрыв. Десятки фашистов нашли себе могилу под обломками моста.

...Вместе со своей частью Николай Роцин прошел не мало трудных фронтовых дорог. Позади остались десятки водных рубежей. И вот перед ним Тисса. А за ней вооруженный враг. Нужно смять его и двигаться вперед на запад, к полной победе.

Первая лодка с бойцами тихо отошла от берега. За ней — вторая, третья, четвертая... Сержант Роцин изо всех сил налегает на весла, чтобы добраться до острова, пока гитлеровцы молчат. Саперы первыми выскакивают из лодок. Надо проверить берег, нет ли там вражеских мин. Внезапно ночное небо прорезали вражеские ракеты. Застрочили пулеметы. Но уже поздно. Наши солдаты в короткой схватке овладели вражеской траншеей.

Всю ночь сержант Роцин под обстрелом переправлял воинов на остров и лишь на рассвете прилег в траншее на берегу. Но отдохнуть не удалось.

На острове шел тяжелый бой. У советских воинов кончились боеприпасы. Бойцы сообщили об этом по радио в штаб части. Роцин получил приказ доставить боеприпасы на остров.

Наша артиллерия открыла огонь по вражеским позициям. На берегу реки саперы зажгли дымовые шашки. Скрываясь в клубах дыма, лодка с боеприпасами отчалила от берега. Когда Роцин доплыл до середины реки, над его головой просвистел вражеский снаряд и разорвался неподалеку. За ним — второй. Взрывной волной чуть не

перевернуло лодку. В днище образовалась течь. Рошин, не обращая внимания на обстрел, вычерпывал воду банкой и гнал лодку к тому берегу. Сержант хотел лишь одного: во что бы то ни стало выполнить приказ — доставить боеприпасы сражающимся с врагом товарищам.

Когда Рошин был уже недалеко от берега, его заметили наши воины с острова. Под огнем противника они помогли вытащить лодку из ледяной воды.

Получив боеприпасы, советские воины пошли в атаку. С ними был и сержант Рошин.

Через несколько часов остров был освобожден от гитлеровцев.

Рошин организовал переправу через старое русло Тиссы. Он под огнем врага натянул через реку канат. Теперь бойцы сами переправлялись на понтоне. Командир одобрил инициативу сержанта Рошина и приказал: не дать гитлеровцам взорвать находящийся неподалеку от переправы мост через Тиссу.

Было известно, что для взрыва моста фашисты оставили группу солдат. Обманув их бдительность, Николай с товарищами пробрался к мосту. Тихо продвигаясь между опорами, Николай обнаружил тоненькие провода, которые немедленно перерезал. Мины были обезврежены. Вскоре советские солдаты овладели мостом.

В одном из боев Рошин был тяжело ранен. Его отправили в госпиталь. Николай лежал на белоснежной койке, а в его памяти все еще были живы картины последних боев.

Шло время. Раны подживали. Однажды медсестра подала Рошину письмо из части. Друзья поздравляли: за храбрость, проявленную в боях на Тиссе, он удостоился высокого звания Героя Советского Союза. В письме лежала вырезка из дивизионной газеты, где подробно рассказывалось о его геройском подвиге.

...Отгремели бои. Началась мирная учеба воинов. Старший сержант Рошин умело обучал и воспитывал воинов, передавал им свой богатый фронтовой опыт. В те дни Николай Рошин был принят в Коммунистическую партию. За отличную службу и дисциплинированность он удостоился ряда благодарностей. Про бывшего воина в дивизионной газете были напечатаны стихи:

Сапером Рошин на войне был.
И поговорке вопреки

Звезду героя взял не с неба —
На правом берегу реки.

И ныне воинская слава,
За службу новую любя,
Героя тисской переправы
Не отпускает от себя.

В 1949 году Николай Андреевич Роцин, демобилизовавшись из армии, вернулся в родной Оренбург. Сейчас бывший воин работает бригадиром столяров. И на трудовом фронте он высоко держит славное звание героя. Ежедневно он выполняет не менее двух норм. Бригаде, которую возглавляет Николай Андреевич, присвоено высокое звание коллектива коммунистического труда.

Мы встретились с Николаем Андреевичем по окончании рабочего дня. Когда подходили к его уютному домику, навстречу выбежали две маленькие девочки.

— Дочки встречают, — сказал он. — Наташа учится в первом классе, а Валя на будущий год пойдет в школу. Еще одна дочь есть, той только второй годик пошел.

В квартире нас приветливо встретила полная средних лет женщина.

— А вот и моя «половина» — Зоя Кузьминична, — сказал Николай Андреевич.

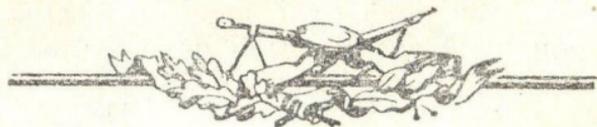
Мы сидели в чистой, уютной комнате и говорили о детях.

— Люблю детей, с ними жить интереснее, — сказал Николай Андреевич. И карие глаза этого крепкого тридцативосьмилетнего человека засветились доброй, радостной улыбкой.

Потом он показал большой альбом.

— Это память о войне, — говорил он. — Здесь у меня много фотографий боевых друзей. О них никогда не забыть...

Герой Советского Союза Николай Андреевич Роцин часто выступает перед молодежью, рассказывая ей о великих битвах за Родину, о мужестве и отваге советских воинов, о Коммунистической партии, ведущей наш народ к светлым вершинам коммунизма.

Николай Николаевич Самароков

Г. КИЯЩЕНКО

ЗАПАС ПРОЧНОСТИ

На аэродроме шла обычная фронтовая жизнь. Приземлялись и взмывали ввысь штурмовики, из конца в конец зеленого поля сновали бензозаправщики. Оживленно разговаривая, проходили вернувшиеся с задания летчики, пробегали озабоченные техники.

В другой раз Николай не преминул бы присоединиться к летчикам, послушать, что рассказывают они о прошедшей штурмовке. Но сейчас было не до этого.

Несколько минут назад у входа в штабную землянку Николай встретил невысокого, коренастого летчика.

— Самароков, вы?! — окликнул тот.

— Так точно, сержант Самароков, — ответил Николай и с удивлением узнал в летчике подполковни-

ка Лисова, из Оренбургского авиационного училища.

— Ну как, воюете? — полюбопытствовал Лисов.

— Воюем, — ответил Николай и смутился. Что он мог рассказать своему бывшему наставнику?

И теперь, лежа в высокой траве, Николай припоминал свое короткое прошлое, искал объяснения, почему он до сих пор не был в бою.

Отца он помнит смутно. Тот умер от старых ран, полученных в гражданскую войну, когда Николаю было пять лет. После мать говорила, что отец заботился лишь об одном — вырастить единственного сына настоящим человеком.

Настоящий человек... Мальчику казалось, что отец имел в виду профессию летчика. К ней тянулась душа ребенка. Коля с завистью провожал каждого авиатора, проходившего улицами Оренбурга. Гуляя с одноклассниками в Зауральной роще, он сразу же забывал о друзьях, стоило появиться в небе самолету. Николай любовно мастерил модели планеров и даже взял однажды первый приз на городских соревнованиях. А когда после семилетки пришлось бросить учебу, — мать болела и надо было трудиться, — Николай устроился на работу в ремонтные мастерские авиаучилища. Через два года он уже учился в аэроклубе.

Война застала Николая курсантом училища. Летная программа давалась ему легко. Против его фамилии в классном журнале стояли только пятерки.

— Отменным воздушным бойцом будет Самароков, — заявил на экзамене подполковник Лисов. Такой же вывод сделал и майор Савченко, приезжавший отбирать летчиков для фронта.

Сколько времени прошло со дня выпускного экзамена? Месяца два. За такое время на войне героями становятся. А он, Самароков, даже в бою еще не был.

Сначала запасный полк. Потом вот этот фронтовой аэродром и полк, которым командует майор Савченко. При первой встрече командир эскадрильи старший лейтенант Олейник, ознакомившись с личным делом, удивленно воскликнул:

— О, сержант Самароков имеет уже сто десять часов налета!? Хоть завтра в бой...

Но ни завтра, ни послезавтра, ни через месяц Николай боя не увидел. Воевали другие, более опытные

летчики, а он пока оставался в резерве, тренировался. Почти каждый день, возвратившись с задания, старший лейтенант Олейник садился с Николаем в учебный самолет и отрабатывал различные упражнения. Иногда они вылетали на разных самолетах и затевали учебный бой. Приземлившись и выслушав замечания командира, Николай нетерпеливо спрашивал:

— Когда же, товарищ старший лейтенант, в настоящий бой возьмете?

— Не торопитесь, сержант. Успеете. Сначала надо запасом прочности как следует обзавестись.

И Николай не знал, шутит командир или всерьез говорит, на недостатки в технике пилотирования намекает или на отсутствие свободных самолетов в полку. «Запас прочности» — это была любимая фраза старшего лейтенанта.

Припоминая все это, Николай вдруг встрепенулся. Спасительная мысль осенила его: подполковник Лисов, вот кто ему поможет. Рассказать ему обо всем откровенно, и он поймет, поговорит с командиром полка. Ведь они оба два месяца назад выставляли ему отличную оценку.

Сержант вскочил, бросился к штабной землянке, но подполковника уже не застал.

...В один из жарких августовских дней 1942 года старший лейтенант Олейник отозвал Самарокова в сторону и спокойно сказал:

— Завтра вылетаем на штурмовку переправы. Будете у меня ведомым.

Густые черные брови Николая взметнулись вверх, лицо расплылось в улыбке.

— На каком самолете? — спросил он.

— А вот на том, — указал Олейник в сторону новенького «ила» с номером 22 на фюзеляже. — Пойдемте, с экипажем познакомлю.

У самолета трудились моторист Теплухин и механик по вооружению Староконь. Здесь же был сержант Гарагуля, лучший в полку стрелок-радист, имевший на боевом счету четыре сбитых в воздухе самолета противника.

Машину опробовали и облетали в тот же день. А наутро Николай в составе восьмерки, возглавляемой старшим лейтенантом Олейником, был над переправой. После он узнал от товарищей подробности штурмовки. В его же памяти остались лишь огненные трассы от сна-

рядов, черные султаны взрывов на земле да бешеная пляска самолетов. Удалось ли ему что уничтожить, чей самолет был рядом во время атаки — Николай точно сказать не мог.

То же повторилось и во втором, и в третьем бою. Не успевал Николай замечать того, что происходило вокруг него. «Неужто не выйдет из меня настоящий летчик-штурмовик?» — сокрушался он. Будто подслушав эти мысли, старший лейтенант Олейник успокаивал:

— Не отчаивайтесь, сержант. Со временем все на свое место встанет. Каждый с этого начинал. А зенитку вы здорово сегодня раскромсали. Помните?..

И Олейник с увлечением начинал рассказывать о том, как Николай удачно спикировал и прямым попаданием бомбы уничтожил пушку.

Самообладание, уверенность приходили постепенно. Молодой летчик научился сознательно выбирать цели, замечать подробности боя, анализировать их. Руки уже сами, автоматически выполняли необходимые в данных условиях движения, а глаза внимательно следили за полем боя, расположением противника, за действиями своих товарищей. Сержант Гарагуля перестал с укоризной посматривать на своего нового командира. Напротив, сержант не мог нарадоваться успехами Мыколы, как украински называл он Самарокова в кругу друзей.

— Мий Мыкола, — рассказывал Гарагуля после одного из вылетов, — найкращий летчик. Сегодня на озере вин барку запросто ухлопав. От фашистив тилькы бульбы на води остались.

Когда в полк приехали шефы, сибирские лесорубы, майор Савченко, представляя им отличившихся летчиков, одним из первых назвал фамилию Николая.

— Это наш самый молодой, но удачливый штурмовик, — тепло сказал командир.

Руководитель делегации лесорубов, высокий кражистый старик с орденом Ленина на груди, долго пожимал Николаю руку.

— Так их, сынок, бей проклятую нечисть, — приговаривал он, вручая летчику черные пушистые варежки — подарок неизвестной искусницы-сибирячки.

Потом все собрались в столовой. Авиаторы радушно угощали гостей. Сибиряки тоже не остались в долгу, разложили на столах издалека привезенную снедь. Но дружеский завтрак был прерван сигналами тревоги.

На стоянке старший лейтенант Олейник отдал приказ:

— На станцию Н. прибыли эшелоны, и гитлеровцы начали разгрузку... Зайдем с юго-востока... Замыкающей будет пара лейтенанта Самарокова.

Штурмовики успешно выполнили свою задачу.

Выводя самолет из последней атаки, Николай вдруг ощутил резкую боль в лице. Кровь залила глаза. Ледяной ветер ворвался в кабину. «Разбило фонарь»,— подумал летчик.

Сажал машину Самароков на одну «ногу». Правая не вышла: пробило воздушную систему.

Первой к накренившемуся самолету подъехала «санитарка». Молоденький фельдшер тут же стал вынимать застрявшие в коже лица раненого осколки стекла, делать перевязку. Глаза Николая были целы. Летчик видел, как командир полка вместе с руководителем делегации сибиряков направился к его машине.

Старый лесоруб обошел вокруг самолета, в котором зияло несколько десятков пробоин (68, как потом уточнил моторист), и недоуменно развел руками.

— Сынок,— обратился он к Самарокову,— как же ты летел? Ведь если я расскажу дома о том, что сейчас вижу, надо мной посмеются, скажут: брешет старый. Как им объяснить?

— Запас прочности,— ответил за Николая старший лейтенант Олейник.

— Запас прочности...— с расстановкой повторил делегат.— Чья же это прочность, самолета или летчика?

Теперь глаза лесоруба ожидающе смотрели на командира полка.

— Он-то имеет в виду машину,— заговорил майор Савченко,— а я вот думаю о летчике: раненый Самароков нашел силы, чтобы на подбитой машине долететь до своего аэродрома. Припоминаю один случай. Было это в первую военную осень. На наш аэродром сел вражеский самолет. Вначале мы думали, что летчик решил добровольно сдаться в плен. Но ошиблись. Оказалось, наши истребители повредили мотор фашистского самолета и прострелили пилоту руку. Гитлеровец испугался, что потеряет сознание и грохнется на землю, и, увидев наш аэродром, сел. Первое, что он сделал, стал звать на помощь доктора... Словом, запас прочности у фашиста слаб...

Раны на лице Николая зажили быстро. Вскоре он возвратился в строй боевых друзей.

Однажды февральским утром старший лейтенант Олейник повел свою эскадрилью на штурмовку моторизованной колонны фашистов, расположившейся на отдых в лесу. Фашисты имели сильное зенитное прикрытие. С воздуха их охраняли истребители.

Когда подходили к цели, из-за облаков вывалилась стая «мессершмиттов», и наши истребители, прикрывавшие штурмовиков, завязали с ними бой. Зенитки открыли заградительный огонь. Но штурмовики уже заняли боевой порядок, перешли в атаку. Вслед за подожженным Олейником танком запылали десятки других. После первого захода лес, где разместились гитлеровцы, представлял сплошное море огня.

Вторая атака... Самолет Олейника устремился к шоссе, по которому мчались уцелевшие вражеские машины. Летчики поняли замысел командира: надо отрезать пути противнику. Каждый выбрал себе объект для атаки.

Вдруг сердце Николая сжалось от боли. Он увидел, как трасса снаряда, словно гигантская раскаленная игла, вонзилась в самолет командира. За машиной потянулся шлейф густого дыма. Тотчас в шлемофоне раздался голос Олейника:

— Самароков, принимайте команду боем,— а затем яростно, уже в адрес фашистов:— Ну, гады, держитесь, дешево не дамся!

Советский сокол обрушил свою машину на скопленные фашистских танков...

Летчики были свидетелями славной гибели командира эскадрильи. Последующие атаки явились суровой местью за его смерть.

...Горько терять друга, с которым вместе воевал, коротал считанные часы фронтового досуга. Но еще тяжелее навсегда лишиться своего учителя, заботливого наставника.

Николай не находил себе места, не мог привыкнуть к осиротевшему топчану в углу землянки, где когда-то отдыхал Олейник. А тут, как на зло, установилась нелетная погода. И только чуть приподнялись облака, Самароков попросил у командира разрешения вылететь на свободную охоту.

По сведениям разведки, на шоссе, над которым разыгрался недавно трагический бой, гитлеровцы вновь

восстановили движение. Туда и устремился Николай. Вот и знакомый лес, характерный изгиб дороги. Вдоль нее, как и в тот раз, двигалась техника. Но что это? Над колонной два «фокке-вульфа». Не отогнав их, нельзя было приниматься за работу. А драться тяжелому штурмовику с юрким истребителем крайне невыгодно. «Что, запаса прочности не хватило?» — почудился насмешливый голос Олейника. И Николай бросает машину навстречу головному истребителю. Фашист заметил опасность слишком поздно. Кувыркаясь, обволакиваясь дымом, «фокке-вульф» пошел вниз. Другой трусливо скрылся в облаках. А на земле начался переполох. Одни машины прятались под развесистыми деревьями, другие спешили удрать по шоссе. Но везде их настигали меткие очереди пушек краснозвездного штурмовика.

Спустя месяц Николая вызвал майор Савченко.

— Как запас командирской прочности, накапливается? — спросил он с улыбкой.

— Практики маловато, — в тон майору шутливо ответил Самароков.

— Что ж, представляется возможность лишний раз потренироваться. Для того и вызвал. Смотрите, — майор развернул карту, — вот здесь, на станции, скопилось много эшелонов противника. Надо их уничтожить, разрушить железнодорожную линию. Станция сильно охраняется с земли и с воздуха. На штурмовку поведете три восьмерки. Вас прикроют истребители. Справитесь?

— Справлюсь, — уверенно заявил старший лейтенант.

— Как будете решать задачу?

Самароков наклонился над картой, немного подумал и стал докладывать.

А к вечеру с аэродрома поднялись двадцать четыре самолета-штурмовика. В воздухе к ним присоединилась большая группа истребителей. Обычно штурмовики на задание уходили на высоте полторы тысячи метров. Самароков приказал удвоить высоту полета. Маршрут выбрал значительно левее города в направлении строго на запад. На линии фронта гитлеровцы, не подозревая об истинных намерениях советских самолетов, пропустили их, даже не открыв зенитного огня. А Самароков, скрывшись из виду противника, развернул свою группу на восток. Когда штурмовики вынырнули из лучей заходящего солнца, предпринять что-либо фашисты, находив-

шиеся на станции, уже не имели возможности. Станция была надолго выведена из строя.

Осенью 1944 года Николаю приказали съездить за новым пополнением. Отсутствовал он почти три недели и догнал сослуживцев уже на польской земле. И конечно же — сразу к своему самолету. Взглянул на него и недовольно поморщился: на фюзеляже красовался большой орел. Не любил Николай всяких украшений.

— Это все работа лейтенанта Кудряшова, — поторопился разъяснить моторист Теплухин.

В кругу друзей Николай увидел и Кудряшова. Тот как ни в чем не бывало улыбался.

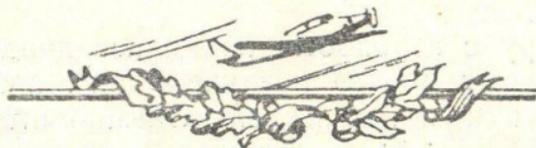
— К чему все эти художества? — строго сказал Самароков.

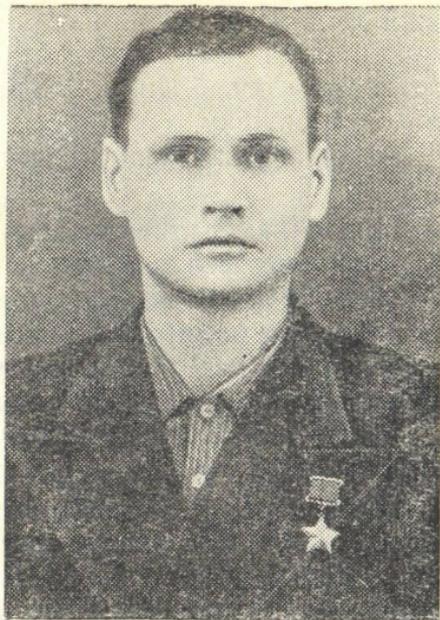
— Ребята, да он еще ничего не знает, — закричал Кудряшов. — Ты же, Николай Николаевич, у нас настоящий орел и летать тебе с орлами вместе. Вот на, почитай...

Лейтенант протянул газету. С первой страницы смотрел он, Николай, а чуть ниже стояла подпись: «Герой Советского Союза капитан Самароков Николай Николаевич».

...Свой последний, 120-й боевой вылет Николай Самароков совершил над Берлином. Пятнадцать лет прошло с того времени, а карту завершающего маршрута он хранит до сих пор.

Вскоре, демобилизовавшись из армии, Николай Николаевич приступил к мирному труду.

Алексей Сергеевич Андреев

А. ЕЛИСЕЕВ

ШЕЛ ПАРНИШКЕ В ТУ ПОРУ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОД...

В числе делегатов трех последних областных партийных конференций Оренбуржья был среднего роста худощавый молодой человек с Золотой Звездой Героя Советского Союза на груди.

— Такой молодой, а герой. Неужели в годы Отечественной войны получил? — интересовались впервые избранные на конференцию делегаты.

— Именно в годы войны, — отвечали знающие героя оренбуржцы и поясняли: — Это слесарь нашего завода «Гидропресс» Алексей Сергеевич Андреев.

* * *

...Из-за горизонта медленно поднималось большое огненно-красное солнце. Начинаясь сухой и знойный июнь-

ский день 1944 года. Подразделение советских войск с приданными ему противотанковыми орудиями только что с боем освободило от гитлеровцев небольшую литовскую деревушку.

— Приготовиться к контратаке! — последовал приказ.

Наводчик противотанкового орудия младший сержант Алексей Андреев взобрался на полуразрушенный амбар и стал внимательно осматривать местность. Взгляд его остановился на небольшой возвышенности, видневшейся в стороне. В самом центре ее, словно кратер, зияла глубокая воронка от взрыва снаряда крупного калибра.

— Ты чего там выглядываешь? — спросил наводчика заряжающий.

Подал руку и втащив заряжающего на амбар, Андреев показал на облюбованное место и сказал:

— Смотри, вот позиция! Фашистские танки попрут здесь. В лоб их будет бить несподручно. А оттуда, с фланга, мы их по ребрам...

— Далеко выдвигаться одним опасно... — начал было заряжающий, но, увидев подошедшего командира подразделения, смолк.

— По ребрам, говоришь, — произнес командир, и на его возбужденном лице появилась чуть заметная улыбка, которая всегда радовала и ободряла воинов, — действуй, Андреев! Позиция хорошая. А если что случится, поддержим.

Замаскировав орудие, расчет приготовился к бою. Ждать долго не пришлось. Вскоре показались вражеские танки. «Только бы не заметили», — подумал Андреев. Недалеко появился тяжелый танк врага. Он шел прямо на деревушку, подставляя свой бок под выстрел. Наводчик открыл огонь. Бронебойный снаряд попал в цель. Танк, сделав несколько судорожных рывков, остановился и задымил. Третьим выстрелом Андреев поджег второй танк.

Фронтальный и фланговый огонь наших орудий заставил фашистов повернуть вспять.

Вскоре Андреева вызвал наблюдавший за ходом боя командир соединения. Генерал поблагодарил младшего сержанта за умелые действия и мужество. А через несколько дней на гимнастерке Андреева по-соседству с

медалью «За отвагу» появилась вторая боевая награда — орден Отечественной Войны I степени.

Шли дни. Советская Армия неудержимым потоком двигалась вперед. Наступил август 1944 года. Войска третьего Белорусского фронта освободили столицу Литвы Каунас и вплотную подошли к границе Восточной Пруссии — колыбели немецкого фашизма. Бои здесь были особенно упорные и кровопролитные. Отступающий враг оказывал яростное сопротивление.

На одном из участков фронта советские воины готовились к отражению вражеской контратаки. У замаскированного орудия, выдвинутого вперед, стоял младший сержант Андреев. В наступившем затишье вспомнился ему родной Оренбург, паровозоремонтный завод, где работал его отец и где после окончания ФЗУ стал работать слесарем и он. Война оторвала его от любимившейся профессии, родной семьи, друзей. Уже не мало прошагал он фронтовых дорог, не раз смотрел смерти в глаза. И как бы ни было трудно, он не посрамит чести своей рабочей семьи, своего народа, высокого звания члена Коммунистической партии, в ряды которой его только что приняли.

Оглушительные залпы орудий прервали воспоминания о доме. Огненный шквал нарастал с каждой секундой. Снаряды рвались совсем рядом, вздымая глыбы земли. Воздух сразу наполнился пылью и едкой гарью. Закончив артподготовку, противник бросил в бой тяжелые танки с десантом автоматчиков.

— Алеша, пора, пора! — взволнованно торопил Андреева заряжающий. Но наводчик медлил. И только когда головной танк приблизился настолько близко, что стала ясно различима его ненавистная фашистская свастика, Андреев открыл огонь.

Первый же снаряд угодил точно в цель. Алексей отчетливо услышал скрежет стали. Подбитая машина, нырнув в ложбинку, уткнулась дулом своего орудия в землю.

Вели огонь и другие противотанковые орудия. На поле боя один за другим останавливались подбитые фашистские танки, прячась за которыми, отстреливались уцелевшие автоматчики.

Вражеская контратака захлебнулась. Противник начал отступать. Находящийся рядом с Андреевым командир стрелкового подразделения выскочил из-за укрытия.

чтобы возглавить преследование врага, но, сраженный автоматной очередью, рухнул на землю. На мгновение смертельно раненный советский офицер поднял с земли голову и, обращаясь к Андрееву, произнес последние слова в своей жизни:

— Там, впереди, их батарея. Во что бы то ни стало захватить ее. Подымай людей.

Оставив у орудия заряжающего, Алексей схватил автомат и с пламенными словами: «Вперед! За Родину!» первым бросился за отступающим врагом...

Оборона врага была прорвана. Преследуя фашистов, наши подразделения захватили их батарею. Андреев сразу бросился к одному из уцелевших орудий и, развернув его, открыл огонь по отступающим гитлеровцам. В это время рядом с Андреевым разорвалась вражеская мина.

...Очнулся Алексей в палатке полевого госпиталя. Вскоре туда вошел генерал. Его спокойные серые глаза были удивительно похожи на отцовские. Теплотой и лаской повеяло от них.

— Спасибо за все, что ты совершил для Родины,— сказал генерал.

Родина высоко оценила подвиг своего верного сына. Когда у солдата зарубцевались раны и он снова вернулся в строй, его вызвали в Москву. В Большом Кремлевском дворце Алексей Сергеевич Андреев получил орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза.

Первым к нему подошел прославленный советский летчик Кожедуб, получивший в тот день третью Золотую Звезду Героя Советского Союза. Поздравив Алексея с высокой наградой, он спросил:

— А ты из какого гнезда вылетел, сокол?

— Из Оренбурга,— ответил Андреев.

Виталий Андреевич Сорокин

Л. БОЛЬШАКОВ

ВСЕГДА В СТРОЮ

Виталий Андреевич Сорокин вместе с грамотой о присвоении ему звания Героя Советского Союза бережно хранит письмо, полученное от боевых товарищей вскоре после окончания Великой Отечественной войны:

«Здравствуй, Виталий, — писали однополчане. — Мы, весь личный состав эскадрильи, с которой ты прошел долгий и тяжелый боевой путь, сегодня, услышав Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении тебе высокого звания Героя Советского Союза, от всей души поздравляем тебя с высокой наградой и желаем тебе счастливой жизни на трудовом фронте.

Мы никогда не забудем тех дней, когда ты вместе с нами рука об руку шел в бой с врагом, не жалея ни сил,

ни жизни во имя победы. Не забудем и то, что ты до последнего момента героически дрался в бою, тяжелораненый выполнил боевой приказ Родины, спас машину и экипаж.

Твой героический подвиг будет для нас всегда примером. Так любить и защищать Родину будем и мы. На твоём примере будем учить новые пополнения нашей части.

Тебя сейчас нет среди нас, но мы душой и сердцем разделяем гордость за твою награду. Мы с тобой, и ты будешь всегда с нами.

Желаем тебе, Виталий, хорошего здоровья, долгих лет жизни и труда на благо нашей Родины, нашего народа.

До свидания, наш любимый герой!

Крепко жмем твою руку».

Под письмом подписи друзей: Герой Советского Союза Степан Давиденко (он рекомендовал Сорокина в партию), штурман Николай Легков (вместе с ним участвовал Сорокин во многих боевых вылетах).

И еще один документ хранит Виталий Андреевич. Это «Личная летная книжка пилота». На ее страничках отражен весь его путь в авиации.

...Выпуск в Оренбургском военно-авиационном училище состоялся глубокой осенью грозного 1941 года. Молодые летчики рвались на фронт. Однако вместо фронта Сорокина направили в запасный полк осваивать самолет «Пе-2».

Потянулись месяцы напряженной боевой учебы. С мыслью о Советской Родине, с горячим стремлением скорее пойти на врага, встретиться с ним, чтобы победить, начинали и заканчивали учебный день будущие легкиибомбардировщики.

В середине 1943 года учеба закончилась. В «Личной летной книжке пилота» Сорокина появилась лаконичная запись: «Летает уверенно, смело и грамотно. В сложной обстановке не теряется. Имеется полная возможность использовать в скоростной пикирующей бомбардировочной авиации».

10 июля 1943 года Сорокин впервые вылетел на выполнение боевого задания — бомбардировку скопления вражеской техники в районе станции К. Задание было выполнено.

На Орловско-Курском направлении молодому летчику вместе с товарищами по эскадрилье приходилось вылетать почти каждый день, сбрасывая на врага смертоносный бомбовый груз.

Случалось попадать в тяжелые положения, но выходил он из них победителем. В августе огнем зенитки был выведен из строя один из моторов его самолета. Летчик не растерялся. Он умело использовал возможности машины и выполнил задание на одном моторе.

Уже через два месяца после прибытия на фронт В. А. Сорокин получил орден Красной Звезды.

Каждая страница в «Личной летной книжке пилота» — это новые боевые вылеты.

Белоруссия... Сорокин и его товарищи бомбят скопления живой силы и танков врага, обрушиваются на его артиллерийские позиции, на склады с боеприпасами, на мосты.

Польша... Вылет за вылетом — и каждый несет гибель фашистам, приближает их полный разгром. За бои в Польше Сорокин удостоивается ордена Красного Знамени. Не менее дорога ему и вторая награда — медаль «За освобождение Варшавы».

Бои переносятся на территорию Германии.

«11 марта 1945 года. Бомбометание по скоплению живой силы и техники противника в районе Штеттина...» За этой скупой записью — героический подвиг летчика. Вот что писалось об этом в листовке, выпущенной политотделом:

«Личный состав нашего соединения с гордостью и волнением узнал о новом героическом подвиге, совершенном прекрасным сыном великого русского народа, славным соколом, членом Ленинского комсомола, командиром звена, лейтенантом Виталием Сорокиным.

Краснознаменный Орловский пикирующий бомбардировочный полк в течение двух лет воспитывал 23-летнего комсомольца летчика Сорокина. Его учили боевому мастерству, мужеству и отваге лучшие мастера бомбового удара полковник Соколов, майор Лабин, Герои Советского Союза капитаны Дельцов и Давиденко.

Виталий участвовал в Орловско-Курской, Севской, Речицко-Гомельской, Калининвичско-Мозырьской, Бобруйской операциях, совершил 70 успешных боевых выле-

тов, вырос до командира звена. Славный патриот не раз показывал образцы мужества и отваги...

11 марта 1945 года весь полк летал бомбить крупный опорный пункт обороны противника. Задача была чрезвычайно ответственной: требовалось взорвать вражеские укрепления и расчистить нашей наступающей пехоте путь на запад, в логово зверя. Среди всей летящей в бой армады летел и комсомолец Сорокин.

Яростно сопротивляясь, противник подтянул к этому городу много зенитных средств. Едва только показались наши «петляковы», как бесчисленное количество разрывов заволокло небо, трассы из пулеметов пронизывали все пространство. Но «петляковы» продолжали полет.

Самолет Сорокина еще не дошел до цели, когда в кабину попал снаряд. Летчик был тяжело ранен. Но воспитанник Ленинского комсомола, преодолевая боль, продолжал полет до цели и отлично выполнил свое задание. Бомбы легли точно в цель.

Перед славным летчиком встала задача — довести самолет до своего аэродрома и тем самым спасти экипаж и машину. Напрягая все силы, всю свою волю, отважный богатырь успешно справляется и с этой задачей.

Отважный сокол сейчас вышел из строя, он находится на излечении в госпитале, но слава о его героическом поступке гремит в нашем соединении, не померкнет никогда».

Так писалось в листовке. Ее дополняет рассказ самого Сорокина:

— Когда мы перелетали линию фронта, зенитный снаряд разорвался у кабины моего самолета. Кабина наполнилась дымом, осколки оторвали четыре пальца правой руки, впились в ногу, грудь. Положение было исключительно тяжелым. Ко мне заглянул штурман Николай Легков. Я подумал, что он ранен. Но оказалось, что члены экипажа невредимы. Это сразу придало сил.

«Пойдем вперед», — твердо сказал я.

Конечно, принять такое решение было легче, чем его выполнить. Давала о себе знать все более увеличивающаяся потеря крови. Чтобы уменьшить ее, я поднял руку и, держа ее в таком положении, вел машину.

Когда сбросили бомбы на цель, повернули домой. Надо было во что бы то ни стало дотянуть до своих. Силы убавлялись с каждой секундой. Держаться помогало, на-

верное, чувство ответственности за жизнь товарищей, за свой замечательный самолет.

Перелетели линию фронта. Аэродром... Придется сажать машину на «живот»... Но ведь после этого она долго не поднимется в небо!

«Выпускай шасси!» — дал я команду штурману.

Превозмогая страшную боль, охватил согнутой в локте раненой рукой штурвал, высвободил левую и произвел посадку... Что было дальше, не помню. Все слилось, все перемешалось...

...Весть о присвоении звания Героя Советского Союза Виталий Андреевич услышал уже на родной советской земле. Несколько дней спустя в Кремле ему вручили орден Ленина и Золотую Звезду. С этими высокими наградами возвратился он в Орск, откуда еще до войны уехал юношей, имевшим за плечами девять классов средней школы да аэроклуб.

Прошли первые дни, заполненные встречами со старыми и новыми знакомыми. Сорокин изъездил город вдоль и поперек. С восхищением осматривал новые заводы, новые улицы. И с каждым днем укреплялось желание: быстрее за дело.

На нефтеперерабатывающем заводе им. Чкалова, куда поступил работать Сорокин, его поставили во главе одного участка товарного цеха. Работал он с большим рвением. Задания выполнялись по-военному точно. Все свободное время начальник участка тратил на знакомство с заводом, с организацией и технологией производства, на чтение производственной литературы. Вскоре он стал учиться на вечернем отделении нефтяного техникума.

...Недавно мы встретились с В. А. Сорокиным снова. Он начальник одного из технологических цехов. Встреча произошла на атмосферно-вакуумной трубчатке. Это одна из самых крупных установок завода. Коллектив ее все время идет в первых рядах соревнующихся. Здесь не знают невыполнения государственных заданий. При активном участии Виталия Андреевича осуществлено важное техническое усовершенствование, благодаря которому отбор светлых продуктов возрос на пять процентов против плана. Себестоимость продукции снизилась, завод получает дополнительно сотни тысяч рублей экономии.

Сорокин успешно защитил дипломный проект. Как ни трудно было сочетать работу с учением, не спасовал.

— Без твердых знаний у нас работать нельзя, — говорит он.

Виталий Андреевич находится в самой гуще жизни. Много лет он является членом партийного комитета завода, депутатом городского Совета. Не раз с трибуны сессии городского Совета звучал его голос. При участии Виталия Андреевича решены некоторые вопросы благоустройства городка завода им. Чкалова, транспортного обслуживания нефтяников.

...Улица Достоевского, 5. Здесь в небольшом доме, окруженном садом, живет семья Сорокиных. Людмила Петровна нередко корит мужа за то, что опоздал к обеду, но понимает: большую работу, которую ведет он, не всегда уложишь в определенные рамки времени. Она тоже работала на заводе, но теперь — дома: воспитывает троих детей. Дочка Зоя — самая младшая. С любовью ухаживают за маленькой сестричкой школьницы Светлана и Евгений.

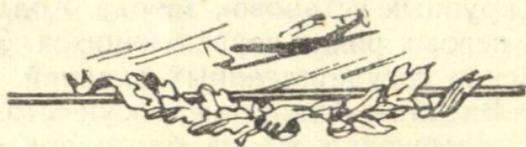
Радостным творческим трудом наполнены мирные дни В. А. Сорокина. Но он не забывает о своих боевых друзьях, об авиации.

Некоторое время назад в газете «Советская авиация» был напечатан очерк о трудовых буднях героя. На этот очерк откликнулись многие однополчане. Из авиационной части, в которой служил Сорокин, пришло приглашение приехать на ежегодный традиционный праздник.

И он поехал. Встреча была теплой, сердечной. Гостю преподнесли памятный адрес и ценные подарки.

— Мы храним и всегда будем хранить славные боевые традиции части! — заверили его молодые летчики.

Возвратился Виталий Андреевич домой и с новой энергией взялся за работу. Он всегда в строю!

Михаил Михайлович Слободсков

А. МИХНЕВИЧ

ТРОЕ НА ТОМ БЕРЕГУ

Стояла теплая осень. Изредка выпадали короткие дожди. Тронутые золотом густые прибрежные леса казались тихими и безлюдными, но эта тишина была обманчивой.

Под пологом лесов, в рощах, оврагах накапливались войска. В прозрачном осеннем небе не утихал шум моторов, то и дело завязывались воздушные бои. Наша артиллерия держала под непрерывным обстрелом позиции немцев на правом берегу Днепра. Немцы отвечали. Напряжение росло, чувствовалось, что вот-вот должны начаться решительные действия.

Разведывательная рота расположилась в полуразрушенной деревушке в двух километрах от Днепра.

Вечерело. Группа солдат-разведчиков, среди которых

был и Михаил Михайлович Слободсков, вооружившись котелками с борщом, обедала. Сидели в садочке, перешучивались и усиленно работали ложками. Немолодая хозяйка с материнской нежностью смотрела на молодежь, украдкой вытирая глаза концами головного платка. Кто знает, может быть, через несколько часов этим веселым хлопцам придется идти в огонь, под пули, на смерть? У нее самой муж и сын два года назад ушли в армию. Где-то они теперь? Она вынесла корзинку чудесных антоновских яблок, и солдаты дружно принялись за неожиданное угощение.

— Что-то Мишка Слободсков приумолк у нас нынче, — сказал, подмигивая, Саша Черных, лукавый сибиряк. — Ай букет забыть не может?

Солдаты засмеялись.

Несколько дней назад машина с разведчиками остановилась в пути у колодца. Шофер уже кончил заливать воду в радиатор, завел мотор, а в это время из ближнего двора выскочила черноглазая девчонка лет шестнадцати, подбежала к машине и кинула букет ярких астр, да так кинула, что он упал как раз на колени Слободскову.

— Повертайтесь з перемогою! — крикнула она звонко.

Машина быстро удалялась, а девушка стояла у дороги и махала тонкой рукой.

Об этом и напомнил Саша, но Слободсков промолчал. Весь день он был сам не свой, порой с трудом удерживал слезы. Утром он получил из Оренбурга письмо от отца о смерти брата Ивана.

«Умер в госпитале от ран, — писал отец. — Я извещение матери не показывал и боюсь ей сказать. Она еще не пришла в себя после смерти Лукьяна, и снова такое горе. За один год двух сыновей потерять! Хоть ты, Миша, себя береги».

Разведчики не успели поесть, как у ворот послышался громкий голос:

— Слободсков! К лейтенанту.

Слободсков, схватив автомат и на ходу застегивая шинель, побежал к хате, где находился командир роты.

В хате все окна были плотно завешены, на столе горела крохотная керосиновая лампочка. Кроме лейтенанта, у стола сидели генерал-майор, майор из штаба и еще двое с немецкими автоматами, в шинелях без погон.

Слободсков, волнуясь, доложил о прибытии.

— Вот что, — сказал генерал, подняв лицо от карты, — нам на этом берегу лишнего часа нельзя сидеть, наше дело двигаться дальше, истреблять фашистов. Нужно идти в разведку. Вас рекомендовал лейтенант. Возьмите с собой двух бойцов, рацию и сегодня же ночью — на тот берег. Товарищи партизаны вам помогут, — генерал указал на людей с автоматами. — Наблюдать и доносить, себя не выдавать, огня не открывать. Остальное вам объяснит лейтенант...

Глубокой ночью Михаил Слободсков, Александр Черных и Иван Шаманов в сопровождении двух партизан вошли в заросли лозняка на берегу Днепра. Раскаты орудийных выстрелов не утихали. Время от времени в небо взлетала осветительная ракета, озаряя бледным светом черную широкую реку и пустынные берега. Ракета гасла, и после этого темнота казалась еще плотнее.

В кустах был приготовлен плотик. Едва погасла очередная ракета, как пять пар крепких рук спустили плотик на воду, перенесли на него оружие, боеприпасы, радиостанцию, продукты. Солдаты перешли на шаткий плотик, который сразу погрузился, но остался на плаву, чуть возвышаясь над водой. Партизаны оттолкнули плотик.

— Ну, счастливо доплыть, братья, — проговорил тихо один из них, — гребите покрепче и скоро под тою кручею будете. Там вас фрицы и не побачать. Та не забудьте — по берегу мин багато насовано.

В темноте никакой кручи не было видно. Река быстро несла плотик, солдаты молча гребли. Наконец зашуршал прибрежный песок. С величайшей осторожностью, быстро и беззвучно разведчики разгрузили плотик и оттолкнули его от берега.

Шли по узкой зыбкой отмели гуськом. Останавливались, прислушивались, шли дальше. Попали в густые колючие заросли и по ним поднялись к крутой стене откоса. Здесь, у основания откоса, среди деревьев и кустов, в сотне метров от воды вырыли пещеру, сложили свое добро, установили рацию.

Радист Шаманов немедленно кодом сообщил в штаб, что переправились благополучно. Передача была самая короткая, чтобы не дать немцам возможности засечь рацию.

Мрак окружал трех храбрецов, а где-то рядом пригаился враг, жестокий и беспощадный.

Прижавшись друг к другу, сидели под мелким дождем, прислушиваясь к каждому звуку. Потом Шаманов остался в кустах, а Черных и Слободсков осторожно двинулись вдоль берега, нашли овражек, по склону которого поднялись к опушке рощицы. Стало чуть светлее. Где-то впереди ярко вспыхивали разрывы снарядов нашей артиллерии. Разведчики углубились в рощицу и, услышав немецкую речь, замерли в чаще деревьев. В полусотне шагов прошло человек десять немцев не то с винтовками, не то с лопатами в руках и пропали во мгле.

Солдаты двинулись дальше, наткнулись на колючую проволоку, повернули в сторону. В ложбине под деревьями заметили штабель ящиков, видимо с боеприпасами, около них темнела фигура часового. Бросить несколько гранат — и боеприпасов как не бывало, но связываться в бой было запрещено.

На обратном пути едва не столкнулись с другим небольшим отрядом, позади которого ехала повозка с кольями и колючей проволокой. Лежа в кустах у тропинки, разведчики слышали русскую речь. «Власовцы», — решили разведчики. Предатели в мундирах вермахта шли на оборонительные работы и переругивались между собою.

Слободсков и Черных вернулись к Днепру, по приметам нашли место, где оставался Шаманов. Тотчас по радио сообщили в штаб об укреплении немцами прибрежной полосы и о присутствии власовцев.

Отходить днем от убежища было рискованно тем более, что и с советского берега могли открыть огонь по движущимся фигурам. Тем не менее разведчики по очереди, ползком, прячась в кустах, несколько раз в течение дня поднимались по овражку наверх. Было замечено движение групп немецких саперов. На небольшой поляне, совсем недалеко от места, где укрывались разведчики, фашисты устанавливали мины, еще дальше рыли траншеи, маскировали огневые точки.

Так прошел день. Похолодало. К берегу прибило несколько трупов солдат. Видно, где-то выше по Днепру шли бои на переправах.

С наступлением сумерек Слободсков и Черных риск-

нули продвинуться дальше. Несколько раз приходилось залегать и ждать, так как попадались группы гитлеровцев. Когда разведчики опушкой леса подошли к оврагу, то увидели на дне его несколько танков, бензовозов, грузовиков, замаскированных ветвями.

Возвратились на берег и немедленно сообщили по радио своим о скоплении вражеской техники. Сидя в укрытии, разведчики слышали, как наша артиллерия начала обстрел фашистских танков, сосредоточенных в овраге.

На следующий день огонь советских батарей резко усилился. В прибрежной полосе стала накапливаться пехота врага. Все же под носом у фашистов наши смельчаки вели разведку. Ради осторожности перенесли рацию на новое место, более укрытое.

Наступила третья ночь, и она снова прошла без сна, под грохот непрерывной канонады: то наши бомбардировщики громили фашистскую оборону на правом берегу.

Перед рассветом недалеко от места, где укрывались разведчики, появились фашисты. Они что-то искали, шаривали местность, порой открывали огонь из автоматов по прибрежным зарослям. Потом ушли. Утром гитлеровцы возобновили прочесывание местности.

Теперь разведчики не сомневались — их присутствие на правом берегу обнаружено, радиостанцию засекли, но уходить было поздно. Приготовили автоматы, гранаты. Немцы вначале двигались цепью, потом залегли. Слободсков приказал Шаманову вызвать по радио огонь на себя.

Вокруг разведчиков начали рваться фашистские мины. Их осколки разлетались со зловещим свистом. Один из них впился в грудь Шаманову, другой повредил рацию. Шаманов хотел что-то сказать, но тут же свалился на бок и затих навеки.

Залегшие во время короткого минометного налета фашисты снова поднялись. Их было человек двадцать, разведчиков только двое. Гитлеровцы приближались медленно, готовые ко всякой неожиданности.

Слободсков в страшном волнении считал секунды. Почему наши тянут, не дают огня? Неужели в дивизии не поняли?

Когда фашисты были в пятидесяти шагах, разведчи-

ки метнули из кустов одну за другой по две гранаты и открыли огонь из автоматов.

В это время грозно заговорил левый берег Днепра. С грохотом обрушились на прибрежную полосу фугасные снаряды. Тонны песка, целые деревья взлетели в воздух. Где гитлеровцы? Нет их!

Слободсков и Черных лежали на дне воронки, тесно прижавшись друг к другу. Земля дрожала, камни, песок, ветки сыпались на них сверху.

Внезапно огневой налет прекратился. Наша артиллерия перенесла огонь в глубь фашистской обороны. Зато близко на этом берегу начали стрелять пулеметы и автоматы. Это наши переправившиеся части выбивали фашистов из прибрежных укреплений.

Вскоре разведчики увидели бойцов своей части, а через некоторое время разыскали командира роты, которому доложили обо всем, что знали о фашистских частях на этом берегу.

Через несколько дней командир дивизии по поручению Президиума Верховного Совета СССР вручил М. Слободскову и А. Черных орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза за героизм, проявленный при форсировании Днепра. Генерал по-отечески обнял разведчиков и пожелал им новых успехов. И. Шаманову звание Героя Советского Союза было присвоено посмертно.

* * *

Советские войска форсировали Днепр и успешно развивали наступление дальше на запад. В одном из боев Михаил Слободсков был серьезно ранен и во второй раз очутился в госпитале. Оттуда он вышел через несколько месяцев.

В бою на реке Неман Слободсков наступил на мину. Долго лечился в госпитале. Много усилий приложили врачи, чтобы поставить его в строй, но все же ногу пришлось ампутировать.

Весной 1945 года, за несколько дней до капитуляции гитлеровской Германии, Герой Советского Союза Михаил Михайлович Слободсков возвратился в родной Оренбург.

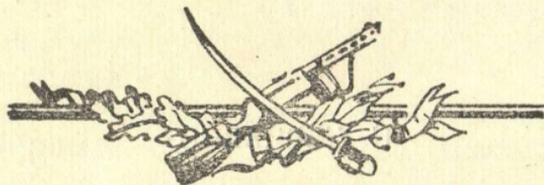
Война не дала возможности Михаилу Михайловичу получить специальное образование: он ушел в армию со школьной скамьи.

Теперь надо было на трудовом фронте найти свое место в рядах строителей коммунистического общества.

Не успели отгреметь салюты в честь победы над Германией, а Михаил Михайлович уже принялся за учебу. Учился он с редким увлечением и упорством. Окончил курсы бухгалтеров, кооперативный техникум. Бывший разведчик хорошо изучил вопросы сбыта хозяйственных товаров.

Сейчас он техник-товаровед оптовой базы управления торговли. Женится, растит детей.

— Страшное дело, война,— говорит Михаил Михайлович,— сколько горя, невыразимых страданий принесла она человечеству. У меня погибли на войне два брата, убит зять, я вернулся домой инвалидом. Все мы, советские люди, горячо поддерживаем политику мира, проводимую советским правительством. Наши дети должны быть избавлены от ужасов войны!

Алексей Александрович Брыкин

Н. ЧЕРНАВИН

ОТВАГА И УМЕНИЕ

— Нет, — упрямо повторил Алексей. — В институт не пойду.

Дарья Павловна вздохнула: в отца характером, не повернешь, коль задумал. И зачем ему сдалось это самое училище? Поступил бы в институт, инженером стал.

Но Александр Федотович поддержал сына:

— Хватит, мать, агитировать. Не маленький уже Лешка-то, сам в жизни разбирается. Пусть будет зенитчиком.

Отцу нравится молодой задор сына. И сам он жил по такому правилу: выбрал цель — шагай, не сворачивая. Его, старого солдата, не пугала служба в армии, он знал: там куются мужественные, сильные люди, готовые на любой подвиг во имя матери-Родины.

...Из военкомата Алексей вернулся хмурый и злой.
— Ты чего, Алексей, надулся будто мышь на крупу? — спросил отец.

— Не приняли. Ростом, видишь ли, не вышел.

— Ну, и что же думаешь делать?

— А вот что: завтра пойду к начальнику училища. Все равно возьмут!

И взяли. Так Алексей Брыкин стал курсантом зенитно-артиллерийского училища.

Годы учебы пролетели незаметно. Выпускной вечер. Гром оркестра. Алексей Брыкин — теперь младший лейтенант — прощался с товарищами, с которыми сроднился за годы учебы.

Утром поезд увез его в далекий Красноярский край.

Отлично служил оренбуржец. В его личном деле появились первые благодарности командования.

И вот отпуск. Алексей в родном Оренбурге. Радостные встречи с родными, знакомыми. Вечером молодой офицер пошел навестить друзей, бывших одноклассников.

Не прошло и часа, как в доме, где жили Брыкины, раздался звонок.

— Телеграмма.

«Выезжайте немедленно», — прочел Александр Федотович. Телеграмма была подписана командиром части. Через полчаса пришла еще одна такая же телеграмма, за ней третья.

Алексей в ту же ночь выехал в Красноярск.

Наутро радио сообщило: началась война с белофиннами. В ней участвовала и часть, в которой служил Алексей.

Снег и огонь, бетон и снаряды. Линия Маннергейма. Храбро сражались зенитчики. Росло боевое мастерство солдат и офицеров. Брыкин закончил войну лейтенантом.

Снова Сибирь, снова ученье.

И вот, как удар грома:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой!..

«Иди, Леня, — писал сыну Александр Федотович. — И войей как положено русскому солдату. Мы обязательно одолеем Гитлера — иначе быть не может...».

Александр Федотович знал, что война будет тяжелой и кровопролитной. Но старый солдат, сражавшийся с немцами еще в первую мировую войну, твердо верил: советский народ под руководством партии коммунистов обязательно разгромит врага, поставит его на колени.

Алексей ответил родителям:

«Вам за меня краснеть не придется. Ты, отец, бил Вильгельма, а мы не дадим спуску Гитлеру».

...Первый бой под Новоград-Волынском. Фашистская авиация атаковала наш полевой аэродром. Воздух стоял от рева моторов, тяжелых взрывов. Немцы шли тремя волнами по 75 самолетов в каждой. И первый удар обрушился на зенитчиков. Но не дрогнули солдаты батареи Брыкина. Под градом пуль и осколков работали орудийные расчеты. Никто не думал об уходе в укрытие. На смену раненым становились товарищи. Зенитный огонь не прекращался ни на секунду.

...«Юнкерс» вошел в пике.

— Огонь! — скомандовал Брыкин.

От залпа дрогнул и разорвался воздух. В небе шапками возникли темные облака разрывов. «Юнкерс» клюнул носом, за самолетом потянулся дым, вспыхнуло пламя. Остальные самолеты врага шарахнулись в сторону, чтобы через минуту вновь пойти на батарею.

К аэродрому прорвались фашистские танки. Но и они не сломили отважных зенитчиков. Батарея была в упор по бронированным машинам. Дрогнул и закружился на месте один, вспыхнул другой...

У одного из орудий стоял Алексей Брыкин, заменивший погибшего наводчика. Он сам заряжал, уточнял наводку и слал снаряд за снарядом.

Враг не прошел.

Так начался боевой счет нашего славного земляка.

...Наши части с тяжелыми боями оставляли Воронеж. Батарея Брыкина в уличных боях вела сокрушительный огонь.

Борьба шла за каждый метр родной земли. Вот на одну из улиц вырвался немецкий танк.

— Огонь!

И бронированное чудовище, лязгнув подорванной гусеницей, повернулось бортом. Ещё выстрел. Танк загорелся.

Снова танковая атака. И опять зенитчики заставили

гитлеровцев повернуть обратно. С разорванной броней, свороченными башнями горели танки врага.

Третья атака. Она была особенно ожесточенной. Когда орудия вышли из строя, зенитчики вооружились гранатами и бутылками с зажигательной смесью и продолжали бить врага.

Шли боевые будни. Батарея старшего лейтенанта Брыкина прикрывала аэродромы, населенные пункты, мосты и переправы от воздушных налетов врага. Она участвовала в рейдах советских танков и конницы в тыл противника, героически сражалась за Сталинград. В этих боях батарея достигла вершины огневого мастерства — научилась бить врага поражающими залпами.

...Переправа через полузамерзший Донец. Не успели бойцы закончить оборудование огневой позиции, как раздался сигнал: «Воздух!». На батарею шла группа вражеских бомбардировщиков в сопровождении истребителей. Фашисты применили очередную хитрость: они разбились на две группы, первая пошла к переправе, а вторая — в сторону. Но Брыкин разгадал маневр врага. Стоит только открыть огонь — вторая группа незаметно нападет на батарею. А в таком бою малейшее промедление — смерть: бомбардировщики уничтожат и батарею и средства переправы.

Зенитчики действовали молниеносно. После первого залпа один из самолетов первой группы врезался в землю.

Зенитчики открыли огонь по второй группе бомбардировщиков, тоже повернувшей к переправе. И еще один самолет был сбит...

И опять бои, бои.

...Курская дуга. Только за один день зенитный дивизион, которым командовал капитан Брыкин, сбил тринадцать гитлеровских самолетов.

...Днепровский рубеж. Дивизион оренбуржца обеспечил бросок пехоты и танков через водную преграду. В первых рядах наступающих шли его пушки, помогая «царице полей» расширять и удерживать захваченный плацдарм.

Вскоре двадцатитрехлетний капитан Брыкин был назначен командиром зенитно-артиллерийского полка.

Кировоградская операция. Пятнадцать самолетов врага уничтожил зенитный полк, которым командовал

Брыкин. Командир полка удостоился воинского звания майора.

В короткие перерывы между боями шла непрерывная учеба, разбор боевых действий. Зенитчики настойчиво совершенствовали свою подготовку. Полк отличался высокой дисциплиной, огневой культурой, образцовым состоянием техники.

...Польский город Ченстохов. Здесь блестяще проявились воинские способности оренбуржца. Его полк обеспечил разгром вражеского гарнизона. Приказом Верховного Главнокомандующего полку было присвоено почетное наименование: «Ченстоховский».

Войска маршала Конева подошли к Одеру. Водная преграда оказалась крепким орешком. Гитлеровцы предпринимали все, чтобы задержать наступление Советской Армии. Их авиация непрерывно совершала налеты на плацдармы и переправы наших войск. В иные дни над боевыми порядками наших частей появлялось больше самолетов врага, чем в самые напряженные дни боев под Сталинградом и Курском. Советское командование приняло меры для защиты от нападения с воздуха. Наши части были прикрыты мощным зенитно-артиллерийским огнем.

В этих боях на всю страну прославился оренбуржец Алексей Александрович Брыкин.

Ночью зенитчики подошли к Одеру. Сделали плоты, погрузили на них артиллерию, пулеметы. Брыкин, возглавлявший десантную группу, переправлялся с двумя батареями. Плыли тихо, бесшумно, чтобы не заметил враг. Но почти у самого берега сели на мель. Зенитчики, а вместе с ними и командир спустились в ледяную воду, с трудом сняли плот с мели.

Под покровом ночной темноты батареи незамеченными вышли в тыл врага. Зенитчики по всем правилам оборудовали огневые позиции и с волнением ждали приказ с того берега. Близился рассвет. Пули просвистели над головами бойцов. «Раскрыли» — мелькнула мысль. И как бы в подтверждение этого в воздух взвилась фашистская ракета, послышался рокот моторов, а потом показались и самолеты. Они шли на позиции батарей Брыкина.

Командир принял решение — вступить в бой, огнем отразить контратаку. Закипела жаркая схватка. Непре-

рывно били зенитки, строчили пулеметы. Враг стягивал силы к десантной группе. А в это время наши войска, воспользовавшись замешательством противника, переправились через Одер.

Два дня шли упорные бои. Подлинный героизм и незаурядное боевое мастерство проявили воины, возглавляемые Брыкиным. Они сбили восемнадцать самолетов врага, подбили четыре танка, уничтожили до батальона фашистской пехоты.

В часть приехал генерал Родимцев.

— Натворил дел! — сказал он Брыкину. А потом вдруг улыбнулся и обнял майора за плечи. — Молодец, земляк, благодарю за инициативу, решительность и стойкость.

Указом Президиума Верховного Совета СССР майору Алексею Александровичу Брыкину было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Советские войска устремились к Дрездену. Рос боевой счет оренбуржца. За время, прошедшее после форсирования Одера, его полк подбил две самоходки, уничтожил две пулеметные точки, отразил семь контратак противника, уничтожил двести и взял в плен шестьдесят двух солдат и офицеров врага, разгромил диверсионную группу, сбил двадцать самолетов.

Подполковник Брыкин закончил войну в двадцатипятилетнем возрасте. Подразделения и части, которыми он командовал, форсировали Дон, Донец, Днепр, Южный Буг, Днестр, Вислу, Одер и Эльбу, защищали Сталинград, принимали участие в освобождении от фашистских войск Ворошиловграда, Харькова, Полтавы, Кременчуга, Кировограда, Первомайска, Знаменки, Тирасполя, Тернополя, Львова, Варшавы, Ясс, Сандомира, Ченстохова, Дрездена и Праги.

Двенадцать правительственных наград украсили грудь Алексея Александровича Брыкина. В их числе: орден Ленина, Золотая Звезда Героя Советского Союза, ордена Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной Войны I степени, медали «За боевые заслуги», «За освобождение Праги» и другие.

После войны А. А. Брыкин окончил высшую орден Отечественной Войны I степени военную школу противовоздушной обороны Советской Армии и стал заместителем командира соединения. В 1955 году он был уволен из

армии по состоянию здоровья. В 1956 году Алексей Александрович умер.

...В Оренбурге на улице Кобозева стоит небольшой дом. Здесь живут Александр Федотович и Дарья Павловна Брыкины.

Александр Федотовичу шестьдесят восьмой год, но он продолжает работать — обучает кузнечному делу студентов железнодорожного техникума. Опыт у него богатейший — с детских лет работал кузнецом. Не сидит без дела и Дарья Павловна. Она продает книги в киоске.

В дом на улице Кобозева часто заходят ученики школ, курсанты военных училищ. Радушно встречают молодых людей Александр Федотович и Дарья Павловна. Они рассказывают молодежи о детстве, учебе, боевых делах сына-героя.

Иван Моисеевич Бражников

Б. САВИНКОВ

НАД ДНЕСТРОМ

Летный день только что окончился. Личный состав эскадрильи собрался на разбор учебно-тренировочных стрельб. Командир эскадрильи, подробно остановившись на результатах стрельбы по конусам, сказал: — Старшина Бражников имеет наибольшее количество пробоин. Берите пример со снайпера воздушного огня!

Командир объявил старшине благодарность за отличную стрельбу.

...Ранним июньским утром авиаторов подняли по тревоге. Полк, где служил Иван Бражников, вступил в бой. Сидя в кабине бомбардировщика, старшина внимательно следил за воздухом. Под ним проплывали бескрайние украинские нивы, пылающие в огне родные совет-

ские города. Иван вспомнил, как несколько дней назад он готовился к демобилизации из армии, уже представлял себя идущим по тихим улицам Оренбурга. Но как далеко отодвинулись теперь дни мирной и спокойной жизни. Все помыслы направлены к одному — быстрее разгромить захватчиков.

Экипаж благополучно вернулся с разведывательного полета. Командир лейтенант Локтев приказал мотористам готовить машину к завтрашним полетам, а сам пошел докладывать о результатах разведки. Во время этого вылета было замечено, что через Днестр немцы наводят переправу. На правом берегу скопилось много войск и техники. Это были важные сведения. Командир полка немедленно сообщил о них командиру авиационного соединения.

Солнце уже клонилось к закату. Экипаж собирался идти на отдых.

— Лейтенант Локтев и штурман Навроцкий! — подбежав к самолету, сказал посыльный. — Вас вызывает генерал.

Когда офицеры явились к генералу, он показал им на карте переправу через Днестр и сказал:

— Немцы стремятся глубоко вклиниться в нашу оборону на этом участке фронта. Они сосредоточили на том берегу крупную танковую группировку. Надо задержать ее. А это можно сделать, только уничтожив переправу. Это должны выполнить вы. Учтите, задание сложное. Вас будет прикрывать звено истребителей.

...Взрели моторы. Отяжелевший от полной бомбовой нагрузки самолет набрал скорость и плавно оторвался от земли. В воздухе к нему пристроились истребители.

Заходящее солнце светило ярко. Находясь у западной части горизонта, оно слепило своими лучами, мешало летчику просматривать воздух. Зато стрелку-радисту заднюю полусферу видно хорошо.

— Цель близка, — посмотрев на карту, передал штурман.

Впереди сверкала в лучах заходящего солнца серебристая лента Днестра. До нее оставались считанные километры.

Но что это? Из-за перистых облаков слева, со сторо-

ны солнца, на группу советских самолетов неожиданно вывалилась девятка фашистских истребителей.

— Принимаем бой на себя! — передал по радио командир истребителей прикрытия.

Три «ястребка» завязали бой с шестью самолетами врага. Но три «мессершмитта» ринулись на бомбардировщик.

— Ваня! Видишь фашистов? — спросил Локтев.

— Заметил, — спокойно ответил Бражников.

Один из «мессеров» пошел на пикирование. Подойдя совсем близко к бомбардировщику, он открыл огонь из своих пулеметов, норовя зажечь мотор. Но немец промахнулся. Резко рванув вверх, немецкий летчик пошел на разворот, открыв свое незащищенное «брюхо». Воспользовавшись оплошностью врага, стрелок-радист дал по нему короткую очередь из пулемета. Самолет с черными крестами на крыльях вспыхнул и камнем полетел на землю.

— Хорошо, Иван! — раздался в шлемофоне голос Локтева.

Другие истребители противника не отставали. Они старались зайти снизу, пристроиться в «мертвую зону». Локтев маневрировал, давая возможность Бражникову вести огонь.

Один из «мессеров» сумел все же подойти близко к бомбардировщику и открыть огонь по левому мотору. Иван успел поймать его в прицел и дал очередь. Истребитель свалился в штопор и, не выходя из него, врезался в землю.

Но и бомбардировщик горел, приближаясь к цели.

В наушниках, как клятва, прозвучали слова командира:

— Гастелло до самого последнего вздоха думал о борьбе, чтобы нанести удар наибольшей силы. Если нам не дадут возможности сбросить «гостинец», то тоже сделаем, как он! Лучше смерть со славой, чем позор плена!

— Правильно! — ответили ему одновременно Бражников и Навроцкий.

Локтев попытался несколькими маневрами сбить пламя с левого крыла. Но не удалось.

— Переправа под нами! Цель накрываю! — сказал штурман.

Бомбы полетели вниз. Клубы пыли, дыма и фонта-

ны воды высоко поднялись над переправой. Охранявшие ее зенитки открыли яростный огонь. Локтев бросал машину из стороны в сторону, увертываясь от разрывов, держа курс домой.

Вражеские истребители снова кинулись на него. Желтые, с синим отливом языки пламени перекинулись на фюзеляж бомбардировщика. Они уже начали подбираться к бензобаку и кабине стрелка-радиста. Казалось, что самолет вот-вот взорвется. Бражников, не чувствуя ожогов, продолжал посылать меткие очереди то в одного, то в другого вражеского истребителя, отгоняя их от себя.

Надеясь добить бомбардировщик, один вражеский истребитель зашел ему прямо в хвост. Иван не видел фашиста, но знал, что он идет на них. Выждав, когда тот подойдет ближе, дал очередь через хвост своей машины и поразил третий вражеский самолет.

Бомбардировщик заметно терял скорость и высоту. Земля неумолимо приближалась. Иван начал задыхаться от дыма и нестерпимой жары. На нем воспламенился комбинезон.

— Товарищ командир! — пытался он связаться с Локтевым, но связь уже не работала.

Бражников высунулся из кабины и увидел, как из самолета выпрыгнули летчик и штурман. Старшина подтянулся, ухватился за борт и ринулся вниз. Раскрылся парашют. Стремительное падение сменилось плавным спуском. В наступившей тишине раздался взрыв. Это бомбардировщик взорвался в воздухе.

Обгорелых, еле живых Навроцкого и Бражникова подобрала пехотинцы. Они сделали им перевязки и отвели в землянку. Локтева нашли мертвым. Оказалось, что стропы его парашюта были срезаны своей же машиной. Тяжело переживали гибель командира авиаторы, гнев и ненависть к врагу сжимали их сердца.

На другой день спасшихся вызвал командир соединения. По-отцовски, приветливо встретив их, генерал спросил штурмана, показывая на стрелка-радиста:

— Он?

— Он! — ответил штурман.

— Старшина Бражников! — доложил стрелок-радист.

— Знаю, знаю, что старшина, — сказал генерал и, обняв воина, крепко поцеловал его. — Был бы у меня такой

сын — гордился бы им! Родина не забудет того, что вы совершили!

Генерал повернулся к группе штабных офицеров.

— Это первый случай, товарищи, на нашем фронте, когда стрелок-радиотехник бомбардировщика сбил в одном бою три вражеских истребителя.

Указом Президиума Верховного Совета СССР штурману Михаилу Алексеевичу Навроцкому и стрелку-радиотехнику Ивану Моисеевичу Бражникову, за проявленное мужество и отвагу при уничтожении переправы через Днестр, было присвоено звание Героя Советского Союза. Лейтенанту Локтеву звание Героя Советского Союза было присвоено посмертно.

Не один боевой вылет в тылы врага совершил Бражников, не один раз довелось ему участвовать в воздушных схватках с врагом. Кроме ордена Ленина и Золотой Звезды Героя Советского Союза, грудь его украсили орден Красной Звезды и боевые медали.

Закончил войну Иван Моисеевич в звании старшего лейтенанта, имея на своем счету около ста боевых вылетов.

В 1946 году он демобилизовался из Советской Армии и приехал в родной Оренбург, где стал работать и учиться. Мирным трудом он укрепляет могущество Родины.

СОДЕРЖАНИЕ

Вращенные партией	3
<i>В. Смирнов.</i> Гвардии генерал	6
<i>С. Левинсон.</i> На Днепре	15
<i>В. Пролеткин.</i> Верный клятве	22
<i>В. Морозов.</i> За штурвалом самолета	36
<i>А. Кустов.</i> Снайпер	45
<i>И. Филиппов.</i> Соколиная семья	52
<i>А. Зимин.</i> До последнего снаряда	58
<i>Н. Быстрая.</i> Сердце героя	63
<i>А. Елисеев.</i> Пример стойкости и бесстрашия	71
<i>А. Олейник.</i> Подвиги штурмовика	76
<i>М. Клипиницер.</i> Отважный пулеметчик	82
<i>М. Мерзабеков.</i> Парень из села Кутлуево	88
<i>Л. Большаков.</i> Бессмертие героя	93
<i>Г. Румянцев.</i> Труженик войны	100
<i>Г. Киященко.</i> Запас прочности	105
<i>А. Елисеев.</i> Шел парнишке в ту пору девятнадцатый год	113
<i>Л. Большаков.</i> Всегда в строю	117
<i>А. Михневич.</i> Трое на том берегу	123
<i>Н. Чернавин.</i> Отвага и умение	130
<i>Б. Савинков.</i> Над Днестром	137

РАССКАЗЫ О ГЕРОЯХ

Редактор В. П. Романенко

Художник В. А. Тельнов

Технический редактор М. И. Цюрко

Корректор К. Б. Кайданек

Сдано в набор 31/V 1960 г. Подп. к печ.
21/VII 1960 г. Г—594262. Бумага 84×108/32.
Печ. л. 4,5 (7,38). Уч.-изд. л. 6,99.
Тираж 40 000 экз. Заказ 4988. Цена 3 р. 60 к.
С 1/I 1961 г. цена 36 коп.

Оренбургское книжное издательство.
Пролетарская, 2.
Типография издательства Оренбургского обкома
КПСС «Южный Урал», Постникова, 9.

ТОВАРИЩИ ЧИТАТЕЛИ!

*Отзывы на книгу просим высылать
по адресу: г. Оренбург,
Пролетарская, 2.
Оренбургское книжное издательство.*

3 р. 60 к.
С 1.1 1961 г. цена 38 коп.

ОРЕНБУРГСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1960